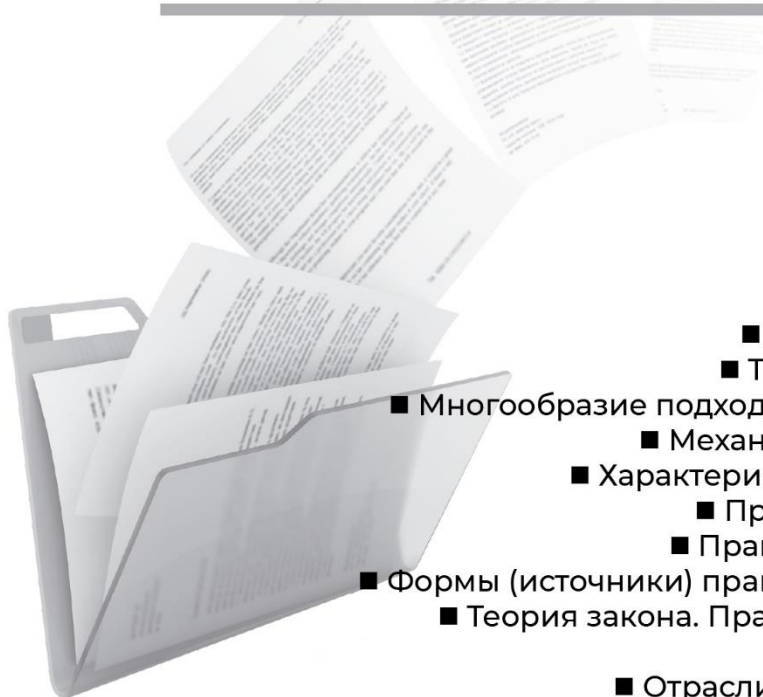

ISSN 2500-3674

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

- Онтология и гносеология права
- Теория обычая и обычного права
- Многообразие подходов к вопросам правопонимания
- Механизмы правового регулирования
- Характеристика моделей правовых систем
- Право в системе социальных норм
- Правосознание и правовая культура
- Формы (источники) права. Нормативные правовые акты
- Теория закона. Права человека как источник права
- Система и структура права
- Отрасли, подотрасли и институты права
- Правотворчество и законодательный процесс
- Применение правовых норм

№3-2025

Журнал «ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ» издается с 2016 года.

В журнале публикуются результаты научных исследований, суть которых состоит в глубоком познании права, государства и других юридических или экономических явлений. Среди авторов журнала российские и зарубежные исследователи (доктора и кандидаты наук, аспиранты и соискатели, студенты), и специалисты-практики (судьи, работники прокуратуры, адвокаты, нотариусы, экономисты, банковские служащие, государственные и муниципальные служащие, историки, философы). Широкая специализация журнала позволяет публиковать на его страницах статьи, обзоры, отзывы, рецензии и другие материалы, содержащие в себе новые теории познания всех отраслей юридической науки, экономической, а также материалы, содержащие результаты междисциплинарных исследований.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Приоритетные задачи издания:

- популяризация научной деятельности в российской высшей школе;
- ознакомление научного сообщества с передовыми результатами исследовательской активности в профильных областях знаний и обмен опытом с зарубежными коллегами и учеными из стран СНГ;
- актуализация современных научных воззрений на проблематику в сфере прикладной и фундаментальной науки, применительно к тематической специализации издания – теория государства и права, правоприменение и правотворчество;
- продвижение перспективных и научно-исследовательских разработок, связанных с предметной областью издания.

Разделы и рубрики журнала:

- теория и история права;
- конституционное право, конституционный судебный процесс;
- муниципальное право;
- актуальные вопросы частного права;
- уголовное право и процесс, уголовно-исполнительное право;
- судебно-экспертная деятельность;

- оперативно-розыскная деятельность и криминалистика;
- административное право, административный процесс;
- адвокатская дело;
- теория и история философии права;
- социальная и политическая философия;
- философия культуры;
- философия науки и техники;
- экономика и управление народным хозяйством;
- основы экономической безопасности;
- экономические преступления и методы их профилактики и противодействия;
- вопросы обеспечения национальной безопасности.

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25.

Периодичность выхода: 8 выпусков в год.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN):
2500-3674.

Настоящее издание включено в Перечень ведущих научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденными приказом Минобрнауки России (дата включения в перечень ВАК – 19.12.2023г.), журнал также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

Кудинов Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) (Москва)

Денисова Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов)

Калюжный Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России (Москва)

Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры управления ОВД в особых условиях ЦКШУ Академии управления М В Д России (Москва)

Ключко Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор общеинститутской кафедры психологии образования

Института педагогики и психологии образования, Московского городского педагогического университета. (Москва)

Либанова Светлана Эдуардовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

Лукьянчикова Людмила Владимировна, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

Мухина Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, эксперт в области экономической безопасности и региональной экономики, почетный работник сферы образования Российской Федерации (Москва)

Назипова Гульчачак Рахимзяновна, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения, доктор исторических наук, член ИКОМ (Международного Совета музеев) России, член Правления Совета музеев ПФО, член НП АДИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»), член НП «Национальный Союз Экспертов», эксперт по культурным ценностям, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры (Казань)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва)

Рудаков Анатолий Валерьевич, доктор политических наук, Главный эксперт научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Синицын Олег Владимирович, доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН), Заслуженный профессор Казанского университета, Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Казань)

Спектор Асия Ахметовна, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Российский университет транспорта (МИИТ) (Москва)

Субетто Александр Иванович, профессор, кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры Истории религии и теологии РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук, доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ

Ульянов Олег Германович, доктор исторических наук, Профессор, Академик Российской Академии Естествознания, Историк, искусствовед, археолог. (Москва)

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (Краснодар)

Храмцова Флюра Ибрагимовна, дважды доктор политических наук – России, Белоруссии, профессор политологии, кандидат педагогических наук, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Института государственной службы, главный научный сотрудник НИИ Теории и практики государственного управления той Академии управления

EDITOR-IN-CHIEF OF THE JOURNAL

Kudinov Vladimir Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities Department of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Vinokurov Alexander Yuryevich, Doctor of Law, Professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of International Cooperation in the Field of Prosecutorial Activity, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and International arbitration courts (arbitrations) (Moscow)

Denisova Anna Vasilyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Judicial Systems and Criminal Law Department at the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov)

Kalyuzhny Yuri Nikolaevich, Doctor of Law, Professor of the Management Department of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Kireev Mikhail Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Internal Affairs Management in Special Conditions Department of the Central Research School of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Klyuchko Olga Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor of the General Institute Department of Educational Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University. (Moscow)

Libanova Svetlana Eduardovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Constitutional Law Department, Ural State Law University (Yekaterinburg)

Lukyanchikova Lyudmila Vladimirovna, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department of the Higher School of Jurisprudence Department of the Faculty of Public and Municipal Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Mukhina Elena Gennadievna, Doctor of Economics, Associate Professor, expert in the field of economic security and regional economics, Honorary Worker of education of the Russian Federation (Moscow)

Nazipova Gulchachak Rahimzyanovna, Professor of the Museology Department, Cultural Studies and Art History, Doctor of Historical Sciences, member of the ICOM (International Council of Museums) of Russia, member of the Board of the Council of Museums of the Volga Federal District, member of Automation of Museum Activities and Information Technologies, member of National Union of Experts, expert on cultural values, Honored Worker Culture of the Republic of Tatarstan, Kazan State Institute of Culture (Kazan)

Redkous Vladimir Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Process at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Rudakov Anatoly Valerievich, Doctor of Political Sciences, Chief Expert of the Research Center for the Study of National and International Security Problems at the Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod)

Sinitsyn Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Professor of the Department of Historical and Social Studies Education (based on the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences), Honored Professor of Kazan University, Honored Worker of Higher Education of the Republic of Tatarstan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Kazan)

Spector Asia Akhmetovna, Doctor of Law, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Russian University of Transport (Moscow)

Subetto Alexander Ivanovich, Professor, Department of Social Sciences, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of History of Religion and Theology of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Honored Scientist of the Russian Federation

Ulyanov Oleg Germanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Historian, art historian, archaeologist (Moscow)

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)

Khramtsova Flura Ibragimovna, twice Doctor of Political Sciences – Russia, Belarus, Professor of Political Science, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor at the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Institute of Public Administration, Chief Researcher at the Research Institute of Theory and Practice of Public Administration of that Academy of Management

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бирюкова Анастасия Ивановна, Заднепровская Марина Валентиновна. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ 16

Покровская Наталия Васильевна, Рубцов Сергей Николаевич, Билашенко Екатерина Вениаминовна, Турова Виктория Евгеньевна. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА 22

Уповор Иван Владимирович. ФУНКЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 28

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Аверьянов Артем Дмитриевич. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 34

Редкоус Владимир Михайлович. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ) 44

Степанова Ирина Александровна. К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ 51

Уповор Иван Владимирович. ПЕРЕДАЧА ПОЛНОМОЧИЙ ОТ ПОСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОМУ РАЙОНУ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 58

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Бессараб Елена Валентиновна. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИЯХ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ РФ 65

Брайцева Елена Анатольевна. РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ПО ИНИЦИАТИВЕ АРЕНДАТОРА: ТЕОРИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА 74

Бурнос Екатерина Николаевна, Ошуева Виктория Владимировна. К ВОПРОСУ О «ЦИФРОВОМ ЩИТЕ» ДЛЯ ОНЛАЙН-ПОТРЕБИТЕЛЕЙ 79

Гужвина Оксана Петровна. ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	88
Мионов Андрей Александрович. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ МЕЖДУ КРЕДИТОРОМ И ДОЛЖНИКОМ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА	99
Пименов Сергей Александрович. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ДИСТАНЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ПРЕПАРАТАМИ	105
Санович Софья Александровна. СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОГО СТАТУСА ЧЛЕНА НЕКОММЕРЧЕСКОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	116
Чекунова Ольга Никандровна, Рубцов Сергей Николаевич, Зуев Андрей Вячеславович. МЕРЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ	123
Чекунова Ольга Никандровна, Рубцов Сергей Николаевич, Зуев Андрей Вячеславович. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА	129
Шипков Никита Антонович. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОГО ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	135
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
Далоев Артур Торунович, Москалева Елена Николаевна. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ДОПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ	143
Иванова Татьяна Евгеньевна. ВЫРАЖЕНИЕ ЯВНОГО НЕУВАЖЕНИЯ К ОБЩЕСТВУ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ХУЛИГАНСТВО И НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ	151
Романенко Елена Александровна, Бокова Алёна Олеговна. К ВОПРОСУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	157

Соловьева Светлана Витальевна. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОН ЯТРОГЕННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ 166

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Томилова Инга Игоревна. К ВОПРОСУ О МЕСТЕ
ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РОССИИ В ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И
ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 172

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Biryukova Anastasia Ivanovna, Zadneprovskaya Marina Valentinovna.
PROBLEMATIC ASPECTS OF INTEGRATIVE LEGAL UNDERSTANDING 16
- Pokrovskaya Natalia Vasilyevna, Rubtsov Sergey Nikolaevich,
Bilashenko Ekaterina Veniaminovna, Turova Victoria Evgenyevna.
HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE RULE OF
LAW 22
- Uporov Ivan Vladimirovich. FUNCTIONS OF LOCAL GOVERNMENTS
IN THE TRANSPORT SECTOR: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT 28

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Averyanov Artem Dmitrievich. THE CONCEPT AND TYPES OF
CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF ECONOMIC
SECURITY 34
- Redkous, Vladimir Mikhailovich. LEGAL STATUS OF SOCIAL
ENTREPRENEURSHIP ENTITIES (EXPERIENCE OF LEGISLATIVE
REGULATION IN THE CIS MEMBER STATES) 44
- Stepanova Irina Alexandrovna. ON THE ISSUE OF AN INTEGRATED
INFORMATION SECURITY SYSTEM IN THE FIELD OF PROTECTION OF
THE POPULATION AND TERRITORIES FROM EMERGENCY
SITUATIONS 51
- Uporov Ivan Vladimirovich. TRANSFER OF AUTHORITY FROM A
SETTLEMENT TO A MUNICIPAL DISTRICT: A LEGAL ASPECT 58

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- Bessarab Elena Valentinovna. PECULIARITIES OF THE APPLICATION
OF LAND LEGISLATION IN THE TERRITORIES OF DIFFERENT
REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION 65
- Braitseva Elena Anatolyevna. TERMINATION OF THE LEASE
AGREEMENT ON THE INITIATIVE OF THE TENANT: THEORY AND
JUDICIAL PRACTICE 74
- Burnos Ekaterina Nikolaevna, Oshuyeva Victoria Vladimirovna. ON
THE ISSUE OF A "DIGITAL SHIELD" FOR ONLINE CONSUMERS 79
- Guzhvina Oksana Petrovna. PRIVATE LAW DETERMINANTS OF THE
USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE 95

Mironov Andrey Alexandrovich. ACTUAL PROBLEMS OF MAINTAINING THE BALANCE OF INTERESTS BETWEEN THE CREDITOR AND THE DEBTOR IN THE SALE OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE BANKRUPTCY PROCEDURE OF AN INDIVIDUAL	88
Pimenov Sergey Alexandrovich. LEGAL REGULATION OF THE REMOTE DRUG TRADING MARKET	99
Sanovich Sofia Alexandrovna. THE CONTENT OF THE LEGAL STATUS OF A MEMBER OF A NON-PROFIT CORPORATE ORGANIZATION	105
Chekunova Olga Nikandrovna, Rubtsov Sergey Nikolaevich, Zuev Andrey Vyacheslavovich. MEASURES OF CIVIL PROTECTION AGAINST UNFAIR ACTIONS OF PARTICIPANTS IN CIVIL TURNOVER: PROBLEMATIC ISSUES	116
Chekunova Olga Nikandrovna, Rubtsov Sergey Nikolaevich, Zuev Andrey Vyacheslavovich. PROBLEMS OF EXERCISING CORPORATE RIGHTS BY PARTICIPANTS IN CIVIL TURNOVER	123
Shipkov Nikita Antonovich. THE SOCIO-LEGAL ESSENCE OF A COMMERCIAL LICENSE AGREEMENT IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: WAYS TO IMPROVE CIVIL LAW REGULATION	129
CRIMINAL LAW SCIENCES	
Daloev Artur Torunovich, Moskaleva Elena Nikolaevna. ON THE NEED TO SUPPLEMENT CRIMINAL LAW MEASURES TO COMBAT FRAUD	143
Ivanova Tatiana Evgenievna. THE EXPRESSION OF OBVIOUS DISRESPECT FOR SOCIETY AS AN OBJECTIVE SIGN OF THE ELEMENTS OF CRIMES CHARACTERIZING HOOLIGANISM AND VIOLATION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION	151
Romanenko Elena Aleksandrovna, Bokova Alena Olegovna. ON THE ISSUE OF PREVENTING CORRUPTION-RELATED CRIMES	157
Solovyova Svetlana Vitalievna. PROBLEMS OF DETERMINING THE OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIDES OF IATROGENIC CRIMES	166

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Tomilova Inga Igorevna. ON THE ISSUE OF THE PLACE OF
GENERALLY RECOGNIZED PRINCIPLES AND NORMS OF
INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL TREATIES OF RUSSIA
IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION:
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

173

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 34

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Бирюкова Анастасия Ивановна

Магистрант,
Волгоградского института управления – филиала
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»,
г. Волгоград, Россия
SPIN-код 3433-8321

Заднепровская Марина Валентиновна

Кандидат юридических наук, доцент – профессор кафедры теории права и
государственно-правовых дисциплин,
Волгоградского института управления – филиала
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»,
г. Волгоград, Россия
SPIN-код 7531-0174

В статье рассматриваются актуальные проблемы интегративного правопонимания в условиях современной действительности. Предпосылками к формированию и объединению нескольких типов правопонимания в единое понятие «интегративное правопонимание» послужили работы ученых XIX в. И несмотря на то, что Дж. Холл официально ввел понятие «интегративного правопонимания» в 1947 году, в настоящее время в научном сообществе все еще отсутствует единое мнение о понятии «интегративного правопонимания». С помощью диалектического метода научного познания, аксиологического метода, антропологического метода проведенное исследование интегративного правопонимания поможет установить существенные критерии данного явления и подтвердить возможность реального существования и использования интегративного типа правопонимания, как единственного, объективного, рационального типа правопонимания, с целью совершенствования права в целом для общества и государства.

Ключевые слова: интеграция, интеграция в праве, интегративное право, рационализм, теории права, школы права, тип правопонимания, естественно-правовая школа правопонимания, психологическая теория права, юридический

позитивизм, социологический тип правопонимания, историческое правопонимание, интегративное правопонимание.

Актуальность исследования интегративного правопонимания заключается в том, что до сих пор гуманисты, философы, правоведаы, не могут прийти к единому мнению, определению интегративного правопонимания, определению интегративного подхода к пониманию права и определению теории интегративного понимания права. Поскольку, как сказал Д.А. Леусенко, вопрос о содержании интегративного понимания права является одним из самых сложных как в отечественной, так и зарубежной правовой науке [1, с.17]. Ряд ученых склоняется к мнению, что не стоит усложнять правопонимание объединяя в единую общую интегративную концепцию, но большинство исследователей правоведов настаивают на выделении интегративного правопонимания, как самостоятельной теории права и утверждают, что подобное явление было зафиксировано в научных работах еще в XIX веке. Дж. Холл официально ввел понятие «интегративного правопонимания» еще в 1947 году. Для того, чтобы разобраться в таком сложном явлении как интегративное правопонимание, видится необходимость установить четкий ряд критериев, признаков, существенно отличающих интегративный подход к пониманию права от уже существующих подходов правопонимания. Но прежде, стоит обратиться к понятию «интеграция» и «интеграция в сфере права» и выделить существенные признаки указанных явлений, что в конечном счете позволит опровергнуть концепцию интегративного правопонимания или наоборот подтвердить имеющиеся точки зрения ученых.

Интеграция, с точки зрения толкового словаря В.И. Даля, это объединение частей в единое целое [2, с.236]. Интегрированные знания в отличие от просто связанных между собой характеризуются целостностью, системностью, стройностью. Стройная система знаний составляет сформированное научное понятие, но путь к такому понятию часто идет через смешение его с другими [3, с. 44]. Например, право очень тесно связано с моралью и нравственностью, соответственно интеграция морали и нравственности отражается непосредственно в праве как регуляторе общественных отношений. А многие нормы права имеют морально-нравственное содержание. Конституционные нормы права закрепляют основные права и свободы человека и гражданина [4, с. 55]. Таким образом, можно утверждать, что право как единый целый системный регулятор общества интегрировало в себя отдельные части знаний духовной составляющей человечества, такие как мораль и нравственность.

Интеграция в праве или интегративное право в современной юриспруденции, как верно утверждает С.Ю. Кашкин, это новая, формирующаяся усилиями теоретиков и практиков своеобразная обобщенная модель (или несколько сходных моделей) правового регулирования межгосударственных и внутригосударственных отношений, возникающая в реальной жизни в процессе интеграции и глобализации. Наука интеграционного права – это сфера человеческой деятельности, направленная на разработку, анализ и теоретическую систематизацию объективных данных о закономерностях развития и правовом регулировании процессов интеграции для использования их на практике. Методы интеграционного права – это методы правового регулирования общественных отношений правом интеграционных организаций и методы познания и изучения действующего права таких организаций, регулируемых ими сфер общественной жизни. Это также методы, используемые в науке интеграционного права и в соответствующей учебной дисциплине [5, с. 2153].

Соответственно, интеграция как явление обладает признаком объединения отдельных частей в единое целое. Интегративное право или интеграция в праве имеет признак объединения отдельных регуляторов (традиции, религия и т.п.) составляющих человеческое общество в единую, общую модель регулирования общественных отношений с учетом их общественной полезности и в то же время с

учетом индивидуальности. Указанная единая модель регулирования общественных отношений возникает из реально существующих моделей поведения в конкретный период жизни человека.

В связи с чем на основании вышеприведенного, логично возникает вопрос: из каких частей необходимо создать единое, целое понимание права, чтобы точно ответить на вопрос, что есть право, какова его сущность, свойства, будет ли оно выполнять эффективно свои функции и зачем оно необходимо обществу?

Обратимся к понятию правопонимания ученого Р.Р. Палехи, который дал наиболее точное определение данного явления. Под правопониманием необходимо понимать профессиональную научную категорию, широко применяемую в теоретической юриспруденции и указывающую как на сознательно-волевой мыслительный процесс, так и на творческий результат целенаправленной абстрактно-логической деятельности субъекта познания, зависящую от объектно-субъектных характеристик, представленных правом и человеческим сознанием, преследующую цель – получение достоверного знания о праве и раскрытие его сущности [6, с. 118]. Соответственно, любой тип правопонимания имеет четкую и ясную, единую цель – получение достоверного, полного знания о праве и раскрытие сущности права, то есть для чего и зачем обществу и государству необходимо такое явление как право. Достижение указанных целей возможно только благодаря тому, что право будет рассматриваться с позиции естественных прав человека, психологии, с позиции социологии, истории, религии, этики, материализма.

Современный западный исследователь права И.Б. Флорес обращает внимание на то, что юридическая практика и логика должны быть интегрированы в право, а плюралистический методологический подход – в правовую рациональность. По мнению ученого, правовая рациональность состоит из пяти разных уровней. Первый – это лингвистическая рациональность, позволяющая избежать проблем двусмысленности и неопределенности правовых текстов. Второй – это юридически-формальная, или системная, рациональность, обеспечивающая сведение к минимуму юридических коллизий. Третья – это телеологическая рациональность, указывающая на то, что законы и судебные решения должны не только издаваться, но и быть способными к реализации. Четвертый – это прагматическая рациональность, означающая, что законы и судебные решения являются не только действующими, но и социально и экономически эффективными. Пятый – это этическая рациональность, указывающая, что законы и судебные решения являются справедливыми и не могут не признать несправедливость или нарушение основных принципов и прав, в том числе моральных. И.Б. Флорес делает акцент на то, что законодатели и судьи должны знать или, по крайней мере, иметь в виду особенности языка, употребления или значения слов; уникальность существующей правовой системы, ее прошлое, настоящее и возможности для развития в будущем; особенности системы функций права, интересов, принципов, целей и правовых ценностей; все аспекты возможных последствий и результатов действия правовых норм и судебных актов; действие каждого принципа, в том числе морального, который определяет сущностные характеристики различных видов юридической практики. Все эти пять различных уровней, сфер или видов важны и ценны. Необходимо, чтобы эти пять различных уровней правовой рациональности, сфер или видов были интегрированы в комплексную, но работоспособную правовую рациональность. Право и правовой рационализм не могут обходиться без морали. Более того, они не будут достаточными без интеграции морали [7, с. 25-27].

В юриспруденции имеется множество теорий, школ, типов правопонимания с характерными для них отличительными особенностями. И каждая из них содержит в себе те признаки, которые дают им закрепление в науке как самостоятельного явления. Теории, школы, типы правопонимания согласно определению интеграции, в нашем исследовании представлены как отдельные части целого.

Сущность естественно-правовой школы правопонимания заключается в том, что права человека и гражданина не отделимы и принадлежат ему от рождения. Не Бог даровал человеку эти права. Поэтому государство должно гарантировать защиту прав и законных интересов человека и гражданина с помощью установления, внедрения специальных юридических, правовых средств. Естественно правопонимание тесно взаимодействует с психологической теорией права. С точки зрения психологического правопонимания, право – это продукт регулирования общественными отношениями, исходящий из биологических потребностей и психологических установок, мотиваторов, которые управляют человеком, а значит обществом и государством в целом.

Юридический позитивизм характеризуется тем, что право есть совокупность норм, которая является продуктом государственной воли. В связи с этим, Г. Кельзен выделяет чистую теорию права (или позитивизм), согласно которой юридическая наука должна отказаться от оценки права и принимать его таковым, каково оно есть [8, с. 190]. То есть право – есть строгий набор правил и все без исключения должны им следовать, а государство следит за выполнением таких правил. Субъективный фактор относительно данного типа правопонимания всегда будет присутствовать, и он неизбежен. Воля государства – это воля субъекта или субъектов. Следовательно, объективности достичь не представляется возможным.

Социологический тип правопонимания основывается на том, что государство, как законодатель, творец права исходит из уже сформированных общественных отношений и на основании этого устанавливает правовой механизм регулирования данных отношений, этот процесс постоянный, изменяемый, не статичный.

Историческое правопонимание исходит из понимания того, что право должно развиваться само по себе в непосредственно самом обществе, подобно тому, как развивается язык.

Соответственно, мы не можем отрицать ни одной из вышеназванных теорий, школ, типов правопонимания. Но мы не можем, и не имеем права, утверждать, что надо следовать только одной концепции правопонимания, поскольку это неполно отражает цели, сущность и назначение права в обществе и в государстве. Потому как право действительно будет иметь смысл и выполнять свою функцию только, если будет существовать живой человек с его набором прав и свобод, а иначе, что тогда защищать и оберегать государству. К тому же право возникнет тогда, когда субъектов будет как минимум двое. Сложно представить себе ситуацию, где один человек устанавливает право сам для себя. Невозможно отрицать имеющийся исторический опыт, который позволяет исключить ошибки прошлого и выстроить более эффективный механизм регулирования общественных отношений. Без юридического позитивизма или чистой теории права вообще невозможно представить само право, так как регулятор общественных отношений должен иметь свое юридически четкое закрепление в виде норм, правил в письменном виде, со всеми вытекающими правовыми последствиями. И тем более невозможно представить себе, что государство не изучая общество, его закономерности развития, его направления, интересы, потребности возьмется устанавливать правила поведения. С трудом можно себе представить, как будут действовать нормы первобытного общества пятимиллионной давности в цивилизованном современном мире.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что без интеграции в праве невозможно обойтись. Частями интеграции в праве будут выступать идейные установки каждого типа правопонимания, которые естественно объединяем в единое целое в строгом последовательном порядке и можем уверенно заявлять, что подобное явление в науке юриспруденции может быть определено, как интегративное правопонимание. Таким образом, можно смело согласиться с существующими точками зрения ученых правоведов о том, что интегративное правопонимание – это есть не что иное, как слияние типов правопонимания.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что интегративное правопонимание – это слияние идейных частей о праве в единую систему знаний о праве, в полном объеме раскрывающая сущность права и его свойства, и имеющая свою строгую последовательную и логическую структуру, отвечающая запросам общества и государства в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леусенко, Д.А. Теоретические проблемы интегративного правопонимания / Д.А. Леусенко // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-problemy-integrativnogo-pravoponimaniya>;
2. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва: Олма-Пресс : Крас. Пролетарий, 2004. – 700 с.
3. Енисеев, М. К. Формирование понятий через интеграцию изучаемого и известного / М. К. Енисеев // Интеграция образования. – 1998. – № 1. – С. 43-46. – EDN QVCGKT.
4. Иванова, О.С., Чалых, И.С. Интеграция права и морали в системе обеспечения прав и свобод личности / О.С. Иванова, И.С. Чалых // НОМОТНИКА: Философия. Социология. Право. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-prava-i-morali-v-sisteme-obespecheniya-prav-i-svobod-lichnosti>;
5. Кашкин, С.Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования / С.Ю. Кашкин // Актуальные проблемы российского права. 2014. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnoe-pravo-kak-perspektivnoe-napravlenie-razvitiya-yuridicheskoy-nauki-i-obrazovaniya>;
6. Палеха, Р.Р. Интегративный подход в правопонимании: история зарождения идей и современное состояние / Р.Р. Палеха // Правосудие. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnyy-podhod-v-pravoponimanii-istoriya-zarozhdeniya-idey-i-sovremennoe-sostoyanie>;
7. Flores, I.B. The Problem About the Nature of Law vis-à-vis Legal Rationality Revisited: Towards an Integrative Jurisprudence // Georgetown Public Law and Legal Theory Research Paper. 2012. № 12-160. P. 1-37.
8. Теория государства и права: учебник для вузов / под редакцией В.К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 582 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12003-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 190 – URL: <https://urait.ru/bcode/448911/p.190>;
9. Северухин, В.А. О некоторых аспектах интегративного правопонимания / В.А. Северухин // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. №4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-integrativnogo-pravoponimaniya>;
10. Черданцев, А.Ф. Интегративное недопонимание права / А.Ф. Черданцев // Журнал российского права. 2016. №10 (238). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnoe-nedoponimanie-prava>;
11. Петров, Д.Е. Интеграция права и унификация законодательства: вопросы соотношения / Д.Е. Петров // Вестник СГЮА. 2014. №6 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-prava-i-unifikatsiya-zakonodatelstva-voprosy-sootnosheniya>.

PROBLEMATIC ASPECTS OF INTEGRATIVE LEGAL UNDERSTANDING**Biryukova A.I., Zadneprovskaya M.V.**

The article discusses the current problems of integrative legal understanding in the context of modern reality. The prerequisites for the formation and unification of several types of legal understanding into a single concept of «integrative legal understanding» were the works of scientists of the 19th century. And despite the fact that J. Hall officially introduced the concept of «integrative legal understanding» in 1947, currently there is still no consensus in the scientific community about the concept of «integrative legal understanding». Using the dialectical method of scientific knowledge, the axiological method, and the anthropological method, the study of integrative legal understanding will help establish essential criteria for this phenomenon and confirm the possibility of the real existence and use of an integrative type of legal understanding as the only objective, rational type of legal understanding in order to improve law in general for society and the state.

Keywords: integration, integration in law, integrative law, rationalism, theories of law, schools of law, type of legal understanding, natural law school of legal understanding, psychological theory of law, legal positivism, sociological type of legal understanding, historical legal understanding, integrative legal understanding.

УДК 340

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Покровская Наталия Васильевна

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права,
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС),
Санкт-Петербург, Российская Федерация
SPIN-код: 3553-6855

Билашенко Екатерина Вениаминовна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Турова Виктория Евгеньевна

Доцент кафедры теории и истории государства и права,
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
SPIN-код: 4248-0780

Концепция правового государства имеет глубокие исторические корни и претерпела значительное развитие на протяжении веков. Это понятие обозначает систему, в которой государственная власть осуществляется в строгом соответствии с законом, а права и свободы граждан защищены от произвола. Концепция правового государства прошла длительный путь формирования, начиная с Древнего мира и заканчивая Новейшим временем. Более того, данная концепция продолжает развиваться. Несмотря на то, что концепция берёт своё начало еще с Древних времен, она по сей день пользуется популярностью в современном мире, данные идеи лежат в основе любого демократического государства, защищая естественные права и свободы человека и гражданина. Для эффективного функционирования правового государства необходимо продолжать борьбу с возникшими мировыми проблемами и отстаивать принципы справедливости и равенства.

Ключевые слова. Государство, правовое государство, закон, справедливость, равенство, права, свободы, суверенитет, признание, глобализация.

Концепция правового государства имеет глубокие исторические корни и претерпела значительное развитие на протяжении веков. Это понятие обозначает

систему, в которой государственная власть осуществляется в строгом соответствии с законом, а права и свободы граждан защищены от произвола. Иными словами, правовым государство может считаться, если в нем присутствуют правовые институты, способные контролировать действия органов власти, а правовые нормы распространяются на всех граждан. Данные аспекты важны для анализа исторических предпосылок возникновения правового государства [2, с.33].

Концепция правового государства берёт своё начало с древних времен. Многие исследователи считают, что идея правового государства была зарождена древнегреческим философом Платоном. Он подчеркивал важность законов в управлении обществом, полагая, что правители должны действовать в соответствии с лучшими законами для достижения справедливости. «Мыслитель считал, что существуют правильные законы – установленные для достижения всеобщего блага, и неправильные законы – обслуживающие интересы отдельных лиц. В итоге государство и законы существуют только тогда, когда они обеспечивают интересы всех граждан в совокупности. В противном случае в обществе открыта прямая дорога к диктатуре, беззаконию и произволу» [3, с.6].

Аристотеля, по своей сути, продолжил развивать концепцию Платона. Он считал, что существуют два вида прав: естественные (вытекающие из самой “природы”) – рабовладение, частная собственность, семья, и волеустановленные права, которые исходят от государства, им санкционируются и обеспечиваются, но они обязательно должны основываться на справедливости и естественных правах. Аристотель акцентировал внимание на необходимости законов для обеспечения общего блага и справедливости. «Отступление закона от права неизбежно приведет к деспотии, где закон – средство эксплуатации общества и механизм его подчинения власти правителя-деспота. Закон, выражающий всеобщую справедливость должен главенствовать над всем: только тогда люди объединятся в рамках государства, а само государство будет служить обществу» [3, с.7].

Несмотря на зарождение подобных идей, их реализацию в Древнее время не удалось осуществить на практике: государство не могло обеспечить равенство каждого гражданина перед законом из-за разнородности сословий и определённых неизменных прав и свобод, е закреплённых за конкретным сословием. Однако в Древнем Риме концепция подчинения законом всех без исключения была реализована. В Древнеримском государстве была создана сильная судебная власть, которая обеспечила участие граждан в правосудии, что помогало обществу добиваться соблюдения законов от каждого. Римская империя оказала значительное влияние на развитие правового мышления. основополагающие идеи римского права, такие как концепции «*ius*» (право) и «*aequitas*» (справедливость), легли в основу многих современных правовых систем. Римляне разработали понятие «закон как общественное благо», что стало важным шагом к формированию концепции правового государства. Кроме того, римские юристы отметили значение независимого правосудия и правовой защиты граждан, что укрепило основы правового порядка. Некоторые исследователи полагают, что Древнеримское государство обязано своему расцвету именно идее правового государства, но поскольку строй всё так же оставался рабовладельческим (идеи о равном для всех законе не касались рабов и не римлян), а также сильно ограничивался правовой статус женщин, то государство не смогло в полной мере реализовать идею правового государства, что, отчасти, привело к падению Римской империи.

В Средние века идея правового государства практически не развивалась, что было обусловлено противостоянием и борьбой за власть между церковью и светской властью, которые старались получить контроль над властью. Религия оказала влияние на развитие правового сознания. Христианская теология, представленная такими фигурами, как Фома Аквинский, утверждала, что божественные законы должны служить основой для человеческих законов. Идея о высшей справедливости стала важной частью формирующегося правового мышления. В это время возникли представления о праве как о средстве достижения социальной

справедливости, что также стало важным аспектом будущего правового государства. Именно противостояние между церковью и светской властью укрепило осознание того, что отношения государства и народа должны строиться на крепкой правовой основе, а народ должен быть источником власти. Из мыслителей, занимавшихся развитием идеи правового государства данной эпохи можно выделить Марсилия Падуанского. В своей работе под названием «Защитник мира» он выдвинул мысль о том, что народ лучше исполняет те законы, которые создал сам. Более того правительство, которому необходимо исполнять законы, обязано подчиняться этим самым законам, из чего следует, что и оно само должно быть собрано из народа [3, с.8.

В Новое время концепция обрела новый смысл из-за нового взгляда на правовую государственность, права и свободы человека, в том числе из-за прошедших по всей Европе буржуазных революций. Деятели Нового времени Ж.-Ж. Руссо, писал в своих трудах о том, что человек подчинённый обществу становится свободным, так как не подчиняется ничьей воле. Исходя из этого, власть находится в руках народа, он же и контролирует законодательную власть, а значит, народ является единственным носителем суверенитета, что и обеспечивает защищенность граждан законом. Данные идеи являются системообразующими концепции правового государства у Ж.-Ж. Руссо. Также, следует отметить французского философа-просветителя и историка Ш.Л. Монтескьё. Он, рассматривая возможные варианты государственного устройства, назвал республику правильной формой государственной власти. По его мнению, для построения республики в государстве необходима демократия или же аристократия (при демократии власть находится в руках всего народа, а при аристократии – у части народа). По мнению Монтескьё, при деспотичной власти законы не имеют смысла, власть закрепляется исключительно на страхе людей перед правительством, в таком государстве никогда не будет свободы личности. Поэтому, разумная организация государственной власти возможна только при свободе личности, которая регулируется законами [3, с.9]. Особенно значимой идеей Монтескьё можно считать идею разделения властей на три ветви (законодательную, исполнительную, судебную), каждая из ветвей имеет отдельные органы, имеющие свою компетенцию, полномочия этих органов между собой ограничены. Данная концепция, введённая Шарлем Монтескьё, вплоть до сегодняшнего дня лежит в основе любого демократического государства [6, с.97-97].

Особенно весомый вклад в изучение данной темы внёс Дж.Локк. Он считал, что закон будет справедливым и правовым, только если он будет согласован со свободой, поэтому закон, ограничивающий человеческую свободу, не может быть подлинно правовым. Также Локк утверждал, что для создания государства с господством права необходимо не только принимать соответствующие законы, но и применять справедливые наказания в отношении лиц, нарушивших этот самый закон. Именно постановкой необходимости наказания во имя справедливости Дж. Локк и внёс вклад в развитие концепции правового государства [5].

Нельзя не упомянуть образование Соединенных Штатов Америки. Американские юристы и мыслители развивали свои взгляды в русле Монтескьё, Руссо, Локка. Американский политический деятель, дипломат Т. Джефферсон считал, что все люди рождаются равными и имеют естественные права в равной степени. Для защиты этих прав и создается государство, правительство которого обязано установить рамки поведения граждан. При легитимности такой власти народ готов подчиняться ей, отсюда и произрастает его суверенитет. А в случае несогласия народа с властью, народ может сменить власть на ту, которая будет соблюдать и защищать права и свободы граждан. Благодаря идее Джефферсона, в будущем зародилась концепция, которая заключается в том, что государственный суверенитет исходит от народного суверенитета: все решения государственной власти, все законы должны соответствовать интересам народа [1, с.84-85].

Стоит отметить немецких философов Нового времени, таких как И.Кант и Г.В.Ф. Гегеля. Кант считал, что государство – сообщество людей, подчиненных силой закона, важнейшим признаком правового государства считал верховенство права, цель государства – абсолютный правопорядок в обществе, средства достижения цели – общественный договор, суверенитет народа, которые ведут к правопорядку. Кант делал упор на теоретические конструкции правового государства и изучал их, в то время как Г.В.Ф. Гегель обратился к реальным существующим отношениям внутри общества. Он считал, что между государством и народом должно присутствовать связующее звено, являющиеся общественной средой (гражданское общество). Под гражданским обществом Гегель подразумевал систему человеческих потребностей, основанную на частной собственности и равенстве граждан перед законом. Более того, Гегель считал, что такое общество нуждается в руководящей силе, которой и должно выступать государство. Именно благодаря наличию гражданского общества государство может являться правовым, поддерживать законность, защищать права и свободы своих граждан, считал Гегель [4, с.100].

Немецкий юрист Р. фон Моль ввёл такой термин как «правовое государство». По его мнению, правовое государство – высшая стадия развития государства, в котором основные права и свободы закреплены в конституции, в которой создана эффективная система их защиты, в том числе наличие независимой судебной ветви. Моль считал, что судебная ветвь является ключевой и что именно с нее начинается построение правового государства, поскольку граждане могут подать обращение о нарушении своих прав, получить справедливое судебное разбирательство, объективное решение суда, целью которого является восстановление в правах граждан и их защита [10, с.4].

Концепция правового государства была сформулирована к концу XIX века, однако и в XX веке можно отметить некоторых деятелей, которые дополнили эту концепцию: Ф.А. фон Хайек (считал, что действия правительства должны быть ограничены законом, а государство не должно вмешиваться в жизнедеятельность общества), Г. Кельзен (считал правовым государством любое государство, имеющее нормативно-правовой порядок).

Среди отечественного понимания данной концепции стоит выделить нескольких теоретиков, изучающих правовое государство: П.И. Пестель, Н.Г. Чернышевский, Г.Ф. Шершеневич, Б.Н. Чичерин. [7, с.114].

По словам историка Ключевского О.В. до XX века главным фактом русской истории являлась колонизация, а правовое государство и колонизация не могут сосуществовать вместе. В настоящее время право понимается как основа, как двигатель общественных отношений со стороны государства, который сложился естественно-историческим путем [8, с.149].

Становлению целостного, «логически завершеного правового государства предшествует формирование в государстве определенных условий, которые будут являться основой для создания правового государства» [9, с.168].

Феномен правового государства не только изучался, но и предпринимались попытки воссоздать его в реалиях, хоть и не в полной мере. Так, изначально предмет правового государства соответствовал идеям октября (равенство, власть в руках народа), но в дальнейшем была изменена под идеологическую составляющую, но в ходе истории, концепция вовсе потеряла свою актуальность [7, с.114]. На фоне социальных конфликтов и классовых противоречий возникли социалистические идеи, которые ставили под сомнение существующие концепции правового государства. В социалистических режимах акцент делался на коллективные права, но это зачастую приводило к ограничению индивидуальных свобод.

В конце XX – начале XXI века концепция правового государства подвергается новым испытаниям в условиях глобализации. Несмотря на достижения, с которыми столкнулась концепция правового государства, возникают новые вызовы. Для эффективного функционирования правового государства необходимо продолжать

борьбу с возникшими мировыми проблемами и отстаивать принципы справедливости и равенства.

Концепция правового государства прошла длительный путь формирования, начиная с Древнего мира и заканчивая Новейшим временем. Более того, данная концепция продолжает развиваться. Несмотря на то, что концепция берёт своё начало еще с Древних времен, она по сей день пользуется популярностью в современном мире, данные идеи лежат в основе любого демократического государства, защищая естественные права и свободы человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Р. А. Эволюция концепции правового государства в истории политико-правовой мысли / Р. А. Алексеев. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2013. – № 2. – С. 83-88.
2. Глушаченко, С. Б. Исторические предпосылки возникновения и развития концепции правового государства / С. Б. Глушаченко, Е. В. Билашенко, А. В. Зуев // Журнал правовых и экономических исследований. – 2024. – № 1. – С. 32-36.
3. Грудинин Н. С. Правовое государство сквозь призму времени: сущность и основные подходы к определению / Н. С. Грудинин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 5-12.
4. Денисенко М.В., Турова В. Е. Правовое государство // Социология и право. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-gosudarstvo> (дата обращения: 28.03.2025).
5. Дж, Локк. Сочинения в трёх томах / Локк Дж. – 1. – Москва: Мысль, 1988. – 405 с.
6. Дорошенко, Е. С. Историко – политические истоки классической теории разделения властей / Е. С. Дорошенко. – Текст: непосредственный // Гуманитарная планета: научно-теоретический журнал. – 2009. – № 1. – С. 97-101.
7. Зуев, А. В. Концепция идеи правового государства: эволюция взглядов / А. В. Зуев, О. А. Губанова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 4. – С. 112-115.
8. Зуев, А. В. Правовое государство и гражданское общество в России: проблемы становления / А. В. Зуев // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 10-1. – С. 147-152.
9. Зуев А.В. Условия формирования правового государства в России // Заметки ученого. – 2021. – № 3-1. – С. 167-169.
10. Исаев, И. А. Общественный договор и закон / И. А. Исаев. – Текст: непосредственный // История государства и права. – 2016. – № 17. – С. 3-9.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE RULE OF LAW

**Pokrovskaja N.V., Rubtsov S.N., Bilashenko E.V.,
Turova V.E.**

The concept of the rule of law has deep historical roots and has undergone significant development over the centuries. This concept refers to a system in which State power is exercised in strict accordance with the law, and the rights and freedoms of citizens are protected from arbitrariness. The concept of the rule of law has gone through a long process of formation, starting from the Ancient World and ending with Modern times. Moreover, this concept continues to evolve. Despite the fact that the concept dates back to ancient times, it is still popular in the modern world, these ideas underlie any democratic state, protecting the natural rights and freedoms of man and citizen. For the effective functioning of a State governed by the rule of law, it is necessary to continue to

fight against the emerging global problems and defend the principles of justice and equality.

Keywords: State, rule of law, law, justice, equality, rights, freedoms, sovereignty, recognition, globalization.

УДК 342

ФУНКЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Упоров Иван Владимирович
Д.и.н., к.ю.н., профессор,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар

В статье рассматривается малоисследованный аспект в регулировании деятельности органов местного самоуправления, связанный с уточнением понятия «функции» этих органов по определенным вопросам. Это делается на примере функции органов местного самоуправления в транспортной сфере. Отмечается, что в нормативно-правовых актах, регулирующих институт местного самоуправления, отсутствует необходимая терминологическая четкость, в частности, нередко смешиваются и отождествляются понятия «функции», «полномочия», «компетенция», «предметы ведения» и т.п. Это касается и базового федерального муниципального закона – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где понятия функций и полномочий отграничиваются, но бессистемно. Анализируются нормы как этого законодательного акта, так и других нормативно-правовых актов, а также научные труды, в которых затрагивается заявленная тема. Обосновываются авторские предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы данной сферы общественных отношений.

Ключевые слова: местное самоуправление, транспортная сфера, функции, полномочия, муниципальное образование.

В каждом муниципальном образовании в обязательном порядке формируются следующие органы местного самоуправления: представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования и местная администрация. Эти органы выполняют свои функции, направленные на реализацию вопросов местного значения, которые в исчерпывающем виде определяются для каждого вида муниципального образования в ст. 14-16.1 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – Закона о местном самоуправлении). Полномочия каждого органа определяются уставом муниципального образования, который в свою очередь, основывается на актах федерального и регионального законодательства.

В отличие от «вопросов местного значения» и «полномочий» органов местного самоуправления, их «функции» не находят достаточного теоретико-правового исследования, причем речь идет о функциях в целом института местного самоуправления, так и функциях органов местного самоуправления по конкретным направлениям деятельности муниципалитетов. И это несмотря на то, что сам законодатель отграничивает понятия «функции» и «полномочия» (например, в ч. 4 ст. 51 Закона о местном самоуправлении). Далее речь пойдет о функциях органов местного самоуправления в транспортной сфере. Но прежде всего отметим, что особенностью развития транспортного комплекса в муниципальных образованиях является то обстоятельство, что в начале 1990-х гг. был определен вектор рыночного развития российской экономики, и начавшиеся реформы существенно изменили условия функционирования транспорта и характер спроса на транспортные услуги по сравнению с советским периодом. Одновременно в настоящее время наблюдается, очевидно, во всех городах (в сельской местности в меньшей степени) такое увеличение численности автомобильного пассажирского парка, которое превышает возможности имеющейся улично-дорожной сети, которая, к тому же, проектировалась еще в середине прошлого века, об этом свидетельствуют, в частности, автомобильные «пробки» в городах, и прежде всего мегаполисах и иные негативные последствия (включая экологию и безопасность) [2;3;4 и др.].

Соответственно возникает необходимость совершенствовать деятельность органов местного самоуправления по представлению населению транспортных услуг населению муниципальных образований [5]. И здесь важно уточнить функции органов местного самоуправления в данной сфере, которая определяется в виде «транспортного» вопроса местного значения в Законе о местном самоуправлении в следующей одинаковой для всех видов муниципальных образований следующим образом: «создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения в границах муниципального образования» [1].

На доктринальном уровне содержание функции органов местного самоуправления в транспортной сфере рассматривается с разных позиций. В частности, Н.С. Девятова указывает, что функции органов местного самоуправления по управлению транспортным комплексом состоит из следующих основных составляющих: разработка схемы транспортного движения; регулирование объектов транспортных перемещений (строительство подземных переходов, размещение светофоров, возведение мостов и т.д.); установление тарифов на пассажирские перевозки; разработка и принятие правил и порядка, определяющих организацию работы пассажирского транспорта; выдача муниципального заказа на пассажирские и специализированные перевозки и заключение контрактов [6, с. 19]. С таким перечнем составляющих функции транспортного обслуживания населения следует в целом согласиться. Вместе с тем установление тарифов на пассажирские перевозки; разработка и принятие правил и порядка, определяющих организацию работы пассажирского транспорта, относится, на наш взгляд, не столько к функциям, сколько к полномочиям органов местного самоуправления. При реализации указанной функции должны учитываться различные социально-экономические и правовые факторы, в том числе связь с фактической и проектируемой планировкой города, имеющаяся пропускная способность улично-дорожной сети, потенциал муниципальных и иных перевозчиков, изменения пассажиропотоков по критериям времени суток и по направлениям, удельный вес льготных пассажиров, степень износа транспортных средств и т.д. В этом же ряду и такой, на первый взгляд, незначительный фактор, как возможность различных способов оплаты транспортных услуг – разовые или проездные билеты на определенный срок действия [7, с. 48].

Если иметь в виду механизмы реализации рассматриваемой функции, то можно выделить несколько их видов. Прежде всего – это, конечно, прорегулирующий механизм, который заключается в том, что органы местного

самоуправления (как представительный орган муниципального образования, так и местная администрация) принимают соответствующие нормативно-правовые акты, которые регулируют различные аспекты транспортных отношений в муниципальном образовании, и о таких актах ниже будет сказано подробнее. Следующий механизм – финансово-экономический. Суть его заключается в том, что органы местного самоуправления создают и используют различные финансовые и экономические инструменты для стимулирования различных субъектов предпринимательской деятельности для осуществления пассажирских перевозок в муниципальном образовании и других видов деятельности, связанных с функционированием транспортного комплекса. В числе таких инструментов: создание и функционирование транспортных муниципальных унитарных предприятий (далее – МУП) – как правило, МУП осуществляют эксплуатацию наземного электрического транспорта в виде троллейбусов и трамваев, а также обслуживают транспортные маршруты, которые не привлекают бизнес-структуры); размещение муниципального заказа на пассажирские перевозки среди предпринимателей на конкурсной основе; установление транспортных тарифов; компенсации перевозчикам убытков, возникающих при перевозке пассажиров, обладающих льготами; предоставление кредитов перевозчикам на льготных условиях и др.

Важным в эффективной реализации функции органов местного самоуправления по транспортному обслуживанию населения муниципального образования обслуживанию представляется организационно-институциональный механизм, который используется пока в редких случаях. Речь идет, в частности, об определенной консолидации предпринимательских структур, занимающихся пассажирскими перевозками, как это, например, делается в строительной индустрии. Между тем данный механизм, на наш взгляд, востребован, учитывая, во многих городах перевозчики-предприниматели далеко не всегда обеспечивают надлежащее качество и безопасность пассажирских перевозок, и в этом смысле очень полезным было бы создание саморегулируемых организаций перевозчиков. Органы местного самоуправления, как представляется, будучи наиболее заинтересованными в четкой организации пассажирских перевозок на территории муниципального образования, могут быть инициаторами в формировании стимулов для перевозчиков к объединению в саморегулируемые организации. Еще один механизм реализации органами местного самоуправления транспортной функции имеет стратегический характер и заключается в разработке, утверждении и реализации муниципальных целевых программ по развитию транспортного комплекса в муниципальном образовании. Как показывает изученные нами такого рода программы, основное внимание в них уделяется пассажирским перевозкам, что вполне естественно, учитывая, что именно это направление (пассажирские перевозки) являются приоритетными с точки зрения потребностей населения муниципального образования.

В литературе в этой связи отмечается, что одним из важных направлений деятельности публично-правовых образований является адекватное законодательное регулирование функции органов местного самоуправления в сфере организации пассажирских перевозок [8, с. 73]. Н.Г. Казмирова дополняет этот тезис, отмечая, что отказ от монополии государства в сфере пассажирских перевозок, активизация субъектов экономико-предпринимательской деятельности привели к существенному реформированию юридической базы в области организации перевозок [9, с. 36]. Вместе с тем следует согласиться с Б.И. Пугинским в том, что организация транспортного обслуживания населения является тем вопросом, который недостаточно и урегулирован в правовом отношении и при этом весьма актуален для органов местного самоуправления» [10, с. 69]. Так, по мнению А.А. Новик, необходимо в Законе о местном самоуправлении сформулировать четкое определение инфраструктуры транспорта общего пользования и определить того, кто будет отвечать за ее соответствие характеру и объему перевозок [11, с. 56]. Однако с этим трудно согласиться полностью. Дело в

том, что Закон о местном самоуправлении – это акт, регулирующий муниципально-правовые отношения, а не транспортно-правовые отношения. Между этими видами правоотношений, бесспорно, имеется взаимосвязь, равно как и взаимосвязь Закона о местном самоуправлении со множеством других отраслевых нормативно-правовых актов, в которых уточняются полномочия органов местного самоуправления в той или иной сфере общественных отношений. Поэтому, на наш взгляд, в Законе о местном самоуправлении должны быть лишь обозначены функции органов местного самоуправления и основные организационно-правовые механизмы их реализации, о которых шла речь выше.

Что касается муниципального уровня, то вопросы транспортного обслуживания населения регулируются достаточно активно в муниципальных правовых актах, которых издается достаточно много. И в ряде из них регулируются функции органов местного самоуправления в транспортной сфере.

Например, в Оренбурге в составе городской администрации имеется Управление пассажирского транспорта, Положение о котором утверждено городскими депутатами[12]. В Положении указывается, в частности, что Управление является отраслевым (функциональным) органом администрации города Оренбурга и находится в непосредственном подчинении заместителя главы города Оренбурга по городскому хозяйству. В содержательном плане данное Положение включает в себя три раздела: Общие положения; Полномочия (функции) Управления; Организация работы Управления. Это, конечно, немного для такого рода муниципальных правовых актов. Вместе с тем второй, основной, раздел раскрывается довольно подробно. В первом разделе содержится небольшая преамбула, где указывается, что Управление от имени администрации города Оренбурга осуществляет полномочия по организации транспортного обслуживания населения в границах муниципального образования "город Оренбург", создает условия для предоставления транспортных услуг населению. Далее перечисляются полномочия (функции): Разрабатывает программы развития автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта, используемого на маршрутах регулярных перевозок на территории муниципального образования "город Оренбург", а также объектов транспортной инфраструктуры; Организует осуществление закупок на транспортное обслуживание населения на территории муниципального образования "город Оренбург", на приобретение пассажирских транспортных средств; Ведет реестр муниципальных маршрутов регулярных перевозок на территории города Оренбурга и др.[12]

Как представляется, здесь имеют место методологические недочеты. Во-первых, полномочия в скобках обозначены одновременно как функции – «полномочия (функции)», в то время как эти понятия не являются тождественными. Во-вторых, включили в полномочия (функции), вероятно, все основные действия, которыми им приходится заниматься, в то время как полномочия должны обладать таким признаком, как юридически значимые последствия их реализации[13, с. 264], чего в большинстве представленных «полномочий (функций)» нет. Так, не могут считаться полномочиями выработка предложений, изучение спроса населения, ведение учета перевозчиков, комплектование, хранение, учет и использование архивных документов и т.п.

Указанные действия в данном случае следует относить как раз к «функциям», понимаемым как направления действия, а не полномочия совершать их императивно, что является характерной чертой «полномочий». Этот пример лишний раз показывает, что пока еще в муниципальном правотворчестве этот аспект не находит достаточного регулирования. Предлагается следующая дефиниция рассматриваемой функции – основные направления деятельности органов местного самоуправления, реализуемые посредством установленных полномочий по решению вопросов местного значения, образующих компетенцию муниципального образования, и обеспечивающих жизнедеятельность муниципального образования. Данное определение целесообразно поместить в ч. 1 ст. 2 Закона о местном самоуправлении. Содержание вопросов местного значения,

касающиеся транспортной сферы, нуждается в совершенствовании. Представляется целесообразным для всех видов муниципальных образований (поселений, муниципальных районов, городских и муниципальных округов) имеющиеся в Законе о местном самоуправлении два вопроса местного значения, касающиеся транспортного дела, соединить в один вопрос местного значения в следующей формулировке: «содержание транспортной инфраструктуры, организация транспортного обслуживания населения в границах муниципального образования». Для реализации рассматриваемой функции должны использоваться следующие основные механизмы – праворегулирующий, финансово-экономический, организационно-институциональный, разработка муниципальных целевых программ по развитию транспортного комплекса в муниципальном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 24.12.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 28.02.2025).
2. Байгубиков Д.Р., Пионтковская С.А. Влияние автомобильной инфраструктуры на окружающую среду города // Символ науки. 2024. № 7. С. 873-879.
3. Азимов Д.С. Влияние автотранспорта на загрязнение атмосферы городов // Endless light in science. 2024. № 1. С. 97-99.
4. Демахина Е.С., Поготовкина Н.С., Никитин Е. А., Пархоменко В.А. Социально-экономические последствия аварийности на автомобильных дорогах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Журнал Академия транспорта: сайт. URL: // https://www.ql-journal.ru/articles/ru/2018/3/3_2018_sait_61-64.pdf (дата обращения: 03.02.2025).
5. Савин Г.В., Савина В.В. Мобильность как категория успешных инноваций в области организации трафика в городе // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 4. С. 2-15.
6. Девятова Н.С. Транспортное развитие муниципальных образований. Иркутск, 2008.
7. Система муниципального управления / Под ред. Зотова В.Б. М.: Олма-пресс, 2006.
8. Морозов С., Игнатьева А. Роль органов государственной власти и местного самоуправления в организации перевозок // Власть. 2011. С. 71-78.
9. Казиминова Н.Г. Некоторые проблемы организации перевозок водным транспортом // Транспортное право. 2005. № 1. С. 30-36.
10. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало-М, 2008.
11. Новик А.А. Проблемные вопросы законодательства, регулирующего пассажирские перевозки автомобильным транспортом // Транспортное право. 2007. № 4. С. 56-62.
12. Решение Оренбургского городского Совета от 25.04. 2011. (ред. от 17.06.2016) № 144 «Об утверждении Положения об Управлении пассажирского транспорта администрации города Оренбурга» // Официальный сайт администрации города Оренбурга (дата обращения – 04.02.2025).
13. Черногор Н.Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления. М.: Юриспруденция, 2007.

**FUNCTIONS OF LOCAL GOVERNMENT BODIES IN THE TRANSPORT SPHERE:
THEORETICAL AND LEGAL ASPECT**

Uporov I.V.

The article examines a little-studied aspect in regulating the activities of local government bodies, related to clarifying the concept of "functions" of these bodies on certain issues. This is done using the example of the functions of local government bodies in the transport sector. It is noted that the normative legal acts regulating the institution of local self-government lack the necessary terminological clarity, in particular, the concepts of "functions", "powers", "competence", "subjects of jurisdiction", etc. are often mixed and identified. This also concerns the basic federal municipal law – the Federal Law "On General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation", where the concepts of functions and powers are delimited, but unsystematically. The norms of this legislative act and other regulatory legal acts, as well as scientific works that touch on the stated topic, are analyzed. The author's proposals for improving the regulatory framework of this area of public relations are substantiated.

Keywords: local self-government, transport sector, functions, powers, municipal formation.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

УДК 342.417

***ПОНЯТИЕ И ВИДЫ
КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ***

Аверьянов Артем Дмитриевич

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

Россия, г. Санкт-Петербург

SPIN-код 7941-5226

Статья посвящена исследованию сущности гарантий обеспечения экономической безопасности, как конституционно-правовой категории. Автором исследованы некоторые предложенные в литературе дефиниции термина «экономическая безопасность». На основе представленных в доктрине определений автором сделан вывод об отсутствии единого подхода к пониманию сущности экономической безопасности. В целях выявления роли и места категории «экономическая безопасность» в системе конституционно-правового регулирования экономических правоотношений автором предпринята попытка классификации конституционных положений, посвященных вопросам экономической защищенности государства. Автором выделены группы гарантий обеспечения экономической безопасности, на основе чего сделан вывод о высокой степени правовой регламентации данной конституционно-правовой категории. Тем не менее, подробное исследование представленных конституционных положений показало наличие в законодательстве пробелов, которые негативно влияют на процесс обеспечения экономической безопасности государства, в связи с чем автором предложены пути их совершенствования.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономический суверенитет, экономическая безопасность, обеспечение экономической безопасности, гарантии

обеспечения экономической безопасности, понятие конституционно-правовых гарантий, виды конституционно-правовых гарантий.

Исследование проблематики обеспечения экономической безопасности набирает особую актуальность в последнее время у юридического сообщества.

Возрастающий интерес к вопросам экономической безопасности в последние годы продиктован совокупностью экономических и политико-правовых причин. Геополитическая напряженность, введение иностранными государствами односторонних ограничительных мер в отношении Российской Федерации в отдельных секторах экономики, усиление глобальной экономической конкуренции, информационные войны и мировые финансовые кризисы обуславливают необходимость задуматься о вопросах экономической защищенности России.

Вопросы обеспечения экономической безопасности находятся в сфере интересов конституционно-правовой науки, поскольку именно она определяет базовые принципы правового регулирования, которые лежат в основе государственной и общественной жизни. Именно конституционные нормы закрепляют основные положения, регулирующие экономические отношения, устанавливают пределы государственного вмешательства в экономику, а также гарантируют права и свободы граждан, включая их экономические интересы. В условиях нарастания глобальных вызовов именно в Конституции должны содержаться главные концептуальные подходы и механизмы, которые позволят гарантировать и эффективно обеспечить экономическую безопасность Российской Федерации.

Представляется, что детальный анализ таких механизмов целесообразно начать с исследования содержания понятия экономической безопасности, как конституционно-правовой категории.

Как отмечает М. И. Гранкин, в современной научной литературе отсутствует единый подход к дифференциации конституционно-правовой категории безопасности. При этом большее внимание в доктрине уделяется категории национальной безопасности, в том числе экономической, энергетической, информационной и иным направлениям государственной и общественной безопасности [1, С. 31-34].

На нормативном уровне под национальной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз [2].

Одним из наиболее важных элементов национальной безопасности является безопасность экономической сферы деятельности государства. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 под экономической безопасностью понимается состояние защищенности экономики от внешних и внутренних угроз, что создает необходимые предпосылки для успешной реализации государственных приоритетов [3].

Исследование сущности экономической безопасности невозможно без обращения к положениям научной доктрины, которая раскрывает этот феномен с различных методологических и теоретических позиций.

Как указывает Л. И. Абалкин экономическую безопасность можно охарактеризовать через категорию независимости [4, С. 5]. Отсюда следует, что экономическую безопасность можно определить как состояние защищенности, в первую очередь от внешних угроз.

Как отмечает А. П. Мамыкина, состояние экономической безопасности характеризуется уровнем благосостояния внутренних субъектов экономики [5, С. 8]. Таким образом, экономическая безопасность обеспечивается посредством развития внутренних экономических отношений государства.

По мнению ученого-экономиста В. Г. Сенчагова, экономическую безопасность можно определить как состояние экономики в динамике [6, С. 7].

Отсюда следует, что экономическая безопасность может достигнута тогда, когда обеспечены основные условия развития государства.

Как указывают А. И. Архипов, А. Е. Городецкий, Б. П. Михайлов целью обеспечения экономической безопасности является удовлетворение потребностей общества [7, С. 38-39]. Из указанного следует тесная связь между обеспечением экономической безопасности и обеспечением выполнения основных функций государства.

По мнению В. К. Крутикова экономическая безопасность выполняет, в том числе, охранительную функцию [8, С. 9]. Таким образом, экономическая безопасность заключается в возможности государства быстро и эффективно реагировать на возникающие угрозы.

С учетом приведенных выше определений следует, что в научной литературе единого мнения об определении основных качественных признаков экономической безопасности не сложилось. Приведенные выше дефиниции экономической безопасности показывают разнообразие в определении как ее признаков, так и основных функций.

При этом, можно выделить два основных подхода, которого придерживаются в научной доктрине: определение экономической безопасности как состояния защищенности и рассмотрение экономической безопасности в качестве важнейшей характеристики экономической системы.

Однако, стоит обратить внимание, что указанные подходы принципиально друг другу не противоречат, напротив, они отражают различные качественные аспекты понятия экономической безопасности.

Так, состояние защищенности экономики позволяет рассматривать экономическую безопасность как комплексную систему правовых и экономических мер противодействия как внутренним, так и внешним угрозам. В то же время, определение экономической безопасности как качественной характеристики экономической системы подчеркивает важность внутренней устойчивости экономики и ее способности к адаптации и развитию в меняющихся условиях.

Объединение этих двух подходов позволяет более полно понять экономическую безопасность как многоаспектное явление, включающее в себя как меры по предотвращению угроз и нейтрализации рисков, так и способность экономики к самостоятельному развитию, обеспечению устойчивого роста и реализации национальных интересов.

Таким образом, в контексте конституционно-правового регулирования экономическую безопасность можно охарактеризовать как совокупность комплексных правовых, экономических и иных установленных государством механизмов, которые позволяют обеспечить защищенность экономики от угроз внешнего и внутреннего характера, ее способность к устойчивому развитию и адаптации в условиях постоянно меняющейся внутренней и внешней среды.

Приступая к анализу конституционно-правовых гарантий экономической безопасности, необходимо сначала рассмотреть доктринальное понимание сущности понятия «гарантии» и провести его разграничение с иными, внешне схожими правовыми категориями.

Как отмечает А. В. Лошкарев [9, С. 12], в доктрине гарантии принято рассматривать как: а) закономерности; б) средства; в) средства и условия; г) средства и способы; д) средства, способы и условия; е) социальные условия; ж) обеспечение.

Как указывает С. В. Иванов, существует подход рассмотрения категории «гарантия» через перевод французского слова «garantie» – «обеспечение» [10, С. 68].

Тем не менее, такое понимание гарантий не отражает главные сущностные характеристики данной правовой категории.

Как верно подчеркивают В. П. Малахов и Г. М. Лановая, синонимичность в русском языке слов «обеспечивать» и «гарантировать» не означает их тождественность, как правовых категорий [11, С. 7-12].

Действительно, гарантия по своей природе является инструментом, который позволяет исключить возможность ненаступления определенного результата, но не наоборот. Таким образом, установление определенной гарантии создает условия для достижения необходимого результата и в случае его ненаступления должна быть предусмотрена ответственность. Упрощенное понимание гарантий как средств обеспечения не отражает всей полноты правовой природы данного правового института.

С учетом изложенного, сформулируем собственное понимание конституционно-правовых гарантий как установленный конституционными нормами правовой механизм, представляющий собой систему правовых средств, условий и обязательств гарантов (государственно-властных субъектов), направленных на обеспечение и защиту конституционных прав, свобод и интересов личности, а также на предотвращение их нарушения и восстановление в случае нарушения.

В Основном законе отсутствуют отдельная глава, посвященная непосредственному регулированию основ экономической безопасности. Нормы, затрагивающие вопросы защищенности экономики, сосредоточены в различных главах Конституции.

На данное обстоятельство обращают внимание и в литературе, отмечая это в качестве существенного недостатка конституционного регулирования экономических отношений [1].

Однако такая оценка едва ли может быть признана обоснованной, поскольку Конституция РФ не должна служить источником легальных дефиниций. Основным законом отражает основы конституционного строя РФ и определяет ключевые принципы функционирования государства. Следовательно, именно задачей ученых является разработка и уточнение правовых концепций и дефиниций.

В этом смысле особое значение приобретает систематизация этих норм с научной точки зрения, что позволяет не только выявить их взаимосвязь и место в общей структуре правового регулирования, но также определить механизмы их взаимодействия для эффективного обеспечения экономической безопасности и разработать комплексные подходы к совершенствованию конституционно-правовых гарантий в этой сфере.

На доктринальном уровне попытки систематизировать конституционно-правовые гарантии обеспечения экономической безопасности встречаются крайне редко. В большинстве случаев исследователи, касаясь вопросов обеспечения безопасности экономики, ограничиваются лишь упоминанием отдельных норм Конституции, не предлагая их системного анализа.

Предпримем попытку классифицировать конституционные гарантии обеспечения экономической безопасности на две группы норм:

(1) связанные с основами конституционного строя: (А) экономическим суверенитетом РФ, (Б) единством экономического пространства РФ;

(2) посвященные правам и свободам человека и гражданина [12, С. 9].

Первая группа норм, касающаяся основ конституционного строя, создает «правовой скелет» экономической безопасности в Российской Федерации, формирует ее основные принципы.

Вторая группа норм посвящена правам и свободам в экономической области и направлена на практическую реализацию и защиту экономических интересов субъектов правоотношений.

Взаимодействие этих групп норм заключается в том, что, с одной стороны, конституционные принципы суверенитета и единства экономического пространства обеспечивают условия для эффективного осуществления экономических прав и свобод, а с другой стороны, защита этих прав и свобод способствует устойчивости и безопасности экономической системы государства. Таким образом, эти нормы в совокупности формируют целостную правовую базу конституционно-правовых гарантий для обеспечения экономической безопасности страны.

Начнем с анализа первой группы норм, связанных с основами конституционного строя.

(А) Концепция экономического суверенитета раскрывается в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Стоит отметить, что Конституция Российской Федерации дефиниции «экономического суверенитета» не содержит. При этом, указанное понятие раскрывается в Стратегии экономической безопасности России на период до 2030 г., в соответствии с которой экономический суверенитет представляет собой объективно существующую независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств [13]. Данное понятие упоминается также в других нормативных правовых актах [15].

Как отмечают И. В. Левакин и Н. И. Платонова, с 1990-х годов по настоящее время произошла существенная смена приоритетов законодателя в вопросе экономического суверенитета – от усилий по экономическому сдерживанию внутри государства, сегодня, в условиях значительного санкционного давления, законодатель прикладывает сверхусилия по защите интересов России от иных государств. Таким образом, в настоящее время приоритет отводится внешнему проявлению экономического суверенитета, что обуславливает также и главное направление конституционно-правового регулирования данного правового института [16, С. 35-39].

Действительно, с конца 1990-х годов по настоящее время произошли серьезные изменения, касающиеся как состояния мировой экономики, так и состояния экономики России. В этой связи как законодателем, так и Президентом была проделана огромная работа по разработке правовых норм и механизмов обеспечения экономического суверенитета Российской Федерации. Тем не менее, события последних лет свидетельствуют, что данная работа далека от завершения, а система правовых механизмов обеспечения безопасности экономики от различных угроз требует детального изучения и совершенствования.

Как справедливо замечает О. Ю. Болдырев, внешнеэкономические последствия, с которыми Россия столкнулась в 2022 году, говорят либо об ошибках стратегического планирования, либо о неэффективной реализации поставленных целей и задач [17, С. 34-38].

Таким образом проблематика обеспечения экономического суверенитета в контексте экономической безопасности является важнейшей задачей российского конституционализма.

Так, вопросы экономического суверенитета государства были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который установил, что вопросы обеспечения защиты экономического суверенитета относятся к непосредственной компетенции законодателя [18]. Как указывает Конституционный Суд Российской Федерации, интересы общества и государства, включая экономический суверенитет, стоят выше реализации принципа свободы. Таким образом, федеральный законодатель, исходя из этих интересов, имеет право устанавливать определенные условия и ограничения реализации экономических прав.

В Конституции Российской Федерации предусмотрен ряд норм, посвященный гарантиям экономического суверенитета, каждая из которых играет ключевую роль в поддержании и защите экономической независимости страны. Приведем лишь основные из них.

Так, статьей 8 Конституции Российской Федерации закрепляется закреплен принцип свободы экономической деятельности и защиты форм собственности. Свобода экономической деятельности позволяет гражданам свободно распоряжаться своим имуществом в целях реализации своих предпринимательских прав, что способствует конкурентоспособности и инновационному развитию экономики. Признание и защита в равной степени различных форм собственности, в свою очередь, позволяет создать стабильную и предсказуемую правовую среду реализации экономических прав граждан.

Однако ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации содержит неопределенность в вопросе о том, что относится к «иным формам собственности», которые признаются и защищаются в Российской Федерации. Представляется, что данная неточность негативным образом влияет на состояние экономической безопасности, поскольку не содержит закрепленного перечня форм собственности, признаваемых и охраняемых государством.

Статья 71 Конституции Российской Федерации относит к ведению Российской Федерации вопросы экономического регулирования, вопросы государственной собственности, налоговой политики и валютного регулирования. Эти нормы формируют правовую основу для обеспечения контроля государства над ключевыми экономическими ресурсами и инструментами.

Статья 75 Конституции Российской Федерации устанавливает обязанности Центрального банка Российской Федерации в области денежной политики, который отвечает за стабильность национальной валюты. Эта статья обеспечивает независимость Центрального банка и подчеркивает его роль в поддержании финансового суверенитета.

Вместе с тем, как отмечает ученый-конституционалист Ш. Б. Магомедов, закрепляя основные функции Центрального банка Конституция Российской Федерации не конкретизирует его статус и роль в системе органов государственной власти [19, С. 10-15].

Статья 114 Конституции Российской Федерации устанавливает полномочия Правительства Российской Федерации в области экономического развития и управления федеральным бюджетом. Эти полномочия включают разработку и реализацию экономической политики, что имеет прямое отношение к поддержанию экономической безопасности.

Приведенные выше нормы Конституции Российской Федерации обеспечивают правовую основу для защиты и реализации экономического суверенитета, предоставляя государственным органам контроль над ключевыми экономическими процессами.

В завершении согласимся с А. И. Бажан о важности суверенитета, основной способностью которого, при надлежащей экономической политике, является, в том числе обеспечение национальной экономической безопасности [20, С. 182].

(Б) Единство экономического пространства Российской Федерации.

После распада СССР трансформация экономики обусловила необходимость обращения к теоретическим концепциям единого экономического пространства и применения соответствующих инструментариев.

Статьей 8 Конституции Российской Федерации установлен принцип единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств.

Как отмечает А. А. Урунов, единое экономическое пространство является основополагающим условием развития экономики государства, способствующим ее росту, увеличению ВВП, повышению промышленных возможностей страны [21, С. 152-156].

Аналогичным образом высказывается А. В. Митрофанов, указывая, что правовое регулирование системы федеративных экономических отношений Российской Федерации должно строиться на основе принципа обеспечения единства экономического пространства [22, С. 54].

Следует признать обоснованность определения понятия единства экономического пространства, предложенного Ш. Г. Сеидовым и И. В. Зерновым, которые определяют его как основу конституционного строя и главный принцип правового регулирования экономических правоотношений [23, С. 19-23].

Таким образом, принцип единства экономического пространства является основополагающим принципом правового регулирования экономики и имеет важное значение в контексте обеспечения экономической безопасности государства, поскольку создает необходимые предпосылки для развития внутригосударственных экономических отношений и росту экономики в целом.

Одним из примеров практической реализации данного принципа может служить Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 21.03.1997 № 5-П, в котором подчеркивается недопустимость установления налогов, противоречащих принципу единства экономического пространства [24].

По мнению Ю. А. Дмитриева, федеративный характер России является основополагающим фактором установления принципа единства экономического пространства – в связи с тем, что экономические взаимоотношения между отдельными субъектами являются наиболее прочными связующими их элементами, в целях обеспечения устойчивости национальной экономики государство должно обеспечивать единство экономических отношений на всей его территории [25].

Поддержание единого экономического пространства позволяет координировать экономическую политику, эффективно использовать ресурсы, минимизировать риски, связанные с дисбалансом между субъектами РФ, и защищать национальные интересы от внешних и внутренних угроз, тем самым гарантируя экономическую стабильность и безопасность Российской Федерации.

Логическим продолжением ст. 8 Основного закона является статья 74 Конституции, устанавливающая условия для введения ограничений при перемещении товаров и услуг.

Во-первых, ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться только и исключительно в соответствии с федеральным законом. Данное положение корреспондирует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Соответственно ограничения, введенные, например, законом субъекта РФ в отсутствие соответствующей легитимации со стороны федерального закона, будут считаться неправовыми.

Во-вторых, данные ограничения должны обеспечивать безопасность, защиту жизни и здоровья граждан, охрану природы и культурных ценностей.

Вторая группа конституционно-правовых гарантий обеспечения экономической безопасности регламентирует права и свободы человека и гражданина в экономической сфере. Рассмотрим основные нормы Конституции РФ.

Так, в соответствии с частью 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Важно отметить, что принцип свободы экономической деятельности, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в своей сущности является принципом минимального вмешательства государства в сферу экономики [26].

Как справедливо подчеркивается в доктрине, положения Конституции, касающиеся правового регулирования экономических отношений, полностью игнорируют такую форму организации предпринимательской и иной экономической деятельности, как юридическое лицо. Отсюда следует, что при буквальном толковании норм Конституции юридические лица лишены права на защиту их имущественных интересов [25].

Представляется, что такой пробел в конституционном регулировании неоправданно ограничивает юридические лица в защите своих прав и свобод, что оказывает отрицательное воздействие на экономическую безопасность. Отсутствие четких конституционных гарантий для юридических лиц может способствовать правовой неопределенности.

Часть 2 статьи 34 Конституции РФ запрещает монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Поскольку монополизация может привести к искажению рыночных механизмов, нарушению конкурентных условий и увеличению цен, устранение таких рисков способствует поддержанию эффективного рыночного регулирования и позволяет сохранить экономическую безопасность, обеспечивая контроль над стратегически важными секторами и снижая уязвимость к внешним экономическим воздействиям.

Статья 35 Основного закона гарантирует право частной собственности, её защиту и свободу распоряжения. Конфискация имущества допускается только по решению суда, а национализация может осуществляться только на основе закона и с компенсацией. Это создает правовую основу для защиты имущественных прав граждан и предпринимателей.

Статья 36 Конституции РФ определяет право граждан на землю и иные природные ресурсы. Данное положение регламентирует возможность использования земли в экономических целях.

Статья 37 Основного закона устанавливает право каждого на труд, свободный выбор профессии и рода занятий, справедливые условия труда и защиту от безработицы. Это является важным аспектом экономических прав, обеспечивающим реализацию трудовых и социальных прав в экономической деятельности.

Приведенные выше некоторые основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции, регламентируют гарантии и создают основу для защиты физических и юридических лиц в экономическом секторе, что является важным элементом обеспечения экономической безопасности. Это создает предпосылки для устойчивого функционирования национальной экономики, защиты ее суверенитета.

В заключение отметим, что геополитическая напряженность, международные санкции, введенные рядом государств и трансатлантическими организациями, усиление глобальной экономической конкуренции, а также киберугрозы, информационные войны и мировые финансовые кризисы создают объективные предпосылки для актуализации дискуссий вокруг проблем экономической защищенности Российской Федерации.

Экономическая безопасность является частью национальной безопасности, и представляет собой такое состояние экономики, при котором она способна своевременно и эффективно реагировать на любые критические угрозы, как внешнего, так и внутреннего характера, а также развиваться и адаптироваться в условиях изменяющейся среды.

Обеспечение устойчивого состояния экономической безопасности требует глубокого анализа существующих конституционно-правовых гарантий и их оценки в контексте действующей правовой системы. Представляется, что конституционные нормы, регламентирующие вопросы экономической безопасности, демонстрируют достаточно высокий уровень правовой защиты. Однако их эффективная реализация нуждается в пристальном внимании со стороны государственных институтов и общества в целом.

Одними из дальнейших шагов по совершенствованию конституционно-правовых гарантий экономической безопасности можно назвать уточнение четкого перечня форм собственности, признаваемых и защищаемых в Российской Федерации, признание за юридическими лицами экономических прав, а также четкое определение статуса Центрального банка РФ в его взаимоотношениях с органами государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гранкин М.И. К вопросу о сущности безопасности экономической основы конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 31 – 34. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2902
4. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. 1994. №12. С. 5.

5. Мамыкина А.П. Теоретико-методологические аспекты экономической безопасности: автореферат дис. ... кандидата экономических наук. М., 2003. С. 8.
6. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России // ЭКО. 2007. №5 (395). С.7
7. Архипов, А. И. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения / А. И. Архипов, А. Е. Городецкий, Б. П. Михайлов // Вопросы экономики. 1994. №12. С. 38-39.
8. Крутиков В.К., Дорожкина Т.В., Костина О.И., Якунина М.В. Экономическая безопасность: Учебно-методическое пособие / Крутиков В.К. – Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2017. С. 9.
9. Лошкарев А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2009. С. 12.
10. Иванов С.В. Понятие и сущность конституционно-правовых гарантий // Вестник Омского университета. Серия "Право". 2016. № 2. С. 68.
11. Малахов В.П., Лановая Г.М. Конституционно-правовые гарантии: сущность и роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 7 – 12. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Ласковая, Ирина Алексеевна. Конституционно-правовые гарантии экономической безопасности России: на примере развития электроэнергетики на рубеже XX-XXI веков : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Ласковая Ирина Алексеевна; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2010. – С. 9
13. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2902
14. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 № 164-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4850
15. Указ Президента РФ от 01.07.1996 № 1008 «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 08.07.1996, № 28, ст. 3356.
16. Левакин И.В., Платонова Н.И. Конституции и экономический суверенитет современных государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 8. С. 35 – 39. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и стратегическое управление: конституционно-экономические аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 12. С. 34 – 38. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // ВКС РФ. 2004. № 4. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Термин экономический суверенитет используется и в других актах КС РФ, например, в определениях Конституционного Суда РФ от 08.06.2000 № 118-О, от 19.05.2009 № 596-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Магомедов Ш.Б. К вопросу о конституционном содержании обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 10 – 15. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Бажан А. И. Экономический суверенитет, безопасность и протекционизм / А. И. Бажан // Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран / Ответственный редактор В.Б. Белов. – Москва :

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2018. С. 182.

21. Урунов, А. А. Единое экономическое пространство России: проблемы формирования и развития / А. А. Урунов // Вестник университета. – 2008. – № 1. – С. 152-156.

22. Митрофанов А. В. Формирование единого экономического пространства в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект / А. В. Митрофанов // Право и государство: теория и практика. 2011. № 8 (80). С. 54.

23. Сеидов Ш.Г., Зернов И.В. Теоретические и правовые основы функционирования конституционного принципа единства экономического пространства // Современное право. 2017. № 4. С. 19 – 23. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.1997 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 1997 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)" // Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 2008.

CONCEPT AND TYPES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY

Averianov A.D.

The article is devoted to the study of the essence of guarantees of economic security as a constitutional and legal category. The author examined some definitions of the term "economic security" proposed in the literature. Based on the definitions presented in the doctrine, the author concluded that there is no unified approach to understanding the essence of economic security. In order to identify the role and place of the category "economic security" in the system of constitutional and legal regulation of economic legal relations, the author attempted to classify constitutional provisions devoted to issues of economic security of the state. The author identified groups of guarantees of economic security, based on which a conclusion was made about a high degree of legal regulation of this constitutional and legal category. Nevertheless, a detailed study of the presented constitutional provisions showed the presence of gaps in the legislation that negatively affect the process of ensuring the economic security of the state, in connection with which the author proposed ways to improve them.

Keywords: national security, economic sovereignty, economic security, ensuring economic security, guarantees of ensuring economic security, the concept of constitutional and legal guarantees, types of constitutional and legal guarantees.

УДК 346.2

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ)

Редкоус Владимир Михайлович

Доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, Россия, Москва

Формирование и развитие правовой основы социального предпринимательства – одна из тенденций совершенствования правового регулирования экономических отношений в государствах – участниках СНГ, что предполагает создание правовых, организационных и экономических основ социального предпринимательства, установление правового положения (статуса) субъектов социального предпринимательства, обеспечение государственных гарантий защиты, государственной поддержки и расширения деятельности субъектов социального предпринимательства. Качественному решению данных вопросов должно способствовать проведение сравнительно-правовых исследований. В данной статье представлен краткий анализ основных вопросов законодательного установления правового статуса субъектов социального предпринимательства в государствах – участниках СНГ. Сделан вывод, что одним из направлений совершенствования института социального предпринимательства в России является четкое установление правового статуса субъектов социального предпринимательства, их прав и обязанностей, гарантий реализации, в том числе и государственных. Это станет залогом успешного развития института социального предпринимательства в российских условиях и достижения целей его функционирования.

Ключевые слова: правовое регулирование; экономические отношения; социальное предпринимательство; предпринимательская деятельность; правовое положение (правовой статус); права, обязанности; гарантии; деятельность субъектов социального предпринимательства; социальное предприятие; социальный предприниматель; государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; реестр субъектов социального предпринимательства; сравнительное правоведение.

Социальное предпринимательство как феномен является одной из наиболее обсуждаемых и одновременно противоречивых тематик, освещаемых как в зарубежной, так и в российской экономической теории, отмечают О.Ю. Ангелова, Н.Г. Бряндинская, О.Р. Чепьюк [1, с. 105], что в полной мере сказывается и на его правовом регулировании. Развитие социального предпринимательства, учитывая вызовы и направления в современной экономике, относится к приоритетной группе мероприятий, требующих еще более усиленного внимания со стороны государства, некоммерческого сектора, экспертного сообщества и общества в целом, говорит А.В. Буянова [2, с. 94]. Выводы вышеназванных и других ученых [3, с. 102-112], [4, с. 39-48] [5, с. 77-99] подчеркивают важность развития данной темы и для Российской Федерации.

Правовое регулирование социального предпринимательства предполагает регламентацию статуса субъектов социального предпринимательства, который предполагает собой совокупность их прав и обязанностей, ответственности, а также гарантий их реализации для достижения задач и целей социального предпринимательства, закрепленных в национальном законодательстве [6].

Рассмотрим опыт законодательного закрепления статуса субъектов социального предпринимательства на правовом пространстве СНГ.

В России в ст. 24.1 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [7] дается определение «социальное предпринимательство», под которым понимается «предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными ч. 1 ст. 24.1 ФЗ № 209». В РФ статус субъектов социального предпринимательства регламентирован Федеральным законом № 209-ФЗ и иными нормативными правовыми актами в данной области и, как бы «размыт» по нормам законодательства о предпринимательской деятельности в целом.

В Республике Казахстан вопросы социального предпринимательства закреплены в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК [8], поэтому статус субъектов социального предпринимательства устанавливается нормами данного кодифицированного акта, а также иными нормативными правовыми актами Казахстана в области предпринимательской деятельности.

Очень интересен опыт Республики Таджикистан (далее – РТ), где совсем недавно был принят Закон Республики Таджикистан от 2 января 2025 г. № 2119 «О социальном предпринимательстве» (далее – Закон РТ) [9]. Целями принятия Закона РТ являются обеспечение гарантии государственной защиты, государственной поддержки и расширения деятельности субъектов социального предпринимательства, а также содействие в повышении качества жизни и оказании помощи социально уязвимым группам населения, решение социальных проблем, достижение общественно полезных целей, создание благоприятной экономической среды для социального предпринимательства и внедрения социальных инноваций. Социальное предпринимательство, в соответствии со ст. 1 Закона РТ, – это «предпринимательская деятельность, направленная на поддержку социально уязвимых слоев населения и осуществляемая в соответствии с Законом РТ для поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг социального назначения».

Глава 3 Закона РТ называется «Правовой статус субъектов социального предпринимательства» и включает следующие статьи: получение статуса субъекта социального предпринимательства (ст. 14); учредители социального предприятия (ст. 15); особенности осуществления социального предпринимательства общественными объединениями (ст. 16); критерии социального предприятия (ст. 17); особенности осуществления социального предпринимательства физическими лицами (ст. 18); критерии социального предпринимателя (ст. 19); реестр субъектов социального предпринимательства (ст. 20); права социальных предприятий и социальных предпринимателей (ст. 21); обязанности социальных

предприятий и социальных предпринимателей (ст. 22); порядок определения соответствия деятельности субъектов социального предпринимательства (ст. 23); утрата статуса социального предприятия либо социального предпринимателя и его последствия (ст. 24); оценка эффективности социальной предпринимательской деятельности (ст. 25).

Так, статус социального предприятия или социального предпринимателя приобретает с момента внесения физического или юридического лица в соответствующий государственный реестр социальных предприятий и социальных предпринимателей. Социальное предприятие может создаваться физическими и юридическими лицами в любой организационно-правовой форме, предусмотренной законодательством РТ.

Особенности осуществления социального предпринимательства общественными объединениями предусматривают, что: общественные объединения, зарегистрированные в соответствии с Законом РТ «Об общественных объединениях», могут осуществлять социальную предпринимательскую деятельность и получить статус социального предприятия. Активы и деятельность общественных объединений, непосредственно связанные с осуществлением ими социального предпринимательства, подлежат отдельному (раздельному от основной деятельности) бухгалтерскому учёту. Собственность, приобретенная общественным объединением в результате осуществления деятельности в сфере социального предпринимательства, используется для достижения уставных целей и не подлежит распределению между членами общественного объединения. Общественное объединение не может использовать более 30 процентов доходов, полученных в результате осуществления деятельности в сфере социального предпринимательства, на общие и административные расходы.

В случае прекращения деятельности общественного объединения, в сфере социального предпринимательства, оставшиеся свободные активы, полученные в результате социального предпринимательства, для достижения уставных целей передаются социальному предприятию или общественным организациям, внесенным в реестр социальных предприятий. По заявлению общественного объединения, занимающегося социальным предпринимательством, уполномоченный государственный орган в области государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей вносит такое общественное объединение в реестр субъектов социального предпринимательства.

Рассмотрим критерии социального предприятия, установленные в Законе РТ. Так, предприятие считается социальным, если оно создано для решения проблем социально уязвимых групп населения, либо реализации и (или) поставки социальных товаров, а также оказания социальных услуг и соответствует, одному или нескольким из следующих критериев: 1) на предприятии не менее 50 процентов от общего числа сотрудников, относятся к социально уязвимым группам населения, фонд оплаты труда социально уязвимых групп населения, составляет не менее 50 процентов от общего фонда оплаты труда работников; 2) доход от социальной предпринимательской деятельности по итогам предыдущего календарного года составляет не менее 50 процентов в общем объёме доходов предприятия; 3) реинвестирует не менее 50 процентов прибыли за предыдущий календарный год на осуществление социальной предпринимательской деятельности.

Особенности осуществления социального предпринимательства физическими лицами таджикский законодатель видит в том, что физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с Законом РТ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», могут осуществлять социальную предпринимательскую деятельность и быть включены в реестр субъектов социального предпринимательства в качестве социальных предпринимателей, если их деятельность соответствует критериям, предусмотренным настоящим Законом.

Устанавливается, что индивидуальный предприниматель считается социальным, если он соответствует одному или нескольким из следующих критериев: относится к уязвимой группе населения; его деятельность напрямую связана с решением проблем социально уязвимых групп населения, либо реализации и (или) поставки социальных товаров, а также оказания социальных услуг; доход от продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг по итогам предыдущего календарного года составляет не менее 50 процентов в общем объеме доходов от социального предпринимательства; реинвестирует не менее 50 процентов прибыли за предыдущий календарный год на осуществление социальной предпринимательской деятельности.

Говоря о реестре субъектов социального предпринимательства, отметим, что данный реестр включает сведения о зарегистрированных физических и юридических лицах, осуществляющих деятельность в сфере социального предпринимательства. Ведение реестра субъектов сферы социального предпринимательства осуществляется на электронном (магнитном) и бумажном носителях. В случаях расхождения сведений, содержащихся на бумажном и электронном носителях, за основу принимаются сведения, содержащиеся на бумажном носителе. Содержащиеся в реестре субъектов социального предпринимательства сведения, являются открытыми и общедоступными, за исключением конфиденциальных сведений и сведений, составляющих коммерческую или иную охраняемую законом тайну.

Реестр субъектов социального предпринимательства является составной частью Единого государственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, порядок ведения которого определяет уполномоченный государственный орган в области государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Элементом правового статуса субъектов социального предпринимательства являются их права и обязанности. Так, социальные предприятия и социальные предприниматели вправе: свободно осуществлять деятельность, не противоречащую Закону РТ, самостоятельно определять виды, формы, сферы и направления деятельности; привлекать волонтеров для достижения уставных целей; использовать имеющиеся формы государственной поддержки социальных предприятий и социальных предпринимателей; участвовать в принятии решений местными органами государственной власти по вопросам социального предпринимательства и разработке документов стратегического планирования административно-территориальных единиц; использовать права, гарантии, льготы и финансовую помощь, предусмотренные законодательством РТ в сфере предпринимательской деятельности; требовать обоснования исключения или невключения в реестр субъектов социального предпринимательства, а также обжаловать решения о невключении или исключении из реестра субъектов социального предпринимательства в установленном законом порядке. Социальные предприятия или социальные предприниматели имеют и другие права, предусмотренные законодательством РТ о государственной защите и поддержке предпринимательства.

Социальные предприятия и социальные предприниматели обязаны: соответствовать критериям социального предприятия либо социального предпринимателя, установленным Законом РТ; раскрывать информацию о деятельности, связанной с социальным предпринимательством, за исключением сведений, составляющих государственные секреты, коммерческую или иную охраняемую законом тайну; эффективно и по целевому назначению использовать объекты государственной собственности, переданные социальному предприятию или предпринимателю для осуществления социального предпринимательства; соблюдать требования законодательных и нормативных правовых актов в сфере охраны труда, техники безопасности, экологии, санитарии и гигиены; представлять налоговую отчетность в порядке и условиях, предусмотренных налоговым законодательством РТ; направлять не менее 50 процентов прибыли предыдущего

финансового года на реинвестирование в деятельность социального предпринимательства в течение следующего финансового года. Социальные предприятия или социальные предприниматели могут иметь другие обязанности в соответствии с законодательством РТ.

Соответствие деятельности субъекта социального предпринимательства требованиям Закона РТ определяет уполномоченный государственный орган в сфере государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в рамках осуществляемого налогового контроля. При определении соответствия деятельности субъекта социального предпринимательства требованиям Закона РТ уполномоченный государственный орган в сфере государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей не вправе запрашивать дополнительные документы и информацию.

Важным аспектом регламентирования правового статуса субъектов социального предпринимательства является установление процедуры утраты статуса социального предприятия либо социального предпринимателя и его последствия. Так, статус социального предприятия или социального предпринимателя аннулируется в следующих случаях: 1) подачи заявления социальным предприятием или социальным предпринимателем об аннулировании статуса; 2) прекращения деятельности социального предприятия либо индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством РТ; 3) реорганизации социального предприятия, за исключением слияния или присоединения двух и более субъектов, имеющих статус социального предприятия; 4) по заключению уполномоченного государственного органа в области государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей о несоответствии деятельности социального предприятия или социального предпринимателя требованиям Закона РТ. В случае, предусмотренном в п. «4» ч. 1 ст. 24 Закона РТ уполномоченный государственный орган в области государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей устанавливает трехмесячный срок для устранения выявленных нарушений настоящего Закона. Если по истечении указанного срока нарушения не устранены, статус социального предприятия или социального предпринимателя аннулируется в соответствии с ч. 1 ст. 24 Закона РТ.

Утрата статуса социального предприятия или социального предпринимателя влечет его исключение из соответствующего реестра. При этом если учредителем социального предприятия является общественное объединение, такое предприятие при реорганизации или ликвидации обязано вернуть данному общественному объединению оставшиеся активы (имущество) после удовлетворения требований кредиторов.

В случае утраты статуса социального предприятия или социального предпринимателя заявление о восстановлении статуса или повторном его присвоении рассматривается по истечении 12 месяцев со дня аннулирования такого статуса.

Социальное предприятие или социальный предприниматель может обжаловать в суд решение об аннулировании статуса или об отказе рассмотрения заявления, указанного в ч. 4 ст. 24 Закона РТ.

Министерства и ведомства, государственные органы и другие организации, органы местного самоуправления в пределах своих полномочий во взаимодействии с субъектами социального предпринимательства могут оценивать эффективность деятельности этих субъектов в соответствии с методикой оценки воздействия социального предпринимательства.

Перспективные вопросы развития института социального предпринимательства в России в юридической науке рассматриваются Е.Л. Зуевой, О.Б. Пономаревым, С.Ю. Ховаевым и другими учеными [10, с. 46-59], [11, с. 561-570]. По мнению автора, одним из направлений совершенствования института социального предпринимательства в России является четкое

установление правового статуса субъектов социального предпринимательства, их прав и обязанностей, гарантий реализации, в том числе и государственных. Это станет залогом успешного развития института социального предпринимательства в российских условиях и достижения целей его функционирования. В этих целях необходимо продолжать сравнительно-правовые исследования в рассматриваемой области, о чем автор неоднократно подчеркивает в своих работах [12, с. 119-121].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелова О.Ю., Чепьюк О.Р., Бряндинская Н.Г. Социальное предпринимательство: синтез гуманитарного и экономического подхода // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 105-114.
2. Буянова А.В. К вопросу о социальном предпринимательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 91-94.
3. Войнова О.А., Козлова О.А. Эволюция концепции социального предпринимательства // Вестник ЗабГУ. 2016. № 1. С. 102-112.
4. Волкова М.С. Понятие социального предпринимательства и его критерии // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 9. С. 39-48.
5. Жохова В. В. Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение // Современная конкуренция. 2015. №4 (52). С. 77-99.
6. Правовое регулирование финансового рынка России / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, С.В. Запольский [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2023. – 219 с.
7. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 4006.
8. Казахстанская правда. 2015. 3 ноября. № 210 (28086).
9. Закон Республики Таджикистан от 2 января 2025 г. № 2119 «О социальном предпринимательстве» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=164256 (дата обращения: 24/02/2025).
10. Зуева Е.Л., Ховаев С.Ю. Возможности развития института социального предпринимательства в России // Ars Administrandi. 2015. № 3. С. 46-59.
11. Пономарев О.Б. О перспективах развития теории социального предпринимательства // Российское предпринимательство. 2017. № 4. С. 561-570.
12. Редкоус, В.М. «Зеленая» экономика» в документах стратегического планирования государств-участников СНГ / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 119-121.

LEGAL STATUS OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP ENTITIES (EXPERIENCE OF LEGISLATIVE REGULATION IN THE CIS MEMBER STATES)

Redkous V.M.

The formation and development of the legal framework of social entrepreneurship is one of the trends in improving the legal regulation of economic relations in the CIS member States, which involves the creation of legal, organizational and economic foundations of social entrepreneurship, the establishment of the legal status of social entrepreneurship entities, the provision of state guarantees of protection, state support and expansion of the activities of social entrepreneurship entities. The qualitative solution of these issues should be facilitated by conducting comparative legal research. This article provides a brief analysis of the main issues of legislative establishment of the legal status of social entrepreneurship entities in the CIS member states. It is concluded that one of the areas of improvement of the institute of social entrepreneurship in Russia is the clear establishment of the legal status of subjects of social entrepreneurship.

Keywords: legal regulation; economic relations; social entrepreneurship; entrepreneurial activity; legal status; rights, obligations; guarantees; activities of social entrepreneurship entities; social enterprise; social entrepreneur; state registration of legal entities and individual entrepreneurs; register of social entrepreneurship entities; comparative law.

УДК 34.07

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Степанова Ирина Александровна

Профессор кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения
Академии ГПС МЧС России,

г. Москва

SPIN-код: 3669-3312

В статье рассматриваются вопросы нормативного правового обеспечения создания и развития комплексной информационной системы безопасности. Внесены предложения, связанные с реализацией целей и задач, определенных в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Показана роль МЧС России в вопросах организации обеспечения информационной безопасности. Предлагается собственное видение и закрепление механизма создания комплексной информационной системы безопасности в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в Федеральном законе, который должен определить принципы построения системы, технические требования к ее созданию и функционированию, участие и ответственность органов и организаций при ее создании и развитии. Обосновывается вывод о том, что создание информационного пространства, основанного на применении цифровых технологий, будет способствовать повышению уровня безопасности при защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, позволит внести вклад в создание правовых условий для обеспечения согласованного функционирования для всех участников правовых отношений в указанной сфере.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, защита населения и территорий, комплексная информационная система безопасности, нормативное правовое регулирование, технические требования, цифровая трансформация.

В соответствии с пунктом 22 Положения о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 года № 794[1], информационное обеспечение в единой системе осуществляется с использованием автоматизированной информационно-управляющей системы (АИУС РСЧС), представляющей собой совокупность технических систем, средств

связи и оповещения, автоматизации и информационных ресурсов, обеспечивающей обмен данными, подготовку, сбор, хранение, обработку, анализ и передачу информации.

Единая система объединяет органы управления, силы и средства федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, в полномочия которых входит решение вопросов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, и осуществляет свою деятельность в целях выполнения задач, предусмотренных Федеральным законом № 68-ФЗ "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера"[2].

Система состоит из функциональных и территориальных подсистем и действует на федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом уровнях. Информационное обеспечение в единой системе осуществляется с использованием автоматизированной информационно-управляющей системы, представляющей собой совокупность технических систем, средств связи и оповещения, автоматизации и информационных ресурсов, обеспечивающей обмен данными, подготовку, сбор, хранение, обработку, анализ и передачу информации.

С 2020 года, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[3], стратегическим направлением совершенствования государственного управления стала его цифровая трансформация, в том числе и по вопросам обеспечения безопасности жизнедеятельности. Необходимость создания специализированных цифровых систем безопасности жизнедеятельности обусловлена существенно более жесткими требованиями, предъявляемыми к оперативности, устойчивости и информационной безопасности указанных систем в сравнении с аналогичными требованиями к информационным системам в других областях государственного и муниципального управления.

Сбор и обмен информацией в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности осуществляется федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями в порядке, установленном в Постановлении Правительства РФ от 24.03.1997 N 334 "О Порядке сбора и обмена в Российской Федерации информацией в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера"[4].

Сроки и формы представления указанной информации устанавливаются Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по согласованию с федеральными органами исполнительной власти, государственными корпорациями и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, В рамках автоматизированной информационно-управляющей системы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций обмен информацией между федеральными органами исполнительной власти осуществляется в соответствии с Приказом МЧС России от 26.08.2009 № 496, которым утверждено Положение о системе и порядке информационного обмена в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций"[5]. Из смысла приведенных выше документов следует, что субъектами информационного обмена в области чрезвычайных ситуаций выступают постоянно действующие органы управления РСЧС на федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом уровнях. На сегодняшний день через органы повседневного управления организовано взаимодействие федеральными органами исполнительной власти, госкорпорациями и организациями, причем некоторые из них имеют в своем составе постоянные оперативные дежурные

службы (оперативные дежурные, ответственные дежурные) и взаимодействие с ними осуществляется в круглосуточном режиме. Основная организующая роль в реализации этого направления деятельности возложена на МЧС России.

Информационные ресурсы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций подразделяются на оперативную и плановую информации.

К оперативной информации относятся сведения о прогнозируемых и (или) возникших чрезвычайных ситуациях природного, техногенного, биолого-социального характера и их последствиях, сведения о силах и средствах РСЧС постоянной готовности, привлекаемых для предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также об их деятельности, направленной на предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций. Учитывая важность такой информации для обеспечения безопасности населения и территорий, в целях информационного взаимодействия МЧС России постоянно проводит работу по совершенствованию нормативно-правового регулирования указанного вида деятельности. Вступили в силу зарегистрированные в Минюсте России: приказ № 2 от 11.01.2021 г. [6], который определяет сроки и формы представления информации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в МЧС России другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов и организаций; приказ МЧС России № 429 от 5 июля 2021 г. [7], согласованный с заинтересованными органами исполнительной власти, который устанавливает критерии информации о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

В рамках выполнения поручения Президента о правовой трансформации РСЧС, а также в целях выполнения мероприятий по реализации Стратегии развития МЧС России на период до 2030 года, которая была одобрена Президентом и Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года, утвержденных Указом Президента РФ от 11.01.2018 N 12 [8], при участии МЧС России разрабатываются и заключаются с федеральными органами исполнительной власти, государственными корпорациями регламенты об информационном взаимодействии. Все вышеуказанные мероприятия направлены на реализацию основных целей, обозначенных в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [9].

Заметим, что для информатизации определённых функций органов управления, интегрированные межведомственные и межуровневые автоматизированные системы начали создаваться уже в первом десятилетии этого века. Общеизвестными примерами таких систем могут служить Общероссийская комплексная система информирования и оповещения населения в местах массового пребывания людей (ОКСИОН), комплексная система экстренного оповещения населения (КСЭОН), различные системы оповещения организаций и т.д.), которые по своей сути являются структурными обеспечивающими системами АИУС РСЧС. Для приема сообщений о чрезвычайных ситуациях, в том числе вызванных пожарами, используется единый номер вызова экстренных оперативных служб «112», обеспечивающий слаженное и согласованное совместное функционирование ведомственных и территориальных экстренных оперативных служб, которые созданы и функционируют во всех субъектах РФ. Их эксплуатация и дальнейшее развитие в основном обеспечиваются соответствующими нормативными правовыми, организационно-методическими и нормативно-техническими документами. Однако комплексный подход к цифровизации в сфере информационной системы безопасности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций предусматривает более глубокое и взвешенное осмысление вопросов организации указанного вида деятельности.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что внедрение комплексной информационной системы безопасности предусмотрено на объектах инфраструктуры различного уровня (регионального, муниципального, объектового). Комплексная система безопасности строится в рамках территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – ТП РСЧС) и является ее информационно-управляющей частью, представляющей собой совокупность технических систем, средств связи и оповещения, автоматизации и информационных ресурсов, обеспечивающей обмен данными, подготовку, сбор, хранение, обработку, анализ и передачу информации в рамках ТП РСЧС. Участники ТП РСЧС (территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, правительства субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации), осуществляя обмен данными, подготовку, сбор, хранение, обработку, анализ и передачу информации в рамках ТП РСЧС используют комплексную систему и таким образом являются ее участниками. В некоторой степени вопросы их организационного построения и взаимодействия решены и регулируются на подзаконном уровне, но это не устраняет проблем, возникающих в вопросах их постоянного взаимодействия и требует, на наш взгляд, именно законодательного регулирования. Между тем, федеральным законодательством органы государственной власти субъектов РФ не наделены полномочиями по принятию подобного рода нормативных правовых актов. Отсутствует законодательный нормативный правовой акт, регулирующий вопросы создания и функционирования автоматизированной информационно-управляющей системы и на федеральном уровне. Заметим, что вопрос о необходимости принятия такого документа, а именно – Закона – обсуждался и в научном сообществе, и среде практических работников[10],[11]. В процессе обсуждения было отмечено, что законодательный акт должен определить принципы построения системы, технические требования к ее созданию и функционированию, участие и ответственность органов и организаций при ее создании и функционировании и др. Однако государственное регулирование указанной сферы отношений произошло в ином направлении. 24 января 2024 года Правительством Российской Федерации было принято Постановление № 57, утвердившее Положение «О государственной системе «Автоматизированная информационно-управляющая система единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [12], которое в определенной степени устранило возникающие на практике вопросы. Указанный документ определил цели, задачи информационной системы, ее функции и участников, уточнил понятия, используемые в Положении, а также отдельные моменты, связанные с использованием информации.

Кроме правового регулирования указанной сферы выявляются и другие проблемы, от решения которых зависит обеспечение безопасности:

- малая заинтересованность некоторых участников ТП РСЧС в развитии АИУС РСЧС;
- сложность в распределении ответственности за обеспечение и оплату каналов связи;
- нераспределение имущества системы между ее участниками в установленном порядке;
- отсутствие общих технических требований (условий) для систем безопасности, что приводит иногда к практической невозможности их интеграции и сопряжения между собой;
- отсутствие единого технического оператора АИУС РСЧС.

В целях обеспечения должного функционирования комплексной информационной системы и, следовательно, совершенствования единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, было бы целесообразно:

Особое внимание уделить нормативно-правовому обеспечению процессов цифровой трансформации государственного управления на региональном уровне,

повышению его эффективности и достижению цифровой зрелости на основе построения в каждом субъекте РФ единой цифровой системы безопасности жизнедеятельности, обеспечивающей устойчивость его социально-экономического развития в рамках общей системы цифровой экономики. Отсутствие нормативного правового акта (Закона), регулирующего вопросы создания и функционирования автоматизированной информационно-управляющей системы создает определенные правовые и организационные проблемы как при создании комплексных систем безопасности, так и при работе всей территориальной подсистемы РСЧС, которые не позволяют в полной мере использовать возможности данных систем и организовать их работу в надлежащем порядке, т.е. в рамках единого информационного пространства.

Обращает на себя внимание и наличие межведомственных и межуровневых барьеров в организации информационно-программного сопряжения взаимодействующих субъектов. Большинство мероприятий, закрепленных в действующих документах по созданию систем безопасности, носят рекомендательный характер для их участников, за исключением тех случаев, когда такие мероприятия обязательны для исполнения участниками в соответствии с закрепленными за ними полномочиями.

Кроме того, требуют отдельного анализа и изучения принципы построения систем комплексной информационной безопасности. Полагаем, что конструкторам систем необходимо более четко определять назначение и функционал различных элементов систем безопасности. Перед началом проработки создания новых систем, проводить полную инвентаризацию действующих, с анализом их эффективности, в том числе на предмет возможности их обновления и сопряжения; детально прорабатывать финансово-экономическое обоснование, содержащее расчеты, связанные с введением в действие систем, в том числе в части доходов и расходов бюджетов всех уровней на их содержание, затрат субъектов экономики; затрат третьих лиц, налоговых поступлений, бюджетной эффективности.

В конце 2010-2012 годов в стране начался и продолжается в настоящее время этап, связанный с интеграцией во все сферы государственного управления цифровых технологий, включая искусственный интеллект и анализ больших данных. МЧС России создает и активно внедряет системы, способные анализировать большое количество информации в реальном времени, что позволяет более эффективно реагировать на угрозы и чрезвычайные ситуации. Были разработаны системы, использующие искусственный интеллект для автоматизации принятия решений, и это тоже ускоряет реакцию на чрезвычайные ситуации. Немаловажную роль в решении этих задач играет процесс подготовки кадров. Именно этому направлению МЧС России уделяет особое внимание. Специалисты обучаются использованию информационных технологий для более эффективной работы, что повышает профессионализм сотрудников и обеспечивает качественное взаимодействие с населением в чрезвычайных ситуациях. Развитие цифровых технологий в МЧС России отражает стремление к созданию современного и эффективного механизма обеспечения безопасности. Интеграция новых технологий, таких как искусственный интеллект, позволяет улучшить работу службы и защитить население от угроз. Дальнейшее развитие цифровых технологий в МЧС России зависит от готовности к инновациям, адаптации к изменяющимся условиям и обеспечит высокий уровень безопасности в стране. Такие мероприятия позволят достичь целей, обозначенных в Указе Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года"[13], которые состоят в сохранении населения, укреплении здоровья и повышении благополучия людей, обеспечении комфортной и безопасной среды для жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 N 794 "О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций".

2. Федеральный закон № 68-ФЗ от 21 декабря 1994г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».
3. Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года".
4. Постановление Правительства РФ от 24.03.1997 N 334 "О Порядке сбора и обмена в Российской Федерации информацией в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера".
5. Приказ МЧС России от 26.08.2009 N 496 "Об утверждении Положения о системе и порядке информационного обмена в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.10.2009 N 15039).
6. Приказ МЧС России от 11.01.2021 N 2 "Об утверждении Инструкции о сроках и формах представления информации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2021 N 62744).
7. Приказ МЧС России от 05.07.2021 N 429 (ред. от 10.01.2024) "Об установлении критериев информации о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера" (Зарегистрировано в Минюсте России 16.09.2021 N 65025).
8. Указ Президента РФ от 11.01.2018 N 12 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года".
9. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы".
10. Чириков А.Г., Качанов С.А., Попов А.П. Методика создания комплексной системы обеспечения безопасности жизнедеятельности населения субъекта Федерации.
11. Попов А.П., Грязнев Д.Ю. О нормативно-правовых основах дальнейшего развития комплексных систем обеспечения безопасности жизнедеятельности населения. В Сб. Технологии гражданской безопасности, 2020, №4, с. 41.
12. Постановление Правительства РФ от 24.01.2024 N 57 (ред. от 27.12.2024) "О государственной информационной системе "Автоматизированная информационно-управляющая система единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций" (вместе с "Положением о государственной информационной системе "Автоматизированная информационно-управляющая система единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций")".
13. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года".

**О THE QUESTION OF CREATING A COMPREHENSIVE INFORMATION SECURITY
SYSTEM IN THE SPHERE OF PROTECTING THE POPULATION
AND TERRITORY FROM EMERGENCY SITUATIONS**

Stepanova I.A.

The article considers the issues of regulatory legal support for the creation and development of a comprehensive information security system. The presented proposals related to the implementation of the goals and objectives defined in the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 – 2030, approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203. The role of the Ministry of Emergency Situations of Russia in ensuring the information security of the organization is shown. Our own vision and consolidation of the mechanism for creating a comprehensive information security system in the field of protecting the population and territories from emergency situations in the Federal Law is

proposed, which should determine the principles of building the system, technical requirements for its creation and operation, participation and responsibility of bodies and organizations in its creation and development. The paper concludes that the creation of an information space based on the level of application of digital technologies will ensure security in protecting the population and territories from unforeseen situations, and will contribute to the creation of legal conditions for ensuring a coordinated regime for all participants in legal relations in this area.

Keywords: emergency, protection of the population and territory, integrated information security system, normative legal regulation, technical requirements, digital transformation.

УДК 342

ПЕРЕДАЧА ПОЛНОМОЧИЙ ОТ ПОСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОМУ РАЙОНУ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Упоров Иван Владимирович
Д.и.н., к.ю.н., профессор,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар

Рассматривается правовое регулирование отношений между разными видами муниципальных образований (муниципального района и поселений, входящих в его состав) по вопросам передачи части полномочий от поселений муниципальному району. Данный аспект не имеет достаточного регулирования в базовом для местного самоуправления и пока еще действующем федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В частности, это касается уточнения видов полномочий, которые не могут быть переданы посредством соглашения между поселением и муниципальным районом о передаче полномочий, поскольку без ряда важнейших (сущностных) полномочий, таких, как принятие устава муниципального образования, не может быть вообще местного самоуправления; в этом же ряду имеет место размытость таких терминов, как «полномочия», «вопросы местного значения». Анализируются соответствующие нормы федеральных законов, научные труды, в которых затрагивается заявленная проблематика. Обосновываются предложения по совершенствованию законодательного регулирования рассматриваемых правовых отношений.

Ключевые слова: местное самоуправление, поселение, муниципальный район, полномочия, соглашение, закон.

В процессе реализации поселениями (как муниципальными образованиями) вопросов местного значения эти поселения (городские и сельские) приходится использовать и такой способ, как передача части полномочий органам местного самоуправления муниципальных районов. Так, согласно ч. 4 ст. 15 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – Закон о местном самоуправлении) органы местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района, вправе заключать соглашения с органами местного самоуправления муниципального района о передаче им осуществления части своих полномочий за счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджетов этих поселений в бюджет муниципального района в соответствии с бюджетным законодательством (при этом в практике такие соглашения заключают сельские поселения – по причинам, о которых речь пойдет ниже). Возможно и обратное – органы местного самоуправления муниципального района вправе заключать соглашения с органами местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района, о передаче им осуществления части своих полномочий за

счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджета муниципального района в бюджеты соответствующих поселений в соответствии с Бюджетным кодексом РФ[2].

При этом указанные соглашения (далее мы покажем, что институт «соглашения» нецелесообразен в рассматриваемых отношениях, однако для ясности своей позиции по ряду аспектов мы используем термин «соглашение») согласно закону должны заключаться на определенный срок, содержать положения, устанавливающие основания и порядок прекращения их действия, в том числе досрочного, порядок определения ежегодного объема указанных в настоящей части межбюджетных трансфертов, необходимых для осуществления передаваемых полномочий, а также предусматривать финансовые санкции за неисполнение соглашений. Для осуществления переданных в соответствии с указанными соглашениями полномочий органы местного самоуправления имеют право дополнительно использовать собственные материальные ресурсы и финансовые средства в случаях и порядке, предусмотренных решением представительного органа муниципального образования.

В Законе о местном самоуправлении и других нормативно-правовых актах имеются более конкретные предписания. Так, согласно ч. 2 ст. 173 БК РФ прогноз социально-экономического развития городского, сельского поселения (внутригородского района) может разрабатываться местной администрацией муниципального района (городского округа с внутригородским делением) в соответствии с соглашением между местной администрацией городского, сельского поселения (внутригородского района) и местной администрацией муниципального района (городского округа с внутригородским делением) за исключением некоторых случаев, указанных здесь же.

Такой подход законодателя вызывает ряд вопросов. В частности, не решена масса сопутствующих вопросов – об органах, уполномоченных заключать такие соглашения, о порядке заключения и расторжения соглашения, о видах и объеме передаваемых полномочий и др. [3, с. 36] Один из важных вопросов – о разрешенных к передаче полномочий. Дело в том, что в Законе о местном самоуправлении речь идет о передаче полномочий, а не вопросов местного значения. Однако в практике нередко передаются именно вопросы местного значения в целом, например, владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности поселения и др. Д.Ф. Вяткиным в этой связи ставится вопрос о необходимости разграничения полномочий между городскими и сельскими поселениями в том смысле, что нужно дифференцировать передачу полномочий применительно к этим поселениям, учитывая, что сельские поселения в большей степени нуждаются в передаче полномочий органам местного самоуправления муниципального района, в состав которого они входят [4, с. 63].

Нет достаточно ясности и в том, какой объем передаваемых полномочий должен быть предельным, какие вообще не могут передаваться и т.д. Данные проблемы находят отражение в литературе[5;6;7 и др.], однако в практике ситуация складывается опять же исходя из финансово-экономических возможностей самих поселений, поскольку бюджетная зависимость поселений от вышестоящих бюджетов ставит поселенческие органы в положение, когда «нельзя отказаться от предложений» органов районной власти. В этих условиях при передаче полномочий по соглашению между муниципальными районами и поселениями существенной проблемой может стать отсутствие законодательно установленной ответственности за ненадлежащее исполнение данных соглашений. Названные соглашения не относятся к гражданско-правовым, и к ним автоматически не могут применяться положения Гражданского кодекса РФ об ответственности за их неисполнение (ненадлежащее исполнение).

Данные соглашения о передаче полномочий носят публично-правовой характер, поэтому все особенности реализации таких соглашений должны устанавливаться законом и самим соглашением. Вместе с тем недостаточно высокий уровень компетентности муниципальных должностных лиц, в особенности

в поселениях, не позволяет им учесть все возможные проблемы, связанные с передачей полномочий, и предусмотреть в соглашениях адекватные механизмы защиты интересов поселения при передаче полномочий как от поселения району, так и от района поселению [8, с. 20]. В результате эффективность таких соглашений снижается.

Несмотря на то, что передать по соглашению можно исполнение только некоторых полномочий, а не вопросов местного значения, на практике получила распространение передача вновь образованными поселениями муниципальным районам на основании заключаемых соглашений вопросов местного значения либо большинства полномочий. По мнению В.В. Невинской и О.Л. Казанцева, которые приводят такие данные, это сводит на нет саму идею муниципальной реформы – решать большинство вопросов жизнеобеспечения именно на поселенческом, а не на районном уровне [9, с. 7]. Однако ситуация здесь неоднозначная. Дело в том, что формально авторы правы, если исходить из принципов, закрепленных в Законе о местном самоуправлении.

Но фактически положение с развитием местного самоуправления в России такое, что ряд ученых ставят под сомнение наличие вообще местного самоуправления. Так, С.А. Авакьян ставит риторический вопрос: «А есть ли в России местное самоуправление?» [10]; практически в таком же контексте ставит вопрос и Л.Л. Еремейкина [11]. В этом контексте мы расцениваем тенденцию уменьшения количества вопросов местного значения для небольших сельских поселений как позитивную. Здесь, очевидно, уместно выражение классика: «лучше меньше, да лучше». Пусть в сельском поселении будет всего несколько вопросов местного значения, пусть будет самый минимум, но пусть население действительно самостоятельно решает их, учитывая, что сельские поселения в абсолютном большинстве небольшие по территории, в них, в отличие от городских поселений, меньше ресурсов, кадрового потенциала для эффективного осуществления всех полномочий по решению вопросов местного значения. В дальнейшем, когда будет накоплен опыт, компетенцию сельских поселений можно и нужно будет расширять.

При этом важно подчеркнуть, что, разумеется, не могут быть переданы все полномочия по решению вопросов местного значения, а только их часть. В этой связи А.В. Мадьярова отмечает, что «часть – понятие широкое, 99,9% – это тоже часть. Но поскольку закон говорит о передаче именно полномочий, постольку такая передача не должна влечь передачу вопросов местного значения в целом, а это неизбежно в случае, если передается большая часть полномочий. Таким образом, следует вывод, что передаваться должна достаточно незначительная часть полномочий. На наш взгляд, общий объем передаваемых полномочий не должен быть более 1/3 полномочий по вопросам местного значения (как по всем в совокупности, так и по каждому из них в отдельности) соответствующего муниципального образования. Все это, впрочем, является весьма оценочным, а необходимы более ощутимые ограничения и пределы, в частности, должен быть некий минимум полномочий, которые не могут передаваться и должны осуществляться именно и только на поселенческом уровне» [3, с. 36].

Действительно, данный вопрос сугубо оценочный, и вряд правильно говорить об одной трети или двух третях объема передаваемых полномочий от поселений к муниципальному району, тем более, что указанный автор не приводит критерия измерения объема полномочий. Более того, таких критериев и не может быть точных, учитывая, что полномочия имеют разный характер: организационный, правовой, финансовый и т.д. Очевидно, речь должна идти прежде всего о правомочиях органов поселения принимать юридически значимые решения, определяющие сущность того или иного полномочия. Например, полномочие принимать устав муниципального образования (п.1 ч. 1 ст. 17 Закона о местном самоуправлении) является сущностным. Неспособность поселения к реализации сущностных правомочий может свидетельствовать об организационной неспособности территории к самоуправлению. В приведенном примере это очевидно – если поселение не в состоянии принять свой устав, то о

каком местном самоуправлении можно говорить применительно к данной территории?

Между тем в Законе о местном самоуправлении о каких-либо прямых запретах не передавать какие-либо полномочия от сельского поселения к муниципальному району не содержится. Однако такого рода ограничения содержатся в иных законодательных актах. Так, в ч. 5 ст. 20 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [12] указывается на то, что полномочия собственника имущества унитарного предприятия, имущество которого находится в собственности муниципального образования, не могут быть переданы муниципальным образованием иному муниципальному образованию. По мнению Н.В. Ласкиной, такая позиция законодателя основана прежде всего на признании в Российской Федерации государственной, муниципальной собственности и невозможности их смешения ввиду особенностей правового режима указанных форм собственности, а также на положении ч. 4 ст. 2 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», устанавливающего запрет создания унитарных предприятий на основе объединения имущества, находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований [13]. Однако такое разъяснение неубедительно, поскольку законодатель акцентирует внимание на запрете (ограничении) объединения имущества собственников трех уровней публичной власти – федеральной, субъектов РФ и муниципальной власти, не разделяя последнюю на подвиды власти. И этот аспект в литературе поднимается редко, что может свидетельствовать о сложности данного вопроса, в частности, А.В. Колесников отмечает, что имеет место «некорректное использование государством прав на определение компетенции муниципальных органов, отсутствие критериев оценки муниципальных возможностей по реализации компетенции» [14, с. 167].

Представляется, что указанное ограничение в передаче полномочий собственника от одного муниципального образования к другому, а именно от поселения к муниципальному району, в который оно входит, или наоборот, представляется ошибочным, поскольку здесь в один ряд ставятся отношения разных уровней, в частности: «муниципальный район–муниципальный район», «поселение–субъект Федерации», «поселение–другой муниципальный район», «поселение–свой муниципальный район» и т.д. Последний случай особый, и здесь, очевидно, запрет нецелесообразен. И тот факт, что этот запрет в муниципальной практике нарушается [3, с. 37], косвенно может свидетельствовать в пользу такого мнения.

С учетом изложенного представляется целесообразным, что если у поселения нет возможностей осуществлять полномочия по решению какого-либо вопроса местного значения, то следует передавать не полномочия по его решению на уровень муниципального района, а сам вопрос местного значения (за исключением перечня вопросов местного значения, полномочия по реализации которых относятся к разряду вышеуказанных существенных полномочий) из ведения поселения. Если же поселение не в состоянии самостоятельно осуществлять существенные полномочия по решению вопросов местного значения, то, видимо, надо ставить вопрос об упразднении (преобразовании) поселения как муниципального образования, на выше уже обращалось внимание. Такое предложение основывается на том, что расширение перечня вопросов местного значения и соответственно объема выполняемых полномочий органами и должностными лицами местного самоуправления поселений не всегда возможно на практике. В немалой степени это обусловлено тем, что органы государственной власти субъектов Федерации при определении в начале 2000-х территориального устройства местного самоуправления и формировании муниципальных образований не учитывали все факторы, необходимые для создания на определенных территориях муниципальных образований, в данном случае – поселений. Это явилось одной из причин неспособности отдельных звеньев

местного самоуправления самостоятельно осуществлять полномочия по решению вопросов местного значения в полном объеме. Доказательством данному факту как раз и служит распространенная практика заключения соглашений о передаче большого объема полномочий от органов местного самоуправления поселений органам местного самоуправления муниципальных районов.

Анализ заключенных соглашений показывает, что, как правило, решение о передаче полномочий во взаимодействии «поселение – муниципальный район» принимается представительным органом муниципального образования, а подписание соглашения осуществляет глава местной администрации (глава муниципального образования). Причем нередко данная процедура не имеет под собой достаточной правовой основы, так как порядок заключения соглашений не всегда определен ни уставом муниципального образования, ни иными муниципальными нормативными правовыми актами, то есть, имеет характер своеобразного правового обычая. А в иных случаях и вовсе идет вразрез с уставом, которым предусмотрено заключение соглашений от имени муниципального образования главой муниципального образования, а на практике соглашение дополнительно утверждается решением представительного органа [3, с. 38]. Как нам представляется, в поселениях данные вопросы должны решаться представительным органом сельского поселения.

Очевидно, что эффективный механизм заключения межмуниципальных соглашений может быть достигнут лишь при условии законодательного установления объема передаваемых полномочий, а также самостоятельного осуществления органами местного самоуправления полномочий, касающихся вопросов местного значения. Иначе при невозможности решения проблемы «недееспособности» муниципального образования путем использования соглашений (при соблюдении установленных условий соглашений) необходимо инициировать вопрос о преобразовании соответствующего муниципального образования. В практике же нередко соглашения заключаются на основе неспособности органов поселений по разным причинам осуществлять предоставленные им полномочия. И в практике перераспределение полномочий является односторонним – от поселений (при этом это касается в абсолютном большинстве случаев сельских поселений) муниципальному району, что «фактически означает формирование одноуровневой модели местного самоуправления, поскольку сельские поселения оказались лишенными кадров и самостоятельных источников финансирования и, как следствие, в большинстве своем неэффективными» [15, с. 16]. Собственно, данная тенденция в настоящее время набирает обороты в виде создания муниципальных округов в границах бывших муниципальных районов, где поселения вообще не предусмотрены [16; 17 и др.]. Такую тенденцию мы оцениваем негативно, и в ряде более ранних публикаций приводили аргументы в пользу того, чтобы поселения оставались обязательным видом муниципального образования.

Таким образом, с учетом указанных обстоятельств есть основания полагать, что сущность рассматриваемых соглашений между поселением и муниципальным районом в общем случае заключается в том, что муниципальный район оказывает помощь поселениям в решении поселенческих же вопросов местного значения, используя способ временной передачи части полномочий. Обратный вариант, когда муниципальный район передает поселению часть полномочий по решению вопросов местного значения муниципального района, должен быть, на наш взгляд, исключен вообще, поскольку это противоречит фундаментальному принципу взаимоотношений разных уровней публичной власти, согласно которому вышестоящая публичная власть обладает несравненно большим финансовым, кадровым и организационным ресурсом, и ее задача помогать нижестоящей публичной власти, а не возлагать на нее исполнение, пусть даже частичное, части своих полномочий. Кроме того, как нам представляется, на федеральном уровне должен указываться лишь возможный перечень полномочий, которые поселения могут передать муниципальным районам. Само соглашение заключается,

разумеется, между поселением и муниципальным районом самостоятельно, однако с целью обеспечения достаточной обоснованности такого рода соглашений целесообразно, чтобы такие соглашения санкционировались органом государственной власти субъекта Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2025).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2025).
3. Мадьярова А.В. Межмуниципальные соглашения о передаче части полномочий: некоторые проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 1. С. 34-39.
4. Вяткин Д.Ф. Правовые проблемы определения статуса и компетенции муниципальных образований и органов местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 63.
5. Гришау В.Н. Правовое регулирование взаимоотношений органов местного самоуправления муниципальных районов и поселений, входящих в их состав: дисс. ...канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.
6. Пропищин А.И. Взаимодействие органов местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений по вопросам передачи части своих полномочий // Общество и право. 2011. № 5. С. 40-44.
7. Алексеева Н.А. Обоснование новой модели управления муниципальными округами в контексте территориального планирования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. № 2. С. 209-217.
8. Савранская О.Л. О вопросах местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. N 3. С. 19-24.
9. Невинский В.В., Казанцева О.Л. Местное самоуправление в России: проблемы и перспективы правового регулирования // Российская юстиция. 2010. N 11. С. 5 - 10.
10. Авакьян С.А. А есть ли в России местное самоуправление? // Российская Федерация сегодня. 2009. № 16.
11. Еремейкина Л.Л. Авакьян С.А. А есть ли в России местное самоуправление? // Российская Федерация сегодня. 2009. № 16. // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 42-48.
12. Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 N 161-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения - 13.02. 2024).
13. Ласкина Н.В. Комментарий к Федеральному закону «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (постатейный) / Подготовлен для системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2024).
14. Колесников А.В. Проблемы компетенции органов местного самоуправления: вчера, сегодня, завтра // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 167-174.
15. Состояние и перспективы реализации реформы местного самоуправления в Российской Федерации // Аналитический вестник Комитета Совета Федерации ФС РФ по вопросам местного самоуправления. 2008. N 21.
16. Убушаева Б.Г., Клым-Еремина Н.В. Практические рекомендации по организации преобразований муниципальных образований в Республике Калмыкия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 222-235.
17. Гунина Т.Г. Переход на одноуровневую систему муниципальных образований: последствия для местного самоуправления // Oeconomia et Jus. 2022. № 2. С. 61-72.

**TRANSFER OF POWERS FROM A SETTLEMENT TO A MUNICIPAL DISTRICT:
LEGAL ASPECT**

Uporov I.V.

The article examines the legal regulation of relations between different types of municipal entities (a municipal district and settlements included in its composition) on the issues of transferring some powers from settlements to a municipal district. This aspect is not sufficiently regulated in the main and still current federal law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". In particular, this concerns the clarification of the types of powers that cannot be transferred by means of an agreement between a settlement and a municipal district on the transfer of powers, since without a number of the most important (essential) powers, such as the adoption of the charter of a municipal entity, there can be no local self-government at all; in the same row there is a blurring of such terms as "powers", "issues of local importance". The corresponding norms of federal laws, scientific works, which touch upon the stated problems are analyzed. Proposals for improving the legislative regulation of the legal relations under consideration are substantiated.

Keywords: local government, settlement, municipal district, powers, agreement, law.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 34

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИЯХ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ РФ

Бессараб Елена Валентиновна

Аспирант Юридического института Севастопольского государственного университета,
Севастополь, Российская Федерация

В настоящей статье рассматриваются проблемы правовой регламентации земельных отношений субъектами РФ, формированию региональной правоприменительной практики в сфере охраны и использования земель.

Проведенное сопоставление федерального и регионального земельного законодательства позволило определить объем и систематизировать полномочия субъектов РФ в анализируемой сфере. Анализ судебной практики позволил определить специфические особенности применения земельного законодательства на территориях разных регионов РФ.

Регионы России имеют значительную специфику земель, расположенных на их территории. Это обстоятельство не может не влиять на региональные особенности формирования правовых, экономических, социальных, организационных и иных условий для эффективного вовлечения земельных участков в гражданский оборот и их рациональное использование. Необходимость изучения региональных особенностей правоприменения в сфере оборота земельных участков в разных субъектах РФ обусловила актуальность выбранной темы.

Цель исследования заключается в формировании представления об особенностях оборота земельных участков в разных субъектах РФ. Предмет изучения – земельные правоотношения, складывающиеся на региональном уровне. Новизна проведенного исследования обусловлена самостоятельным анализом законодательства и правоприменительной практики на примере конкретных регионов, выявления особенностей их взаимного влияния, по результатам которого сделан вывод о целесообразности выработки научно обоснованной концепции дальнейшего совершенствования земельного законодательства.

Ключевые слова: земельное законодательство, охрана и использование земель, полномочия субъектов Федерации, региональные особенности применения земельного законодательства

Основой благополучия населения территории и важнейшей ценностью каждой страны традиционно понимается земля. Возможности использования земельных участков обширны: на них располагаются объекты недвижимости, почвенный слой земельного участка поддерживает растительность, а расположенные под ними недра нередко содержат в себе полезные ископаемые.

Практически при любом общественном устройстве к земле и недвижимому имуществу как особо ценному имущественному объекту отводится особое место в системе общественных отношений. Это положение обусловлено той очевидной причиной, что с его функционированием обычно связаны жизнь и деятельность людей во всех сферах экономики, управления и организации. Не в меньшей степени объекты недвижимости способствуют решению социальных вопросов, в частности, значимой для многих россиян жилищной проблемы. В силу обширности территории России, ее субъекты расположены в различных географических условиях, у них отличается экономический потенциал, имеются в наличии разнообразные категории земель и охраняемых территорий.

Очевидно, стоимость и способность к участию в гражданском товарообороте земельных участков значительно отличается в зависимости от того, в какой природно-климатической зоне они находятся, каков уровень развития земельного рынка в конкретном регионе, какова региональная специфика экономического и социального развития, каково экологическое состояние региона. Эти особенности также закономерно оказывают значимое влияние на правовую регламентацию земельных отношений на региональном уровне и формируемую в регионах правоприменительную практику.

1. Особенности земельного законодательства на уровне субъектов РФ

В соответствии с п. 2 ст. 76 Конституции РФ [1] отечественное земельное законодательство отнесено к совместному ведению Федерации и ее субъектов, поэтому они вправе издавать федеральные и региональные законы, и иные нормативные правовые акты федерального и регионального уровня. Данная конституционная норма нашла непосредственное отражение в п. 1 ст. 2 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ [2]).

В соответствии со ст. 10 ЗК РФ определены полномочия субъектов РФ – субъектами РФ самостоятельно осуществляется управление и распоряжение земельными участками, которые отнесены к их собственности, также законодатель отнес к их компетенции действия по резервированию, изъятию земельных участков для нужд субъектов РФ; по разработке и реализации региональных программ по использованию и охране земель, которые расположены в границах региона, и иные полномочия, которые не отнесены к компетенции федеральных и муниципальных органов власти (то есть объем полномочий органов власти и управления определяется методом исключения прямо нормативно закрепленных полномочий федеральных и муниципальных органов власти).

Для реализации полномочий в определенной сфере региональные органы управления обязаны принять нормативный правовой акт, в котором должны быть установлены правила и описаны соответствующие процедуры.

Изучение норм ЗК РФ и иных федеральных законов в сфере земельных отношений показывает, что сфера применения актов субъектов РФ может варьироваться: она может охватывать оборот земель (земельных участков), которые отнесены к собственности субъектов Федерации (в соответствии с п. 2 ст. 33, п. 1 ст. 34 ЗК РФ), либо находятся в иной публичной собственности (в силу п. 2 ст. 28, п. 1 ст. 33, п. 3 ст. 65 ЗК РФ), либо оборот сельхозугодий, находящихся в частной собственности (в соответствии с п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [4]), либо распространяться на все

земельные участки, находящиеся в границах субъекта Федерации вне зависимости от формы собственности на них (в силу п. 7 ст. 69 ЗК РФ, ст. 5 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» [4]).

Ряд полномочий в рассматриваемой сфере осуществляется субъектами РФ, реализуется ими по собственному усмотрению с учетом специфики конкретного региона. Так, к примеру, в соответствии с п. 2 ст. 28 ЗК РФ регионы вправе устанавливать случаи, в которых земельные участки бесплатно предоставляются в собственность определенным категориям физических и юридических лиц – к примеру, многодетным семьям, малым предприятиям, ветеранским организациям, производителям определённой продукции и т.п.

Общепризнана высокая социальная значимость земельных правоотношений, поэтому субъектами РФ, как правило, в соответствии с нормой п. 2 ст. 28 ЗК РФ они регламентируются и реализуются в рамках комплексных нормативных правовых актов, регулирующих все сферы земельных отношений. Комплексный характер имеют, к примеру, такие универсальные законы субъектов РФ, как Закон «О регулировании земельных отношений на территории Воронежской области» [10] и Закон Саратовской области «О земле» [11]. В то же время в ряде субъектов РФ наряду с комплексными законами (или даже в их отсутствие) приняты специальные нормативные правовые акты в земельной сфере, к примеру, Закон Ленинградской области «О бесплатном предоставлении отдельным категориям граждан земельных участков для индивидуального жилищного строительства на территории Ленинградской области» [13].

Подходы субъектов РФ к правотворчеству в сфере урегулирования земельных отношений не единообразно, поскольку данная деятельность реализуется с учетом региональных особенностей. Так, к примеру, в части региональных законов о земле региональный законодатель выделил приоритетные направления политики региона в сфере земельных отношений. Так, в упомянутом выше Законе «О регулировании земельных отношений на территории Воронежской области» как приоритетные обозначены такие направления земельной политики региона:

- обеспечение государственной регламентации земельных отношений с целью обеспечить сохранность особо ценных земель, земель сельскохозяйственного назначения и земель особо охраняемых природных территорий;

- правовое регулирование использования земель способами, которые обеспечивают сохранность экологических систем; сохранность земель сельскохозяйственного назначения в качестве основного средства производства в агропромышленном комплексе и др.

То есть в анализируемом регионе сделан акцент на экологичность природопользования в агропромышленном комплексе. Аналогичным образом выделил приоритетные направления и региональный законодатель Пензенской области, которая включена в Приволжский федеральный округ и где также активно развивается сельскохозяйственное производство [12].

Выделение приоритетных направлений земельной политики региона влияет на урегулирование отношений в отдельных сферах. Так, в расположенной в Черноземье Воронежской области, где имеется значительное количество плодородных земель и активно поддерживается сельское хозяйство, в развитие универсального закона принят и реализуется Закон Воронежской области «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения на территории Воронежской области». Региональным Правительством также утверждены Правила рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, в которых закреплён комплекс обязательных требований, предъявляемых к собственникам земельных участков, землевладельцам, землепользователям и арендаторам земельных участков в направлении рационального использования земель сельскохозяйственного назначения [16].

Региональные власти требуют от землепользователей осуществлять сельскохозяйственное производство только способами, которыми обеспечивается сохранность состояния и воспроизводство плодородия земель сельскохозяйственного назначения, введен запрет на оказание при эксплуатации неблагоприятного воздействия на окружающую среду, также воронежским природопользователям вменена обязанность применять в севообороте научно обоснованное чередование растительных культур, которая подкреплена обеспечительными мерами.

2. Особенности практики применения земельного законодательства субъектов РФ

Региональные особенности могут оказывать значимое влияние на характер применения земельного законодательства. Так, для субъектов РФ, расположенных в Южном Федеральном округе (далее ЮФО) особую значимость при обороте земельных участков имеют нормы законодательства о лечебно-оздоровительных местностях и курортах. Рассмотрим в качестве примера Решение, вынесенное Краснодарским краевым судом об оспаривании прокурором нормативных правовых актов, принятых Думой города-курорта Геленджик в Краснодарском крае [17].

Краевая Прокуратура обратилась в суд с административным иском заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, заявив требование о признании недействующими с момента принятия двух решений Думы в части включения в границы населенных пунктов ряда земельных участков с определенными кадастровыми номерами. Требование прокурора было основано на выявленном в ходе проверки нарушении норм ЗК РФ.

Прокурор в обоснование иска указал, что включение перечисленных земельных участков в границы трех населенных пунктов – города-курорта Геленджик, сел Кабардинка и Дивноморское сопровождалось одновременным установлением им вида разрешенного использования, а именно жилищного строительства, в нарушение требований земельного, градостроительного законодательства, а также законодательства об охране окружающей среды и о лечебно-оздоровительных местностях и курортах. В результате оказалось нарушено право населения региона на благоприятную окружающую среду.

Суд согласился с доводами прокурора и удовлетворил заявленные требования, поскольку в ходе судебного заседания было установлено, что спорные земельные участки ранее были отнесены к категории земель сельскохозяйственного назначения. На момент изменения черты населенных пунктов они располагались в границах первого и второго округов горно-санитарной охраны курорта [14]. Соответственно, к ним применимы требования п. п.12, 13 Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения [15] о запрете проживания и осуществления всех видов хозяйственной деятельности на земельных участках первых округов, а также о запрете на территориях второй зоны размещения объектов и сооружений, которые непосредственно не связаны с созданием и развитием сферы курортного лечения и отдыха, включая прямой запрет строительства жилых домов с отсутствием подключения к централизованным системам водоснабжения и канализации.

Поскольку спорные земельные участки не были надлежащим образом исключены из созданной особо охраняемой природной территории, их включение в границы муниципальных образований и дальнейшая передача в собственность юридических лиц для осуществления застройки были расценены судом как неправомерные.

3. Влияние региональных особенностей землепользования на формирование общего земельного права

С 2007 года в России был принят ряд федеральных законов, регулирующих специальные земельные отношения и осуществление градостроительной деятельности в отдельных территориях [6; 7; 8; 9 и др.].

Рассмотрение соотношения общих норм ЗК РФ и норм земельного и градостроительного права, которые в последние годы были приняты в интересах подготовки к проведению ряда крупных спортивных и культурно-массовых мероприятий в 2014-2018 гг., а также для размещения социально-значимых объектов, предназначенных для проведения международных форумов и решения демографической проблемы Дальнего Востока в рамках программы «Дальневосточный гектар» позволяет утверждать, что последние содержат, как правило, существенно более конкретизированные нормы, используемые правоприменителями отдельных регионов [18]. Этими законами, как правило, описаны процедуры, которые могут быть оценены как упрощенные и ускоренные по сравнению с предусмотренными ЗК РФ, позволяющие предоставлять и изымать земельные участки, предназначенных для строительства определенных объектов на отдельных территориях.

Первым в данном ряду является Федеральный закон № 310-ФЗ, принятый в связи с организацией и проведением в Сочи (Краснодарский край) Олимпийских игр [6]. В его рамках законодателем была впервые весьма детально разработана и закреплена процедура изъятия для государственных нужд земельных участков на территории проведения олимпийских и паралимпийских соревнований – в г. Сочи.

Законодателем в качестве основной специфической чертой процесса развития города Сочи и прилегающих территорий определил наличие благоприятных условий для создания горноклиматического курорта – на период олимпийских соревнований и в долгосрочной перспективе.

Как справедливо отмечает Ю.А. Умеренко, в рассматриваемый Федеральный закон № 310-ФЗ был включен ряд значимых правовых новелл относительно порядка управления и распоряжения земельными участками. Эти нормы на момент принятия Закона существенно отличались от общих норм земельного и гражданского законодательства РФ по данному вопросу, что позволяет утверждать о применении особого «проектного подхода» к правовой регламентации Олимпийского проекта в целом и сопряженных с ним земельных отношений, складывающихся между собственниками участков и государством/муниципалитетами [20].

В частности, в качестве оснований для принятия решения об изъятии земельных участков законодательно был определен сложный юридический факт: наличие двух документов: утвержденных проекта планировки территории и проекта межевания территории (ч. 16 ст. 15 анализируемого Федерального закона № 310-ФЗ). Законодатель в ч. 18 и ч. 19 ст. 15 Федерального закона № 310-ФЗ предусмотрел обязательное уведомление правообладателей о принятом решении, об изъятии принадлежащих им земельных участков; также был установлен семидневный срок обнародования таких решений.

Право региональной администрации выступать без доверенности в роли заказчика кадастровых работ было закреплено в ч. 20.2 ст. 15 данного Федерального закона. Такой подход способствовал концентрации усилий и ускорению процесса подготовки документации при оформлении государственного кадастрового учета изымаемых у правообладателя земельных участков.

Ч.ч. 21 и 27 ст. 15 анализируемого Федерального закона № 310-ФЗ на администрацию Краснодарского края была возложена обязанность совместно с Государственной корпорацией по строительству олимпийских объектов заключать договоры с оценщиком для проведения оценки стоимости изымаемой недвижимости и определения размера возмещения предоставляемого взамен.

Значимость рассматриваемого Федерального закона обусловлена, как представляется, тем, что его принятие способствовало развитию субинститута изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд. Ранее порядок изъятия земельных участков был нормативно урегулирован весьма поверхностно в ГК РФ и ЗК РФ. В дальнейшем выработанный в нем порядок совершенствовался и переносился в ЗК РФ. В частности, в ЗК РФ, была включена самостоятельная глава VII.1, в которой подробно урегулирован действующий

порядок изъятия земельных участков предназначенных для удовлетворения публичных нужд. Стали приниматься и иные законы, использующие «проектный подход» к регламентации правоотношений по использованию земель.

Важно отметить, что в ч.ч. 23.2-23.4 и 29-31 ст. 15 рассматриваемого Федерального закона № 310-ФЗ был определен порядок расчета компенсации прежнему собственнику за изымаемый земельный участок, применимый в случае, когда отсутствуют правоустанавливающие документы на земельный участок, либо, когда объект недвижимости, подлежащий изъятию, принадлежит правообладателю на производном от права собственности вещном праве, а также была закреплена процедура предоставления последней категории правообладателей земельного участка взамен изымаемых.

Впоследствии аналогичные, но более общие правовые нормы, регулирующие порядок изъятия земельных участков предназначенных для удовлетворения публичных нужд. Эти правила применимы уже в отношении всех правообладателей и любых земельных участков, расположенных во всех России, были включены в п. 3 ст. 56.8 ЗК РФ и ст. 26 Федерального закона от 31.12.2014 № 499-ФЗ [3].

Еще одну важную новеллу федеральный законодатель включил в ст. 15.2 анализируемого Закона – в ней закреплены нормы, урегулировавшие порядок установления публичного сервитута. Особенно важным представляется, что были определены компетентные органы, которые вправе принять решение об установлении сервитута (ч. 14), обозначен круг возможных инициаторов принятия такого решения (ч. 15), а также названы стороны соглашения об установлении сервитута.

Итак, результатом успешного практического применения норм проанализированного Федерального закона № 310-ФЗ стала значительная модернизация ЗК РФ в период 2014-2018 гг. Нельзя не отметить, что в процессе применения анализируемого Федерального закона № 310-ФЗ он неоднократно подвергался обоснованной критике, поскольку реализация его норм на практике неоднократно сопровождалась нарушением прав и законных интересов участников земельных отношений [19], однако, по отдаленным результатам его принятие и первый опыт применения нельзя не признать в целом позитивно, поскольку многие новые институты земельного права впервые были урегулированы именно в Законе № 310-ФЗ. Он позволил существенным образом конкретизировать национальное земельное законодательство, то есть способствовал его развитию.

В то же время ряд норм, включенных в Закон № 310-ФЗ и позднее закрепленных в ЗК РФ и другие нормативные правовые акты в качестве более общего правила, отразил также и новые подходы к развитию законодательства и формированию правоприменительной практики, не могут быть оценены положительно. К примеру, вызывает определённые сомнения ставшая общим правилом возможность совершения сделок с земельными участками, которые не имеют точных границ.

Вывод: проведенный анализ земельного законодательства и правоприменительной практики конкретных регионов показывает, что региональные власти вырабатывают и реализуют земельную политику с учетом природных факторов конкретной территории, наличия земель с высокими плодородными свойствами. Так, регионами Черноземья особое внимание уделяется охране земель сельскохозяйственного назначения. Для регионов ЮФО значимы нормы законодательства о лечебно-оздоровительных местностях и курортах. Многими регионами принимаются меры по обеспечению рационального использования земель населенных пунктов.

В перспективе представляется целесообразной выработка научно обоснованной концепции дальнейшего совершенствования земельного законодательства на региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237. – первоначальный текст.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023)// Собрание законодательства Российской Федерации от 29 октября 2001 г. № 44 ст. 4147. – первоначальный текст.
3. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2014 № 499-ФЗ (с изм. и доп.)// Собрание законодательства Российской Федерации от 5 января 2015 г. № 1 (часть I) ст. 52. – первоначальный текст.
4. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3018; 2011. № 1, ст. 47. – первоначальный текст
5. О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29, ст. 3399; 2011. № 30, ч. 1, ст. 4596. – первоначальный текст
6. Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.12.2007 № 310-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 49, ст. 6071. – первоначальный текст.
7. Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран-участников форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.05.2009 № 93-ФЗ// Доступ из СПС ГАРАНТ
8. Об инновационном центре «Сколково»; от 30.11.2011 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 05.04.2013 № 43-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ// Доступ из СПС ГАРАНТ
9. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ// Доступ из СПС ГАРАНТ; и мн. др.
10. О регулировании земельных отношений на территории Воронежской области: Закон Воронежской области от 13.05.2008 № 25-ОЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Воронежской области. 2008. № 5, ст. 148. – первоначальный текст.
11. О земле: Закон Саратовской области от 21.05.2004 № 23-ЗСО (с изм. и доп.) // Саратов – столица Поволжья. 2004. 25 мая. – первоначальный текст.
12. О регулировании земельных отношений на территории Пензенской области: Закон Пензенской области от 07.04.2003 № 461-ЗПО ЗСО (с изм. и доп.) //

Пензенские губернские ведомости. 2003. № 5; 2012. № 23. С. 17. – первоначальный текст.

13. О бесплатном предоставлении отдельным категориям граждан земельных участков для индивидуального жилищного строительства на территории Ленинградской области: Закон Ленинградской области от 14.10.2008 № 105-03 (с изм. и доп.) // Вестник Правительства Ленинградской области. 2008. № 63; 2011. № 47. – первоначальный текст.

14. Об установлении границ и режима округа санитарной охраны геленджикской группы курортов (Кабардинка, Геленджик, Дивноморск, Джанхот, Прасковеевка, Криница-Бетта, Архипо-Осиповка) в Краснодарском крае: Постановление Совета Министров РСФСР от 17.12. 1987 № 494 (опубликовано не было; утратило силу) // Доступ из СПС «ГАРАНТ».

15. Об утверждении Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения: Постановление Правительства Российской Федерации от 07.12.1996 № 1425 (с изм. и доп.)// Собрание законодательства Российской Федерации от 16.12.1996 г., № 51, ст. 5798. – первоначальный текст.

16. Об утверждении Правил рационального использования земель сельскохозяйственного назначения в Воронежской области: Постановление Правительства Воронежской области от 06.05.2010 № 376 // Собрание законодательства Воронежской области. 2010. № 5, ст. 270; 2010. № 7, ст. 441. – первоначальный текст.

17. Решение Краснодарского краевого суда № 3А-781/2020 от 07.08.2020 по административному делу № 3А-781/2020// SUDACT: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/hBVOAiA4ETNC/?ysclid=ln1mh8msft162048058>

18. Землякова Г.Л. Установление особенностей регулирования земельных и градостроительных отношений на отдельных территориях России как фактор развития земельного и градостроительного законодательства/Г.Л. Землякова // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2021. – № 9. – С. 104-122.

19. Кузнецов А. А. О гражданско-правовых проблемах олимпийского Сочи // Спорт: экономика, право, управление. – 2009. – № 3. – С. 27-28.

20. Умеренко Ю. А. Некоторые проблемы применения проектного подхода при управлении и распоряжении земельными участками в связи с организацией и проведением XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи и развитием города Сочи как горноклиматического курорта // Юрист. – 2013. – № 2. – С. 23-25.

FEATURES OF THE APPLICATION OF LAND LEGISLATION IN THE TERRITORIES OF DIFFERENT REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Bessarab E.V.

This article discusses the problems of legal regulation of land relations by the subjects of the Russian Federation, the formation of regional law enforcement practice in the field of land protection and use. The comparison of federal and regional land legislation made it possible to determine the scope and systematize the powers of the subjects of the Russian Federation in the analyzed area. The analysis of judicial practice made it possible to determine the specific features of the application of land legislation in the territories of different regions of the Russian Federation.

The regions of Russia have significant specifics in relation to the categories of lands located on their territory. This circumstance cannot but influence the regional peculiarities of the formation of legal, economic, social, organizational and other conditions for the effective involvement of land plots in civil circulation and their rational use. The need to study the regional peculiarities of law enforcement in the sphere of land

turnover in different subjects of the Russian Federation determined the relevance of the chosen topic.

The purpose of the study is to form an idea about the peculiarities of the turnover of land plots in different subjects of the Russian Federation. The subject of study is land legal relations that are developing at the regional level. The novelty of the research is due to an independent analysis of legislation and law enforcement practice on the example of a particular region, identifying the features of their mutual influence, the results of which concluded that it is advisable to develop a scientifically sound concept for further improvement of land legislation.

Keywords: land legislation, protection and use of land, powers of the subjects of the Federation, regional peculiarities of the application of land legislation.

УДК 347.453

РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ПО ИНИЦИАТИВЕ АРЕНДАТОРА: ТЕОРИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Брайцева Елена Анатольевна

Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук,
Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Московская область, п. Старотеряево, Россия
SPIN – код 8401-1858

Договор аренды занимает лидирующее место среди заключаемых гражданско-правовых договоров. Его сторонами являются арендатор и арендодатель (собственник или управомоченное лицо). Каждый из контрагентов преследует свои цели, заключая договор аренды, и каждый из них заинтересован не только в беспрепятственном исполнении договора, но и в возможности в одностороннем порядке расторгнуть договор при возникшей необходимости.

Автором на основе законодательства и судебной практики проанализированы основания расторжения договора аренды по инициативе арендатора. Сделаны выводы о том, что, несмотря на законодательное закрепление, сторонам предоставлены широкие возможности в индивидуальном порядке предусмотреть иные основания и последствия расторжения договора аренды по инициативе арендатора, которыми следует пользоваться уже на стадии возникновения договорных отношений, соблюдая при этом основные принципы гражданского законодательства и не нарушая баланса интересов сторон.

Ключевые слова: аренда, арендатор, арендодатель, баланс интересов сторон, расторжение договора, препятствующие недостатки, существенные нарушения, разумный срок.

Договор аренды (или имущественного найма) является одним из наиболее популярных гражданско-правовых договоров. В результате его исполнения одна сторона – арендодатель предоставляет во владение и пользование другой – арендатору определенное имущество, за что арендатор вносит в согласованные сроки арендную плату. Имущество по своей сути является активом собственника [1, 320-324], который ему временно не нужен в использовании либо специально приобретен для сдачи в аренду. В ходе реализации договора аренды удовлетворяются потребности сторон: арендодателя в получении прибыли, арендатора во временном пользовании имуществом.

Досрочное расторжение договора может повлечь за собой причинение ущерба, арендодатель лишается того, на что рассчитывал при заключении договора, также и для арендатора могут наступить неблагоприятные последствия экономического и юридического характера. В правоприменительной практике

именно вопросы относительно расторжения договора аренды являются наиболее спорными [2, 61]. Именно поэтому разумнее сторонам их проработать еще на этапе вступления в договорные отношения.

Договор аренды может быть как срочным, так и бессрочным. Но даже заключенный на неопределенный срок договор не будет длиться вечно – непременно наступят обстоятельства, с которыми закон связывает прекращение договора, или же одна из сторон заявит о его расторжении.

Расторжение договора аренды, как и любого другого договора, возможно по соглашению. Одна из сторон проявляет инициативу, вторая соглашается. Этот случай вызывает наименьшее количество споров.

Среди оснований расторжения договора аренды следует назвать и истечение срока, на который договор был заключен.

Наибольшее разногласия вызывает расторжение договора по инициативе одной из сторон, когда интересы добросовестной стороны в значительной степени нарушаются недобросовестными действиями (либо бездействием) контрагента [3, 42].

Возможность отказа арендатора в одностороннем порядке без обращения в суд зависит от того, является ли аренда срочной или бессрочной. Если договор бессрочный, то арендатор может в любой момент отказаться от него, предупредив контрагента за один месяц (если предметом аренды выступает недвижимое имущество, то за три месяца) (п. 2 ст. 610 ГК РФ) [4]. Возможность такого отказа не требует фиксации в договоре, сам отказ осуществляется без обращения в суд, поскольку является императивным, то есть установленным в законе. От арендатора требуется уведомление арендодателя об отказе в срок, установленный гражданским законодательством, если стороны в договорном порядке не установили иные сроки. При этом арендатору следует помнить, что даже если договор фактически расторгнут, но арендованное имущество не возвращено, арендную плату вносить придется [5]. Освободиться от уплаты аренды в такой ситуации арендатор может, если докажет, что арендодатель уклонялся от приема арендованного имущества. Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2022 по делу № А40-270438/2021 указано, что арендодатель не вправе требовать арендную плату за период просрочки возврата помещения, если сам уклонялся от приемки [6].

Срочный договор аренды расторгается в судебном порядке по инициативе одной из сторон. Более подробно стоит остановиться на случаях расторжения договора аренды по инициативе арендатора, поскольку именно в данных случаях возникают наиболее острые ситуации, создается угроза нарушения баланса интересов сторон.

Основания расторжения договора аренды по инициативе арендатора, по мнению С. Н. Боткина, возможно разделить на императивные и диспозитивные [7, С. 100 – 110]. Императивные основания перечислены в части 1 ст. 620 Гражданского кодекса Российской Федерации, а часть 2 этой же статьи предоставляет сторонам право установить в договоре и иные, диспозитивные, основания расторжения договора аренды по требованию арендатора.

Законодательно установлено право арендатора требовать досрочного расторжения договора аренды в следующих случаях:

1. Арендодатель не предоставляет имущество в пользование.

Сторонами был заключен договор аренды здания. В нем устанавливалось, что датой начала срока аренды является дата подписания сторонами первого из актов приема-передачи этажа здания в аренду. В установленный временно промежуток этажи переданы не были, не были они переданы и после истечения даты приемки. Причиной явилось то, что арендодатель не подготовил помещения к передаче. Поскольку дополнительного соглашения о переносе срока приемки между сторонами заключено не было, суд расценил уклонение от подписания акта о передаче здания в аренду как отказ арендодателя от исполнения обязанности по передаче имущества [8].

2. Арендодатель хотя и предоставляет имущество в пользование, но чинит препятствия пользованию.

Данная ситуация проиллюстрирована в п. 8 Информационного письма Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 11 января 2002 года № 66 [9].

Между сторонами был заключен договор аренды вертолета. Несмотря на то, что вертолет был передан, арендатор не использовал его и фактически не мог использовать, поскольку арендодатель не передал свидетельства о регистрации и сертификаты летной годности, без наличия которых в соответствии со ст. 33, 36 Воздушного кодекса Российской Федерации эксплуатация воздушного судна не допускается [10].

Несмотря на неоднократные обращения арендатора, необходимые документы так и не были предоставлены, что суд расценил как неисполнение арендодателем надлежащим образом своих обязанностей и признал требование арендатора о расторжении договора аренды обоснованным.

2. Переданное арендатору имущество имеет препятствующие пользованию им недостатки, которые не были оговорены арендодателем при заключении договора, не были заранее известны арендатору и не должны были быть обнаружены арендатором во время осмотра имущества или проверки его исправности при заключении договора.

Препятствующими недостатками могут быть передача физически непригодного имущества [11].

При этом следует обратить внимание на то, что в качестве недостатков может признаваться не только физическое состояние объектов, переданных в аренду, но и юридический статус, который не позволяет полноценно использовать данное имущество. Так, определением Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2018 г. по делу № А40-129563/2015 установлено, что земельные участки, предоставленные под объекты капитального строительства (автомойку и комплекс), невозможно использовать в указанных в договоре целях, поскольку они расположены вблизи зоны ЛЭП и могут предоставляться только в краткосрочную аренду, тогда как объекты капитального строительства автосервиса могут возводиться только на земельных участках, предназначенных для долгосрочной аренды [12].

Следует помнить, что устранение арендодателем в разумный срок недостатков имущества лишает арендатора права на досрочное расторжение договора [13].

3. Арендодатель не осуществляет капитальный ремонт, который является его обязанностью.

В данной ситуации важно не только отсутствие капитального ремонта, но и его не проведение в сроки, установленные договором. Если такие сроки в договоре аренды не зафиксированы, то необходимо ориентироваться на разумные сроки.

4. Имущество оказалось непригодным для использования не по вине арендатора.

Так, арендатор не мог использовать нежилое помещение, сданное в аренду, так как эксплуатация здания торгового центра, в котором оно находилось, была приостановлена из-за выявления экспертизой дефектов, угрожающих безопасности здания, и на дату обращения арендатора с иском в суд не возобновлена [14].

По данному основанию также целесообразно рекомендовать арендаторам заранее, при заключении договора, согласовать условие о том, что в случае невозможности использования объекта аренды по вине арендодателя, третьих лиц или по независящим от сторон обстоятельствам, арендная плата не вносится.

Таким образом, императивные основания расторжения договора связаны с существенным претерпеванием арендатором неудобств, нарушением его прав и требуют обращения в суд. Досудебного урегулирования спора, как при расторжении договора по инициативе арендодателя, в данном случае не требуется.

Диспозитивные основания расторжения договора аренды по инициативе арендатора могут быть включены по инициативе сторон и не связаны с нарушением

договора арендодателем (например, утрата арендатором необходимости в аренде объекта, изменение конъюнктуры рынка и т.д.).

При рассмотрении оснований расторжения договора аренды по инициативе арендатора зачастую используются оценочные категории – «разумный срок», «существенное нарушение».

П. 2 ст. 314 ГК РФ дает пример разумного срока – семь дней, в то же время в случае, если стороны договора не согласовали срок исполнения, его определение отдается на усмотрение суда. Анализ судебной практики показывает, что суды определяют разумный срок исходя из существа отношений между сторонами, существа обязательств и других критериев. Наряду с законодательно рекомендуемым семидневным разумным сроком существует огромное количество вариантов судебного усмотрения. Так, постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.04.2019 № 09АП-10461/2019-ГК по делу № А40-78843/18 для такой разновидности договора аренды как лизинг разумным признан срок в 615 дней [15].

Договор аренды в российском гражданском праве – один из договоров, в котором права и обязанности сторон сформулированы наиболее диспозитивно, поэтому необходимо анализировать судебную практику, исследовать обстоятельства спора, и уже при заключении договора учитывать эти особенности, что позволит снизить вероятность и частоту споров.

Необходимость расторжения договора по инициативе арендодателя с точки зрения законодателя и судебной практики является крайней мерой и связана с существенными нарушениями прав арендатора, которые следует еще доказать. Поэтому при включении в договор инициативных, диспозитивных оснований расторжения договора аренды следует помнить, что волей сторон можно согласовать основания, не связанные с существенными нарушениями договора арендодателем.

Учитывая эти особенности, следует рекомендовать сторонам, заключающим договор аренды, детально формулировать не только дополнительные основания расторжения договора, но и четко прописывать сроки исполнения обязательств, в частности проведения капитального ремонта, в особенности возложенного на арендатора, и последствия их нарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач В. В. Проблемы и решения в договорах аренды: вопросы расторжения и исполнения // Молодой ученый. – 2023. – № 18 (465). – С. 320-324.
2. Шварц Э. А. Особенности расторжения договора аренды // Вестник магистратуры. – 2022. – № 11-2 (134). – С. 61.
3. Брайцева Е. А., Шабанов В. В. Общие положения о гражданско-правовом договоре. – Учебное пособие. – Старотеряево. – 2024. – С. 42.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС Консультант плюс. Дата обращения 19.03.2025.
5. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 № 88-3525/2022 по делу № 2-53/2020 // СПС Консультант плюс. Дата обращения 20.03.2025.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2022 по делу № Ф05-29475/2022 по делу № А40-270438/2021 // СПС Консультант плюс. Дата обращения 20.03.2025.
7. Боткин С.Н. Досрочное расторжение договора аренды: анализ споров в судах, сложные случаи // Жилищное право. – 2021. – № 5. – С. 99 – 112.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.06.2021 № Ф05-10901/2021 по делу № А41-76941/2020 // СПС Консультант плюс. Дата обращения 20.03.2025.
9. Информационное письмо Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 11 января 2002 года № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // СПС Консультант плюс. Дата обращения 23.03.2025.

10. Воздушный кодекс Российской Федерации // СПС Консультант плюс. Дата обращения 20.03.2025.

11. Кугушева М.В. Специальные основания досрочного расторжения договора аренды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – Том 12-4 (39). – С. 79.

12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2018 г. по делу № А40-129563/2015 // <https://sudact.ru/vsrf/doc/W5KSXZDldzLh/> Дата обращения 18.03.2025.

13. Постановление Федерального Арбитражного Суда Московского округа от 23.09.2009 № КГ-А40/9494-09-П // СПС Консультант плюс. Дата обращения 20.03.2025.

14. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.05.2020 №№ Ф04-1261/2020 по делу А27-16420/2019 // СПС Консультант плюс. Дата обращения 20.03.2025.

15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.04.2019 №№ 09АП-10461/2019 по делу А40-78843/2018 // СПС Консультант плюс. Дата обращения 19.03.2025.

TERMINATION OF THE LEASE AGREEMENT ON THE INITIATIVE OF THE TENANT: THEORY AND JUDICIAL PRACTICE

Braitseva E.A.

The lease agreement occupies a leading place among the concluded civil law contracts. Its parties are the tenant and the landlord (the owner or an authorized person). Each of the counterparties pursues its own goals by concluding a lease agreement, and each of them is interested not only in trouble-free execution of the contract, but also in the possibility of unilaterally terminating the contract if necessary. On the basis of legislation and judicial practice, the author analyzes the grounds for termination of the lease agreement at the initiative of the tenant. The conclusions are drawn that, despite the legislative consolidation, the parties are provided with ample opportunities to individually consider other grounds and consequences of termination of the lease agreement at the initiative of the lessee, which should be used already at the stage of contractual relations, while respecting the basic principles of civil law and not violating the balance of interests of the parties.

Keywords: lease, tenant, landlord, balance of interests of the parties, termination of the contract, obstructive deficiencies, significant violations, reasonable time.

УДК 34

К ВОПРОСУ О «ЦИФРОВОМ ЩИТЕ» ДЛЯ ОНЛАЙН-ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Бурнос Екатерина Николаевна

Кандидат юридических наук, партнер-учредитель общества с ограниченной ответственностью «Векави Групп»,
г. Краснодар, Россия

Ошуева Виктория Владимировна

Магистр юриспруденции, партнер-учредитель общества с ограниченной ответственностью «Векави Групп»,
г. Краснодар, Россия

В статье приводится динамика развития российского онлайн-рынка товаров и услуг, включая легковое такси. Результаты исследования подчеркивают, что отсутствие должного регулирования и стандартизации в отношении пользовательских соглашений и оферт, ставит потребителей в уязвимое положение. Авторы акцентируют внимание на том, что условия, предлагаемые агрегаторами и цифровыми платформами, часто ущемляют права потребителей, так как они вынуждены принимать их без возможности изменения. В результате, это создает неравные условия для всех участников рынка и увеличивает риски для потребителей. В статье анализируются последние изменения в законодательстве о защите прав потребителей и сфере перевозок легковым такси, которые, однако не разрешают имеющиеся проблемы использовании практик злоупотреблений со стороны агрегаторов. Контекстуально, текст вписывается в более широкий диалог о необходимости стремительного адаптирования законодательства под быстро развивающуюся цифровую экономику. Приводится пример зарубежного законодательства, которое демонстрирует возможные механизмы обеспечения дополнительной защиты прав онлайн-потребителей. Авторы аргументируют необходимость более строгого контроля за цифровыми платформами и агрегаторами, а также предлагают рекомендации по созданию «цифрового щита» для онлайн-потребителей.

Ключевые слова: защита прав потребителей, цифровая платформа, агрегатор, оферта, недопустимые условия договора, злоупотребление.

В последние годы отечественный рынок онлайн-продаж демонстрирует устойчивый рост. На это указывают результаты исследования о развитии российских маркетплейсов в 2024 году, проведенные Т-Бизнес в рамках аналитического проекта T-Data. В качестве ключевого показателя анализа выступили изменения количества покупок, динамики среднего чека и активности на популярных торговых площадках – Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет, Магнит Маркет, Мегамаркет и AliExpress, которые позволили выявить важные тенденции: прирост оборота универсальных маркетплейсов снизился до 41% по сравнению с показателем предыдущего года – 47%; число транзакций на ведущих площадках увеличилось на 20%, однако это меньше роста в 63%, зафиксированного в 2023 году; средний чек покупателей вырос на 18%, составив 2116 рублей; активность

пользователей из регионов продолжает играть ключевую роль: темпы роста числа транзакций за пределами Москвы и Санкт-Петербурга опережают столичный регион [11].

Также отмечается, что в 2024 году российские маркетплейсы продолжали наращивать обороты в сфере онлайн-торговли. Общий объем расходов вырос на 41%, тогда как количество транзакций увеличилось на 20%. Для сравнения, в предыдущем году аналогичные показатели составили 47% и 63% соответственно.

Наибольшей популярностью пользуется площадка Wildberries, которая занимает лидирующие позиции с долей рынка в 56%. Второе место уверенно держит Ozon с показателем в 28%, а замыкает тройку лидеров Яндекс Маркет, контролирующий 13% рынка.

Цифровизация затронула не только торговлю, но и рынок услуг, в том числе транспортных, где активную роль уже много лет играют агрегаторы. Так, число активных пользователей сервиса «Яндекс Go» в IV квартале 2024 года составило 53,2 млн. Выручка сегмента такси, каршеринга и аренды самокатов «Яндекса» по МСФО в 2024 году выросла на 37% по сравнению с 2023 годом – до 227,9 млрд рублей [3].

Цифровые платформы, маркетплейсы и агрегаторы устанавливают собственные условия доступа к своим сервисам в форме оферт, пользовательских и иных соглашений, требования к содержанию которых на законодательном уровне в России не регулируются. Это создает риски для участников рынка, так как отсутствие стандартизированных норм может вести к разным трактовкам условий сотрудничества, неравному положению сторон и возможным злоупотреблениям. Потребители также оказываются в уязвимом положении, принимая навязанные цифровыми платформами, маркетплейсами и агрегаторами условия, не имея, несмотря на свободу договора, фактической возможности их изменить. Отсутствие регулирования может приводить к нарушениям потребительских прав, созданию несправедливого положения и недостаточной прозрачности механизмов разрешения споров.

С 1 января 2019 года в Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП) был введен новый участник правоотношений – «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)», а с 5 мая 2020 года – была добавлена норма, позволяющая Правительству РФ разрабатывать обязательные правила для потребителей и владельцев агрегаторов при заключении и выполнении публичных договоров, включая розничную куплю-продажу и оказание услуг [28].

Законом о ЗПП владелец агрегатора рассматривается как «информационная площадка» – посредник, акцент делается на ответственность владельца агрегатора перед потребителем за достоверность информации о фактическом продавце (исполнителе) причем с существенными ограничениями (ч. 2.1 ст. 12 Закона о ЗПП) [17; 18]. Однако следует учитывать, что за последние годы владельцы агрегатора значительно изменили свой статус, усилив его и став фактически главным участником интернет-торговли, устанавливающим «правила игры», как для продавцов (исполнителей), так и онлайн-потребителей.

Несмотря на внесение изменений в законодательство, ни Закон о ЗПП, ни новые Единые правила в области защиты прав потребителей (далее – Единые правила ЗПП) не предусматривают обязательного принятия и размещения типовых условий оферт, пользовательского или иного соглашения потребителя с агрегатором (цифровой платформой, маркетплейсом), не содержат требований к таким офертам (соглашениям), а также ограничений количества (периодичности) их изменений (обновлений редакций), чем, несомненно, воспользовались владельцы агрегаторов при разработке своих документов, содержащих, зачастую, условия только в своих интересах.

Согласно ст. 16 Закона о ЗПП любые условия договора, которые ущемляют права потребителя, признаются недействительными. Такие условия считаются ничтожными, если они противоречат международным договорам Российской

Федерации, самому Закону о ЗПП или другим нормативным актам, принятым в соответствии с ним. Аналогичные положения содержатся в ст. 13 Единых правил ЗПП.

Также в Законе о ЗПП и Единых правилах ЗПП содержится особое требование для владельцев агрегаторов: если иное не предусмотрено условиями пользовательского или иного соглашения потребителя с владельцем агрегатора, уведомление продавцу (исполнителю) об отказе от исполнения договора купли-продажи (договора возмездного оказания услуг) может быть направлено владельцу агрегатора, который обязан направить его продавцу (исполнителю) [8, ст. ст. 9, 13].

Разъяснения, размещённые 15 января 2025 года на официальном сайте Роспотребнадзора [7], указывают на то, что Единые правила ЗПП направлены на регулирование взаимодействия между потребителями. Утверждается, что Единые правила ЗПП способствуют улучшению условий предоставления услуг и товаров, включая функционирование интернет-платформ и маркетплейсов, а также повысят уровень защиты прав потребителей от недобросовестных действий различных продавцов (исполнителей), включая физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но предоставляющих услуги или выполняющих работы для потребителей («самозанятых» граждан).

Однако следует отметить, что Закон о ЗПП и Единые правила ЗПП не предусматривают обязательной правовой экспертизы оферт (пользовательских соглашений) владельцев агрегаторов на предмет соответствия законодательству о защите прав потребителей. В результате чего, пользователи цифровых платформ, как слабая сторона данных отношений, вынуждены соглашаться со всеми предложенными стандартными условиями, в том числе формально противоречащими законодательству, а также нарушающими принципы разумности и добросовестности.

В целях пресечения недобросовестных практик, формирования открытых недискриминационных условий ведения бизнеса и защиты конкуренции на базе Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – ФАС России) создан экспертный совет [30] ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий (далее – Экспертный совет при ФАС России).

В конце 2021 года на площадке Экспертного совета при ФАС России были впервые разработаны и утверждены Принципы взаимодействия участников цифровых рынков (далее – Принципы), согласно которым цифровые платформы обязаны действовать на основе принципов разумности, добросовестности и в пределах законодательства РФ и международных договоров. Этот документ направлен на создание института саморегулирования, предотвращающего недобросовестные практики в отношении потребителей, конкурентов и других лиц.

В качестве основных принципов выступают, в частности, следующие положения: цифровые платформы не должны необоснованно ограничивать доступ к информации, права пользователей или определять их поведение; участники согласились с необходимостью установления единых и справедливых правил, обеспечивающих качественное обслуживание и безопасность сервера; платформы обязуются публиковать ясные и прозрачные правила работы, включая порядок ранжирования, а также гарантировать равное отношение ко всем участникам; правила пользования платформой не должны накладывать неоправданные ограничения на пользователей, включая способы информирования клиентов, распространение информации и рекламу, а также самостоятельное определение условий покупки товаров и услуг; любые изменения в правилах должны быть доведены до пользователей заранее и с достаточной информацией для принятия последними обоснованных решений. В документе также указано, что «все осознают, что нарушение настоящих принципов может содержать признаки нарушения антимонопольного законодательства либо иного применимого законодательства» [21].

Отметим, что меморандум о присоединении к Принципам 17 февраля 2022 года подписали руководитель ФАС России и представители компаний ПАО

«Сбербанк», ООО «Алибаба.Ком (РУ)» (Алиэкспресс Россия), ООО «КЕХ еКоммерц» (Авито), Группа компаний «Яндекс», ООО «Интернет Решения (Озон), ООО «Купишуз» (Ламода), ООО «Компания ВК» (Вконтакте), ООО «Вайлдберриз», ООО «1С», ООО «Айриэлтор» (ЦИАН), Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ), НП «РАССОФТ» [27].

21 апреля 2023 года Экспертный совет при ФАС России решил, что операторы цифровых платформ, присоединившиеся к Принципам, обязаны заблаговременно уведомлять пользователей о значимых изменениях в правилах пользования платформой, предоставляя достаточно времени для ознакомления и принятия решений. Изменения должны соответствовать Принципам и создавать предсказуемые условия для работы платформы и пользователей. При этом установлено, что в случае систематического нарушения Принципов возможно введение государственного регулирования определенных областей деятельности цифровых платформ [22].

Несмотря на принятие прорывных Принципов и присоединения к ним самых крупных владельцев агрегаторов, проблемы для решения которых были приняты Принципы до настоящего времени не решены.

Вышеуказанное саморегулирование охватывает и сервис «Яндекс.GO» (агрегатор такси – ООО «Яндекс.Такси»), с которым у пользователей на практике возникают многочисленные сложности.

Так, например, предметом активного общественного обсуждения стала проблема блокировки пассажиров и водителей такси данного агрегатора, по которым также неоднократно поступали обращения в ФАС России.

В 2024 году начальник Управления регулирования связи и информационных технологий ФАС России Е.А. Заева отмечала, что служба в 2023 году получила более 300 жалоб на ООО «Яндекс.Такси», как от пассажиров, так и от водителей. В качестве основной причины жалоб она выделила стоимость поездок и меры, применяемые агрегатором в связи с блокировками [12]. При этом ООО «Яндекс.Такси» признавал указанные действия, как в отношении пассажиров, так и в отношении перевозчиков и водителей такси, поскольку право на эти действия предусмотрено офертой сервиса «Яндекс.GO».

Вместе с тем, эксперты – А. Максимов и С. Трифонов, высказались об изменении механизма блокирования недобросовестных водителей в сервисе «Яндекс.Такси», и указали, что агрегатором анонсирована отмена функции «пожизненной блокировки» [19]. И, действительно, в январе 2024 года в сервисные условия «Яндекс.Такси» («Яндекс.GO») были внесены существенные дополнения, предусматривающие временные ограничения доступа к сервису.

Условия прекращения удаленного доступа перевозчика к сервису продолжают действовать в редакции от 31.01.2025 года Договора на предоставление удаленного доступа к сервису «Яндекс.Такси» (пункт 3.4.21) [6]. В частности, это касается фактов нарушения условий договора; неоднократные жалобы потребителя; превышение тарифов; недобросовестное исполнение запросов Сервиса; предоставление ложных сведения о местоположении такси, статусе водителей, отмененных заказах и причинах отмены; передача контактных данных пользователей третьим лицам либо использование их для спама или рекламы; любые другие недобросовестные поступки партнеров или водителей, приводящие к убыткам Яндекса; жалобы на неприемлемое поведение представителей партнера по отношению к пользователям или сотрудникам Яндекса; несоблюдение водителем законодательства о перевозках пассажиров и багажа легковыми такси и др.

Интересно, что по состоянию на 13 марта 2025 года, в разделе 1.9. Условий использования сервиса Yandex.Taxi (далее – Условия) [26] отсутствуют основания для постоянного ограничения предоставления Сервиса в отношении Пользователя. Пункты 1.9.1-1.9.10 Условий определяют основные случаи временной блокировки потребителей услуг, в которые входят: частая отмена заказов; неоплата поездок; нецелевые заказы (заказы для получения бонусов); фиктивные заказы; техническое вмешательство в работу Сервиса; применение насилия или угрозы против

водителя; преследование водителя или угрозы по отношению к нему; нежелательные действия сексуального характера в отношении водителя; оскорбления или угрозы водителям и др.

Данными изменениями агрегатор фактически исполнил рекомендации Экспертного совета при ФАС России, сформированные в рамках крайнего заседания от 16 октября 2023 года по вопросу № 3 «Соразмерность санкций, накладываемых ООО «Яндекс.Такси» на водителей и пассажиров, за различные нарушения условий договора (оферты)» [23], в рамках добровольного саморегулирования.

Однако и к новой редакции Условий есть вопросы, в частности, отсутствие порядка подтверждения агрегатором соответствующих нарушений Условий пользователями и реальной возможности оспорить решение о блокировке.

Данная проблема рассматривалась Арбитражным судом города Москвы в деле № А40-175036/2023 [5], движение по которому освещалось в средствах массовой информации [2; 10; 13; 14; 24; 25] и получило общественный резонанс.

В указанном деле арбитражный суд, отказывая в иске предпринимателю, чей таксопарк и водители были заблокированы агрегатором из-за нарушения условий Сервиса, обратил внимание на то, что ООО «Яндекс.Такси», как правообладатель исключительного права на программу для ЭВМ самостоятельно определяет функционал своего продукта. Сервис предоставляется на условиях «as is» («как есть») [20], который подразумевает, что лицензиар предоставляет лицензиату программу для ЭВМ «как есть», то есть лицензиар не предоставляет никаких гарантий лицензиату относительно того, что функционал программы и ее отдельных компонентов будут предоставляться непрерывно, надежно и без ошибок, а также что получаемые в результате их использования продукты, услуги, информация, данные, показатели и иные результаты будут соответствовать требованиям и ожиданиям лицензиата. Какое-либо нормативное закрепление оговорки «как есть» отсутствует. Их применение квалифицируется судами, как допустимое в порядке п. 1 ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в качестве обычая делового оборота.

Следовательно, условие «как есть» было применено судом к оферте (условиям доступа к сервису) ООО «Яндекс.Такси». Правовым последствием этого для потребителей является то, что пользователь либо принимает в целом условия оферты ООО «Яндекс.Такси» и пользуется его сервисом по заказу легкового такси либо, не принимая условия оферты, не получает доступ к сервису. При этом важно понимать, что далеко не все условия оферты агрегаторов в сфере пассажирских перевозок такси соответствуют действующему законодательству, условия сервисов позволяют агрегатору в одностороннем порядке блокировать пользователей, включая потребителей.

В свою очередь, нельзя забывать, что отказ лица, обязанного заключить публичный договор, от его заключения при наличии возможности предоставить потребителю товары, услуги, выполнить работы не допускается (п. 3 ст. 426 ГК РФ), односторонний отказ от исполнения публичного договора, связанный с нарушением со стороны потребителя, допускается, если право на такой отказ предусмотрено законом для договоров данного вида [16, П. 12].

Из проведенного исследования усматривается, что проблема наличия недопустимых условий, ущемляющих права потребителя, находится в прямой взаимосвязи с неурегулированием вопроса о правилах работы агрегаторов, в частности в сфере легкового такси, и условиях утверждаемых ими оферт.

С 1 сентября 2023 года вступил в силу Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №580-ФЗ), регулирующий деятельность служб заказа легкового такси. Согласно ст. 19 указанного закона, такие службы обязаны размещать на своём сайте информацию, включая типовой договор службы заказа легкового такси с перевозчиком (п. 10 ч. 1

ст. 19). Также установлено, что служба заказа легкового такси при осуществлении своей деятельности обязана: направлять в уполномоченный орган уведомление о расторжении с физическим лицом договора службы заказа легкового такси с перевозчиком (п. 14 ч. 3 ст. 19).

Однако требования к наличию и размещению на сайте службы заказа типового договора с пассажирами, а также право службы заказа «блокировать пассажиров», в данном законе отсутствуют.

В рамках проводимого анализа считаем необходимым также уделить внимание и проблеме включения агрегаторами в оферту заведомо недопустимых условий, в том числе вводящих потребителя в заблуждение о том, что агрегатор не несет какой-либо ответственности перед пользователями. Так, в п. 2.3. Условий указано, что «Яндекс.Такси» не несет ответственности за финансовые и любые другие операции, совершаемые Пользователем и Службами Такси, а также за любые последствия приобретения Пользователем услуг Служб Такси» [26]. Вместе с тем ссылка на данный пункт со стороны агрегатора не будет являться правовым обоснованием для снятия с владельца агрегатора ответственности, так как в данном случае указанное условие в силу положений статьи 16 Закона о ЗПП является недопустимым условием договора, ущемляющим права потребителя.

Фактически между пассажиром и ООО «Яндекс.Такси» при акцепте оферты заключается договор на перевозку пассажиров (Апелляционное определение Московского городского суда от 18.02.2025 г. по делу № 33-1560/2025) и, если услуга по нему была оказана не надлежащим образом, агрегатор несет ответственность на основании, в том числе ст. 29 «Ответственность перевозчиков, служб заказа легкового такси, сторон договора об обеспечении осуществления деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси» Федерального закона №580-ФЗ.

Напомним, что ч. 2 ст. 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в отношении бизнеса предусмотрена административная ответственность за включение в договор условий, ущемляющих права потребителей.

В настоящее время крайне остро обозначилась проблема отсутствия должного контроля за условиями оферт, пользовательских или иных соглашений потребителей с владельцами агрегаторов.

Также это касается и регулирования частоты утверждения агрегаторами оферт (соглашений), ведь за месяц в документ непредсказуемо и неоднократно могут быть внесены изменения (так, например, с марта по октябрь 2024 года Условия «Яндекс.Такси» были представлены в десяти редакциях), что ставит потребителя в необходимость самостоятельного отслеживания актуальных текстов оферты, является явным нарушением баланса интересов сторон и Принципов, к которым присоединился указанный агрегатор.

В рамках исследуемой проблематики интересным представляется опыт Вьетнама, где 1 июля 2024 года вступил в силу новый Закон о защите прав потребителей №19/2023/QН15 (далее – ЗПП-2023).

В соответствии со статьей 28 «Контроль за типовыми договорами и общими условиями торговли» ЗПП-2023 в случае, если продукция, товары или услуги регулярно и непрерывно продаются или поставляются большому числу потребителей, тем самым оказывая прямое и долгосрочное воздействие на потребителей, перед заключением договоров с потребителями продавец обязан зарегистрировать свои типовые договоры или общие условия торговли в органе по защите прав потребителей.

В зависимости от социально-экономических условий и требований защиты прав потребителей Премьер-министр время от времени обнародует или вносит изменения в Перечень продукции, товаров и услуг, для которых требуется регистрация типовых договоров и общих условий торговли, предусмотренных настоящей статьей [9, ч. 1].

Каждый орган по защите прав потребителей участвует в защите прав потребителей сам или по требованию любой потребительской или общественной

организации в случае, если он уполномочен потребителем потребовать от продавца расторгнуть или изменить типовой договор или общие условия торговли, если будет установлено, что такой типовой договор или общие условия торговли нарушают права потребителя [9, ч. 2].

Определение правовых последствий расторжения или изменения типового договора или общих условий торговли по конкретным сделкам, заключенным с потребителями, осуществляется в соответствии с нормами гражданского законодательства [9, ч. 3]. Орган управления отраслью и сектором в пределах своей компетенции сотрудничает с органом по защите прав потребителей в вопросах контроля за типовыми договорами, общими условиями торговли, предусмотренными настоящей статьей [9, ч. 4].

В свою очередь, 20 февраля 2025 года в соответствии с поручением премьер-министра, Минэкономразвития России внесло проект федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» в Правительство РФ. Законопроект направлен на создание правовых основ платформенной экономики, регулирование отношений между операторами платформ, их партнерами и пользователями [15].

По мнению заместителя председателя – руководителя аппарата Правительства Д. Григоренко, специальное регулирование деятельности цифровых платформ призвано защитить потребителей от покупки несертифицированных и опасных для здоровья товаров, создать удобные сервисы, обеспечить предсказуемость взаимодействия граждан и бизнеса с цифровыми платформами, что крайне важно для формирования комфортной деловой среды и дальнейшего развития потенциала платформенной экономики.

Как отметил министр экономического развития России М. Решетников, отношения посредников с их партнерами и пользователями имеют свою специфику. При этом многие неурегулированные вопросы до сих пор отрасль пыталась решить самостоятельно, что создавало дисбаланс в интересах участников новых отношений, поэтому законопроект отвечает на самые острые запросы бизнеса, призван обеспечить в первую очередь предсказуемость ведения предпринимательской деятельности» [16].

Анализ текста законопроекта позволяет утверждать, что, несмотря на новое специальное регулирование деятельности цифровых платформ, в законопроекте отсутствуют положения о «правилах игры» цифровой платформы с потребителем, которые должны защитить потребителя от злоупотреблений и недобросовестного поведения цифровой платформы.

Полагаем, что в целях создания «цифрового щита» для защиты онлайн-потребителей необходимо воспользоваться опытом других стран, внести изменения в Закон о ЗПП, предусмотрев обязанность владельцев агрегаторов регистрировать в Роспотребнадзоре типовые условия оферты, пользовательского или иного соглашения потребителя с владельцем агрегатора, ограничить количество (периодичность) их изменений (обновлений редакций) и предусмотреть период для вступления их в силу, предоставив Роспотребнадзору дополнительные полномочия по контролю за соблюдением вышеуказанных требований.

Также предлагаем о необходимости рассмотреть возможность разработки на базе Роспотребнадзора рекомендованного содержания оферт, применяемых в деятельности агрегаторами в виде шаблона и разъяснений-рекомендаций к ним для минимизации количества фактов включения условий, явно нарушающих права онлайн-потребителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнос Е.Н., Ошуева В.В. О новых правилах защиты прав потребителей Союзного государства: сравнительно-правовой анализ // Право и практика. – №1. – 2025. – С. 238-245.
2. Вам шашечки // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6621563> (дата обращения: 20.01.2025).

3. Выручка сегмента такси и самокатов «Яндекса» выросла на 37% в 2024 году // URL: <https://tass.ru/ekonomika/23194545> (дата обращения: 20.02.2025).
4. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» (принят в г. Минске 06.12.2024) // Официальный сайт Союзного государства <https://посткомср.рф/>, 18.12.2024.
5. Дело № А40-175036/2023 по иску ИП Шапрана А.А. к ООО «Яндекс.Такси» о признании действий ответчика недобросовестными, злоупотреблении условиями договора, восстановлении договорных отношений и внесении изменений в условия договора // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f2a32c17-a10d-44f1-845b-21b40626f010> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Договор на предоставление удаленного доступа к сервису Яндекс.Такси // URL: https://yandex.ru/legal/taxi_offer/index.html#index__3 (дата обращения: 16.03.2025).
7. Единые правила в области защиты прав потребителей // URL: <https://zpp.rosпотребнадзор.ru/news/regional/523775> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета, 7 апреля, 1992.
9. Закон о защите прав потребителей №19/2023/QH15 // URL: <https://lawnet.vn/en/vb/Law19-2023-QH15-Protection-of-Consumers-Rights-8C4CD.html> (дата обращения: 20.02.2025).
10. Иск кубанского перевозчика спровоцировал инициативу о введении госрегулирования «Яндекс.Такси» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6524660> (дата обращения: 20.01.2025).
11. Итоги года на маркетплейсах: регионы – ключевой драйвер роста онлайн-торговли // URL: <https://www.tbank.ru/about/news/26022025-marketplaces-year-in-review-regions-are-key-drivers-of-e-commerce-growth/> (дата обращения: 09.03.2025).
12. Интервью Е. Заевой журналу «Конкуренция и право» // URL: <https://fas.gov.ru/p/contents/2686> (дата обращения: 20.01.2025).
13. Кубанский перевозчик лишился партнерства с «Яндекс GO» из-за невежливого общения // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6920446> (дата обращения: 20.01.2025).
14. Культурнее – и точка // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6790788> (дата обращения: 20.01.2025).
15. Минэкономразвития внесло законопроект «О платформенной экономике» в Правительство РФ // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_vneslo_zakonoproekt_o_platfornennoy_ekonomike_v_pravitelstvo_rf.html (дата обращения: 20.02.2025).
16. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.10.2021) // «Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. 2021.
17. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2025 года по делу № 88-2419/2025. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 октября 2024 года по делу № 88-27379/2024. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Пассажирам такси подкрутят блокировку» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282389> (дата обращения: 20.01.2025).
20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 сентября 2024 года № 09АП-42098/2024 по делу № А40-175036/2023. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Принципы взаимодействия участников цифровых рынков // URL: <https://fas.gov.ru/p/protocols/1666>. Дата обращения: 20.01.2025.

22. Протокол заседания Экспертного совета при Федеральной антимонопольной службе по развитию конкуренции в области информационных технологий от 21 апреля 2023 года // URL: <https://fas.gov.ru/p/protocols/1744> (дата обращения: 20.01.2025).

23. Протокол заседания экспертного совета по развитию конкуренции в области информационных технологий от 16 октября 2023 года // URL: <https://fas.gov.ru/p/protocols/1776> (дата обращения: 20.01.2025).

24. Спор кубанского перевозчика с агрегатором породил инициативу поправок в закон о такси // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6532013> (дата обращения: 20.01.2025).

25. Таксисты не вывозят «Яндекс // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6522707> (дата обращения: 20.01.2025).

26. Условия использования сервиса Yandex.Taxi (Яндекс Go) // URL: https://yandex.com/legal/yandexgo_termsofuse/#index__russia_ru (дата обращения: 16.03.2025).

27. ФАС и крупнейшие ИТ-компании подписали принципы взаимодействия участников цифровых рынков // URL: <https://fas.gov.ru/news/31803> (дата обращения: 20.01.2025).

28. Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 144-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // СЗ РФ, 2020, № 17, Ст. 2722.

29. Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ, 2023, № 1 (часть I), Ст. 27.

30. Экспертный совет по развитию конкуренции в области информационных технологий // URL: <https://fas.gov.ru/councils/ekspertnyij-sovet-po-razvitiyu-konkurenczii-v-oblasti-informacionnyix-texnologij> (дата обращения: 20.01.2025).

ON THE ISSUE OF A «DIGITAL SHIELD» FOR ONLINE CONSUMERS

Burnos E.N., Oshueva V.V.

The article presents the dynamics of the development of the Russian online market of goods and services, including passenger taxis. The results of the study emphasize that the lack of proper regulation and standardization regarding user agreements and offers puts consumers in a vulnerable position. The authors emphasize that the terms offered by aggregators and digital platforms often infringe on the rights of consumers, as they are forced to accept them without the possibility of change. As a result, this creates unequal conditions for all market participants and increases risks for consumers. The article analyzes the latest changes in legislation on consumer protection and the sphere of passenger taxi transportation, which, however, do not solve the existing problems of using abusive practices on the part of aggregators. Contextually, the text fits into a broader dialogue about the need to rapidly adapt legislation to the rapidly developing digital economy. An example of foreign legislation is given, which demonstrates possible mechanisms for providing additional protection of the rights of online consumers. The authors argue for the need for stricter control over digital platforms and aggregators, and also offer recommendations for creating a "digital shield" for online consumers.

Keywords: consumer protection, digital platform, aggregator, offer, unacceptable contract terms, abuse.

УДК 340:340.143:004.8

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Гужвина Оксана Петровна

Преподаватель,

Донской государственный технический университет, юридический факультет, кафедра процессуальное право,

г. Ростов-на-Дону, Россия

Поскольку технологии продолжают активно использоваться во всех сферах нашей жизни, закон не должен отставать от этих изменений и разработок. Закон должен регулировать не только человеческие отношения, но и жизненные потребности, и в этом случае он должен быть вовлечен в быстрый процесс адаптации. Чтобы обеспечить это, все заинтересованные стороны должны внимательно следить за развитием событий и готовиться к завтрашнему дню не только с учетом сегодняшнего дня, но и с целостной точки зрения, с упреждающим подходом. В представленной научной работе исследуется актуальная на сегодняшний день тематика в регулировании ключевых аспектов правового обеспечения существования искусственного интеллекта. Многие идеи выдвигаются с точки зрения правовой позиции искусственного интеллекта, которая возникла из-за этой потребности на сегодняшний день, является предметом дискуссий в рамках частноправового поля, что собственно и рассматривается в рамках данной научной работы. Автором рассмотрены теоретические основы роли и значимости искусственного интеллекта в правовой и социально-экономической составляющей жизнедеятельности общества, также проанализированы актуальные проблемы в плоскости пересечения права и социально-этических аспектов существования искусственного интеллекта. По результатам исследования автором представлены возможности использования искусственного интеллекта при обработке данных в частноправовом аспекте.

Ключевые слова: юриспруденция, частноправовое поле, искусственный интеллект, закон, цифровые технологии, право, правовой статус.

Технологии искусственного интеллекта стремительно развиваются и ведут к преобразованиям во многих сферах современной жизни. В самом общем смысле искусственный интеллект относится к системам или машинам, которые имитируют человеческий интеллект для выполнения задач и могут рекурсивно совершенствоваться на основе собранной ими информации. Благодаря расширению возможностей получения, хранения и обработки данных (большие данные/big data) и прогрессу в области искусственного обучения (машинное обучение) во многих областях, от здравоохранения до финансов, от транспорта до промышленности, системы искусственного интеллекта стали широко использоваться, что привело к

быстрым изменениям в соответствующих отраслях. В то время как происходят изменения, которые так глубоко влияют на жизнь общества, немислимо, чтобы право, как нормативная наука, занимающаяся рассматриваемой жизнью, оставалось нечувствительным к фактам, которые вызывают эти изменения. Действительно, распространение технологий искусственного интеллекта приносит такие преимущества в широком спектре сфер деятельности, процессов принятия решений и внедрения, как устранение человеческих ошибок, экономия времени, сокращение использования финансовых ресурсов, предоставление персонализированных услуг, выполнение некоторых опасных работ роботами и технологиями на основе искусственного интеллекта, а не людьми, и в то же время создается фундамент на базе, чего возникают некоторые юридические проблемы. Выше сказанное обуславливает актуальность тематики данного исследования.

Целевая ориентация в настоящем исследовании направлена на гражданско-правовое научное исследование, идентификацию ключевой значимости правового обеспечения функционирования технологий искусственного интеллекта, и определении факторов, тенденций и перспектив развития частноправовых аспектов существования искусственного интеллекта. Для достижения цели исследования, в работе решены следующие общие задачи:

- рассмотрены ключевые аспекты развития технологии искусственного интеллекта в правовом поле, на основе исследования публикаций и научных работ по изучаемой теме;
- исследованы возможности использования искусственного интеллекта при обработке данных в частноправовом аспекте.

Степень научной разработанности проблемы. Существуют разные подходы к правовому статусу искусственного интеллекта. Хотя степень, в которой эти подходы отвечают современным и будущим потребностям, вызывает споры, важно учитывать все мнения, поскольку в позитивном праве нет конкретных шагов.

Объектом исследования в настоящей работе является правовая действительность, которая состоит из многогранных социально-правовых связей и процессов нормативного регулирования использования искусственного интеллекта, в том числе, отражающаяся в научных публикациях и нормативно-правовых документах. Предмет исследования – юридически и социально-значимые закономерности генезиса и развития правовых явлений и процессов использования технологий на базе искусственного интеллекта.

Материалы и методы. Методологическую и теоретическую основы исследования составляют положения фундаментальных и прикладных исследований в области юридической практики и теории по исследуемому вопросу как российских, так и зарубежных ученых и специалистов, также законодательство Российской Федерации. Методы исследования включают общенаучные и эмпирические приемы юридической науки, основанные на системном и междисциплинарном подходах. При проведении исследования и изложении материала были применены философские и общенаучные подходы и методы: абстрактный, диалектический, материалистический, ретроспективный. В работе использовались также системный, комплексный подходы, методы структурного анализа и методы сравнения. В этом исследовании искусственный интеллект изучен на предмет его использования в юриспруденции. В исследованиях таких авторитетных отечественных и зарубежных ученых, как Васильев А.А., Волеводз А.Г., Дюфло А., Егорова, М. А., Кожевина О. В., Кьяра Галлезе-Нобиле, Минбалеев А. В., Морхат П. М Харитонов Ю. С., Шестак В.А., Шпопер Д. и многих других, рассматривались теоретические и прикладные аспекты правовой основы регулирования искусственного интеллекта, науки и технологий цифровой экономики в России и за рубежом. Существуют подходы ученых, что искусственный интеллект может быть предметом только соответствующего права, то есть он может быть объектом права, а не субъектом права. Но присвоение машинам, работающим на технологии искусственного интеллекта, того же статуса, что и другим машинам, недостаточно для объяснения прав и обязанностей. Таким образом, в научной

литературе вне поля зрения большинства ученых остается освещение методики и теоретико-практических основ развития и совершенствования нормативного регулирования применения искусственного интеллекта в России.

Результаты. Темпы развития искусственного интеллекта ускоряются с каждым днем. Эти события имеют экономические, культурные, социальные и даже художественные последствия, их последствия слышны практически во всех сферах человеческой жизни. Как и в других областях, закон не может быть независимым от этих изменений. Основное внимание в этом исследовании уделяется текущим и возможным последствиям достижений в области искусственного интеллекта (ИИ) для правовой сферы.

Хотя его корни уходят в более ранние времена, искусственный интеллект впервые был использован в качестве официального термина Джоном Маккарти в 1955 году. В 1955 году в фонд было внесено предложение о проведении семинара, который должен был состояться в Дартмуте в 1956 году и называться «Летний исследовательский проект по искусственному интеллекту» для проведения которого стоимость мероприятия была взята на себя исследователями, возглавляемыми Джоном Маккарти. В рассматриваемом предложении концепция искусственного интеллекта была определена для целей их исследования как, заставляющая машину делать то, что можно назвать интеллектом, когда человек ведет «себя так или иначе».

Искусственный интеллект с самого начала, в отличие от других областей, в первую очередь занимается идеей копирования человеческих навыков, таких как творчество, саморазвитие и использование языка. Во-вторых, это подразделение информатики, но его методология отличается; это единственная область, которая пытается создавать машины, которые будут работать автономно в сложных, меняющихся средах. На наш взгляд, искусственный интеллект – это некая попытка заставить компьютер делать то, что может делать человеческий разум.

Проведенный анализ публикаций по данной теме, позволил выявить некоторые работы исследователей, которые вызывают интерес. В работе ряда авторов «на основе изучения зарубежной практики нормативного правового регулирования цифровой экономики и искусственного интеллекта выявлены особенности подходов в Европе и Восточной Азии» [1, с.250-262]. Данные авторы обращают внимание на существование проблемы цифровой этики. Хотя существуют различия в его использовании в повседневной жизни, в техническом смысле, когда сегодня говорят о концепции искусственного интеллекта, не подразумевается единая и большая система. Существуют различные модели и системы искусственного интеллекта. Что объединяет эти модели и системы в рамках концепции искусственного интеллекта, так это, по сути, их принцип работы. В этом контексте в основном используемые и предпочтительные системы искусственного интеллекта рассматриваются в категории обучающих машин. Если основной принцип работы обучающей машины выразить в упрощенном виде, то это поиск сходств и построение закономерностей на основе конкретных данных с использованием математики и статистики. Подавляющее большинство систем, определяемых сегодня как искусственный интеллект, в основном работают по этому принципу. Влияние достижений в области искусственного интеллекта на закон также наблюдается, в частности, на основе этого основного принципа. Все виды юридических текстов, особенно судебные решения, составляют фундаментальную часть данных, которые могут быть предметом изучения систем искусственного интеллекта. Для целей нашего настоящего исследования можно отметить, что в широком смысле искусственный интеллект состоит из двух основных категорий: экспертных систем и обучающих машин. Поскольку ИИ также неоднородны, они бывают разных типов, и возможности этих типов также различаются. Например, возникнет разница между ответственностью ИИ с ограниченными возможностями памяти и обязанностями работа-гуманоида [2]. В то время как искусственный интеллект с ограниченным объемом памяти строго зависит от того, как он запрограммирован, может возникнуть вопрос о привлечении

его программиста или менеджера к ответственности за ущерб, причиненный его действиями. Но должна ли быть возможность возложить на своего программиста/менеджера ответственность за решения, которые гуманоидный робот принимает независимо? Даже если существование двух отдельных правовых норм в первую очередь будет опровергнуто в будущем сценарии, в котором мы говорим о роботах-гуманоидах, было бы не так уж неправильно утверждать, что появился новый вид, и поэтому необходимо предпринять новаторские шаги для регулирования нечеловеческих сознательных существ. Искусственный интеллект опирается как на алгоритмы, так и на данные;

Алгоритм можно определить, как список правил, которым необходимо следовать в правильном порядке для выполнения задачи. Эта технология лежит в основе виртуальных помощников, таких как Siri и Alexa, которые выполняют голосовые команды.

Именно эта технология дает рекомендации о том, что вы можете послушать или посмотреть дальше на Spotify или YouTube, и помогает Facebook и Twitter решать, какие сообщения в социальных сетях показывать пользователям. Искусственный интеллект анализирует покупательские привычки клиентов на платформах онлайн-покупок и дает новые рекомендации по покупкам, а крупные компании также используют эту технологию для предотвращения поддельных отзывов.

Исходя из данных, полученных из юридических текстов, обнаруживаются некоторые сходства и закономерности с обучающимися машинными системами, поэтому попытка прийти к выводу / решению по текущим или будущим юридическим событиям и спорам представляется фундаментальной проблемой [3, с.5-6]. Известны случаи, когда за рубежом, например, в США были выданы патенты на технологические разработки, созданные непосредственно искусственным интеллектом, что на наш взгляд является экстраординарной ситуацией, ввиду отсутствия конкретики регулирования патентного права в данной области деятельности [3, с. 5-6].

С развитием искусственного интеллекта становится все более желательным, чтобы искусственный интеллект нашел свое место в законодательстве. Важным моментом здесь является необходимость интерпретировать этот эффект не только как модифицирующий, но и как преобразующий. В этом контексте искусственный интеллект потенциально может противоречить общепринятым представлениям о праве. Однако не следует рассматривать этот потенциал в рамках концепции технологического детерминизма как по мере развития искусственного интеллекта его разрушительное воздействие на закон обязательно возрастет. Не вызывает сомнения тот факт, что то, как ИИ повлияет на закон, зависит от дебатов в области права, а также от достижений в области ИИ.

Некоторые ученые, например В.А. Шестак, А.Г. Волеводз рассматривают перспективы использования искусственного интеллекта, как участника не только гражданского, но и уголовного судопроизводства [4, с. 197-206]. Касательно отечественной практики, здесь следует отметить, что категория и термин «робот/робототехника» не применяются в ключевых и первостепенных законодательных и правовых актах и нормах [5]. В научной работе Васильева А. А. и Шпопера Д. также значительное внимание уделяется неразвитому нормативному регулированию эксплуатации искусственного интеллекта и технологий на его основе, в нашей стране [6, с.23-26].

Таким образом, несмотря на наличие публикаций и исследований по рассматриваемому вопросу, можем констатировать, что непосредственно тематическому горизонту феномена и генезиса технологии искусственного интеллекта через призму частнопроводного аспекта уделяется мало внимания в научной среде. Таким образом, на наш взгляд, с развитием науки и технологий в мире в нашу жизнь входят новые концепции технологического мироустройства и юридические проблемы существования цифрового пространства, требующие обновления нормативно-правового регулирования данных процессов.

В современных условиях экспоненциального взлета и развития технологий, робототехники и искусственного интеллекта, важно конкретизировать некоторые юридические требования, которые могут возникнуть в настоящее время или в будущем в нашем правовом порядке с распространением искусственного интеллекта. Однако, учитывая исследования, проведенные как в нашем праве, так и в области сравнительного правоведения, было понятно, что указанные требования на данный момент в большей степени проявляются в области права о защите данных, права об ответственности и права интеллектуальной собственности, поэтому объем исследования в настоящем параграфе ограничен в основном тремя упомянутыми темами. В этих рамках тема исследования состоит в том, чтобы указать на возможные проблемы, с которыми можно столкнуться в настоящем или ближайшем будущем, связанные с этими тремя проблемными вопросами.

Очевидно, для дальнейшего исследования, необходимо указать нашу авторскую позицию касательно дефиниции используемых в данном исследовании основных категорий и терминов. Мы придерживаемся следующей позиции, согласно которой: «В проекте Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» (авторства Д.С. Гришина (Grishin Robotics) и международной юридической фирмы Dentons) было предложено закрепить следующее определение понятия «робот»: «робот – устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека» (пункт 1 статьи 3)» [7].

Важно указать, что в отечественном законодательстве существуют разграничения термина искусственный интеллект и технология искусственного интеллекта [8], и нужно объективно понимать, что не каждый робот оснащен искусственным интеллектом. Данный аспект расширенно обозначен также в Указе Президента России за №490, где можно идентифицировать конкретные объекты, на которые допустимо применение режима интеллектуальных прав [9]. Также, отметим, что непосредственно в ст. 1240 ГК РФ «перечень сложных объектов включает в себя объекты, относимые к сфере авторских и смежных прав» [10]. Не существует единого согласованного определения искусственного интеллекта. Помимо их определений, изложенных в литературе на основе сходства с человеческим мышлением или поведением, существуют также подходы, которые рассматривают искусственный интеллект как комбинацию математики и инженерии.

Позиция автора данной работы касательно термина искусственный интеллект, находится в плоскости, согласно, которой искусственный интеллект считаем некоторой искусственной (компьютерной) системой, которая может имитировать интеллект человека, то есть его «способности получать, обрабатывать, хранить информацию и знания и выполнять над таковыми различные действия, совокупно называемые мышлением» [11, с.31]. Обобщая различные подходы ученых к определению данной категории, нами сделано умозаключение, что искусственный интеллект можно рассматривать как полностью или частично независимая киберфизическая (в отдельных случаях – биокибернетическая) система, или программный комплекс, в том числе на базе робототехники. В простом понимании, это попытка заставить компьютер делать то, что может делать человеческий разум, но в рамках правового поля.

Первый вопрос, который следует рассмотреть в контексте отношений между искусственным интеллектом и правом, заключается в том, существует ли необходимость в правовых нормах, касающихся искусственного интеллекта в целом. Как и во всем, что касается искусственного интеллекта, четкая и стабильная правовая база стимулирует инвестиции в эту область, тем самым, обеспечивается безопасная среда для творчества и инноваций. Это также является требованием принципа правовой определенности. Например, тот факт, что получение и

обработка данных, на которых основан искусственный интеллект, имеет юридическую основу или что разработчики и те, кто использует эти технологии, знают, в каком случае и почему они будут привлечены к ответственности, может способствовать тому, чтобы люди, работающие в этой области, чувствовали себя в юридической безопасности. С другой стороны, можно также сказать, что наличие правовой базы, с одной стороны, устранил существующие в обществе опасения по поводу искусственного интеллекта, а с другой стороны, позволит более широкому слою общества воспользоваться преимуществами, предоставляемыми технологиями. Из всего этого, необходимо учитывать, что системы искусственного интеллекта также положительно повлияют на добавленную стоимость, создаваемую с экономической точки зрения.

Чтобы прийти к пониманию относительно того, существуют ли этические принципы в отношении искусственного интеллекта, а также необходимы ли правовые нормы, необходимо помнить разницу между этикой и правом: в очень общем плане этические принципы – это нормы, которые определяют то, что должно быть, то есть идеальный образ поведения, и нацелены на то, чтобы люди контролировали себя.

В результате – этические принципы не имеют юридической силы, если они не воплощены в кодексе права; скорее, позор, порицание и т. д. В свою очередь, нормы закона устанавливают границы того, что можно, а что нельзя, стремясь к тому, чтобы другие не пострадали, включая компенсацию, наказание и т. д. – это правила, связанные с санкциями.

Тот факт, что организации, работающие в области искусственного интеллекта, устанавливают этические принципы, с которыми они связаны, и делятся ими с общественностью, несомненно, должен быть воспринят положительно. Однако даже очень общее сравнение этики и права, показывает, что одного существования этических принципов будет недостаточно, и требование к правовым нормам, касающимся искусственного интеллекта. Потому что, как и все другие явления, которые регулируются законодательством, искусственный интеллект, несмотря на множество преимуществ, которые он предоставляет, также может нанести различный вред. Если такое явление не регулируется нормами права, потенциальные пострадавшие останутся незащищенными в юридическом смысле.

Таким образом, в заключение можно сказать, что существует потребность в правовой базе нашей страны, касающейся искусственного интеллекта, а сам искусственный интеллект мы также предлагаем рассматривать как область математических вычислений, которая позволяет воспринимать, рассуждать и действовать. В рамках этого определения искусственный интеллект отличается от психологии из-за акцента на вычислениях; многие ИТ-технологии отличаются из-за акцента на восприятии, рассуждениях и действиях. С нашей точки зрения, искусственный интеллект можно рассматривать частично как часть инженерии, частично как часть науки, в целом. По нашему мнению, следует на международном уровне рассмотреть вопрос утверждения и фиксации в рамках международного частноправового поля и дальнейшей имплементации в отечественном гражданском праве релевантных принципов, вплоть до возможных стандартов международного уровня распределения юридической ответственности всех участников, начиная от самих разработчиков данных технологий, на базе ИИ, завершая конечными пользователями.

Обсуждение. Поскольку искусственный интеллект, основанный на искусственном обучении и его производных, после разработки может более или менее сам определять свои действия (автономия), существование этических принципов не имеет никакого юридического смысла с точки зрения ответственности за ущерб, который может возникнуть на этапе использования технологии искусственного интеллекта.

Другими словами, на этом этапе возникает пробел в ответственности, заключающийся в том, что; эту лазейку можно заполнить только нормами закона, в рамках частноправового поля.

Также важна взаимосвязь законодательной базы об искусственном интеллекте и защите данных. Данные (data) являются одними из наиболее важных фактов, которые необходимо учитывать при определении правовой базы, касающейся искусственного интеллекта.

Понятие данных в общем смысле относится к элементу, который является основой исследования, обсуждения, рассуждения, в то время как в информатике это называется представлением фактов, концепций или команд в форме, благоприятной для общения, интерпретации и обработки.

Чтобы ИИ мог выполнять самую основную ожидаемую от него функцию, то есть проводить желаемый анализ по конкретному предмету и выдавать целевой результат, необходимо предоставить соответствующие данные. Это выражается в том, что искусственный интеллект управляется данными (data-driven), и это также является основной причиной прогресса, достигнутого сегодня в области искусственного интеллекта. Данные, которые являются важным элементом современной экономики, когда они относятся к конкретному или идентифицируемому физическому лицу, квалифицируются как персональные данные.

В этом контексте любая информация, принадлежащая физическим лицам, является элементом личной жизни человека и носит характер персональных данных, которые также должны быть законно защищены. Поскольку искусственный интеллект может выполнять свою функцию, которую мы можем резюмировать как достижение определенного результата, в основном путем обработки персональных данных, которые защищены Конституцией и другим законодательством; это, в свою очередь, создает конфликт интересов между лицом, чьи данные обрабатываются, и лицом, которое их обрабатывает.

Конфликт интересов, как описано выше, уравнивается понятием «согласие», как в нашем праве, так и в международном, в принципе. Быстрое развитие технологий неизбежно приводит к частым запросам на пересмотр и изменение законодательства о защите данных. Например, такие вопросы, как характер права на данные, передача персональных данных за пределы страны, все еще обсуждаются с разных точек зрения.

Помимо этого, пандемия Covid-19 также вызвала радикальные изменения во взглядах на личные данные, как и на все элементы жизни на Земле. В свою очередь, нетрудно представить, что те, у кого есть данные и технологические возможности, необходимые для их обработки, будут увеличивать свое благосостояние, продавая технологии, которые они производят, тем странам, которые напоминают колониальную эпоху.

С другой стороны, когда дело доходит до персональных данных, на другой чаше весов находятся основные права и свободы. По этой причине кажется, что страны, которые хотят лидировать в гонке за доминирование в области данных, стремятся создать правовую инфраструктуру, которая наилучшим образом уравнивает указанные экономические соображения и основные права. Система искусственного интеллекта обучается на основе данных о покупательских привычках людей, а затем полученные новые данные интерпретируются с использованием этих систем. Таким образом, можно получить результаты (новые данные), например, когда кто-то может купить новый продукт, какой другой продукт ему может понадобиться вместе с приобретенным продуктом или какую функцию он может предпочесть продукт. Данные, которые являются важным элементом современной экономики, когда они относятся к конкретному или идентифицируемому физическому лицу, квалифицируются как «персональные данные». В этом контексте любая информация, принадлежащая физическим лицам, является элементом личной жизни человека и носит характер персональных данных. С философской точки зрения защита персональных данных часто

основывается на человеческом достоинстве. Персональные данные должны быть получены, сохранены, изменены, реорганизованы, раскрыты, переданы, унаследованы, доступны, классифицированы полностью или частично автоматизированными или неавтоматизированными способами, при условии, что они являются частью какой-либо системы регистрации данных или любые действия, выполняемые с данными, такие как предотвращение их использования. Таким образом, хотя, как правило, обработка персональных данных считается законной, если имеется явное согласие заинтересованного лица, в противном случае обработка данных будет незаконной, и ответственные лица, указанные в Законе, также могут быть привлечены к ответственности в соответствии с Законом [12]. В свою очередь, нетрудно представить, что те, у кого есть данные и технологические возможности, необходимые для их обработки, будут увеличивать свое благосостояние, продавая технологии, которые они производят, тем странам, которые напоминают колониальную эпоху. С другой стороны, когда дело доходит до персональных данных, на другой чаше весов находятся основные права и свободы. По этой причине кажется, что страны, которые хотят лидировать в гонке за доминирование в области данных, стремятся создать правовую инфраструктуру, которая наилучшим образом уравнивает указанные экономические соображения и основные права. Ниже приведены некоторые примеры ситуаций при создании упомянутой инфраструктуры, которые служат примерами аспектов, требующих особого внимания с точки зрения искусственного интеллекта.

По нашему мнению, вполне возможно, что искусственный интеллект может собирать данные, которые изначально не были предусмотрены, или обрабатывать их для целей, которые не были предусмотрены при получении согласия владельца данных. Все эти возможности могут привести к тому, что лица, ответственные за передачу данных, столкнутся с санкциями, предусмотренными соответствующим законодательством. Учитывая тот факт, что системы искусственного интеллекта не являются прозрачными и объяснимыми, а также актуальность проблемы интеллектуальной собственности и коммерческой тайны, с точки зрения систем искусственного интеллекта возникает трудность определения того, является ли обработка данных целенаправленной и взвешенной.

В качестве решения упомянутой проблемы в нашей стране необходимо принять соответствующие нормативно-правовые поправки на законодательном уровне касательно внедрения концепции защиты данных по дизайну и настройкам по умолчанию. Защита с помощью проектирования гарантирует, что технические и организационные меры по защите данных будут приняты на начальных этапах, таких как проектирование системы обработки данных, разработка продукта и т. д. Защита с помощью настроек по умолчанию означает предоставление пользователю выпущенного продукта или услуги с выбранными самыми надежными настройками защиты данных без необходимости настройки конечным пользователем.

Можно предвидеть, что по мере развития и усложнения систем искусственного интеллекта определение того, кто будет привлечен к ответственности за незаконную обработку данных, также станет затруднительным. Поскольку в некоторых случаях, когда данные собираются и обрабатываются непосредственно системой искусственного интеллекта именно человек, определяет цели и средства обработки данных; другими словами, может быть нелегко ответить на такие вопросы, как будет ли лицо, использующее систему, считаться хранителем данных или просто конечным пользователем. Другими словами, в случае утечек данных, вызванных ошибками на этапах проектирования, разработки или обучения, в которых конечный пользователь никоим образом не участвует, перед нами встает вопрос, над которым следует подумать, кому более справедливо возлагать ответственность, вытекающую из закона о защите данных. По сути, этот вопрос также тесно связан с подходом, который будет принят в отношении соответствующего закона об ответственности.

Закключение. С развитием искусственного интеллекта становится все более желательным, чтобы искусственный интеллект нашел свое место в законодательстве. Искусственный интеллект неизбежно перестает влиять на закон. Важным моментом здесь является необходимость интерпретировать этот эффект не только как модифицирующий, но и как преобразующий. В этом контексте искусственный интеллект потенциально может противоречить общепринятым представлениям о праве. Однако не следует рассматривать этот потенциал в рамках концепции технологического детерминизма как “по мере развития искусственного интеллекта его разрушительное воздействие на закон обязательно возрастет.

Сегодня технологии искусственного интеллекта начали использоваться во многих областях. Системы, используемые для диагностики заболеваний, системы искусственного интеллекта, созданные для борьбы с мошенничеством в банкоматах, системы искусственного интеллекта, связанные с системой VAR, автономные транспортные средства, беспилотные продуктовые магазины, могут быть примерами областей, в которых используется искусственный интеллект.

Такое широкое использование искусственного интеллекта также сопряжено с рядом рисков. В основе систем искусственного интеллекта лежат математика, вероятность и статистика. Искусственный интеллект способен быстро вычислить столько данных, сколько человек не может вычислить. В результате этих расчетов он может делать определенные прогнозы или выполнять определенную задачу.

Системы искусственного интеллекта работают, выполняя ряд вычислений. Он проверяет выполненные ими вычисления с помощью тестовых данных. Однако эти вычисления, выполненные искусственным интеллектом, могут привести к ошибочным результатам. Даже третьи лица могут пострадать, несмотря на безошибочный расчет. Например, беспилотный автомобиль может врезаться в пожилого человека, чтобы спасти пассажиров в нем. С распространением искусственного интеллекта человеческий механизм управления также станет невозможным. Искусственный интеллект сам по себе сможет причинить вред. В этом случае необходимо регулировать способы устранения ущерба, причиненного искусственным интеллектом. Необходимо оценить, кто будет привлечен к ответственности за ущерб, причиненный искусственным интеллектом, и какие положения будут применяться.

Очевидно, что рассматриваемая тема достаточно дискуссионная и многогранна, разумеется в рамках настоящего исследования нами не представляется возможным осветить всю многоаспектность юридических тонкостей и особенностей изучаемого вопроса, однако, вполне возможно, что данное исследование послужит фундаментальной основой для продолжение изучения темы правового оформления и законодательного регулирования применения искусственного интеллекта и технологий на этой базе в последующих научных работах автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова, М. А., Минбалеев, А. В., Кожевина, О. В., Дюфло, А. (2021). Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 12(2), стр. 250-262. doi.org/10.21638/spbu14.2021.201

2. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics [Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Regulation in the Sphere of Robotics] (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs /European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux. – 22 p. – P. 20. // Electronic resource, access mode: URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//ep//nongml%2bcompa%2bparl%2bpe582.443%2b01%2bdoc%2bpdf%2bv0//en>. (date of access: 18.03.2025).

3. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы/ Дисс. на соискание уч. ст. д.ю.н. – Электронный ресурс, режим доступа: URL:

https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

4. Шестак В.А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России / В.А. Шестак, А.Г. Волеводз // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 197-206. – DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206.

5. Соколова М. Коллизии «права роботов». Дискуссии юристов в связи с разработкой КиберКодекса в России // Электронный ресурс, режим доступа: URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514>. (дата обращения: 19.03.2025).

6. Васильев А. А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета, 2018, № 6(104). С. 23-26. DOI: 10.14258/izvasu(2018)6-03.

7. Firth-Butterfield K., Chae Y., Allgrove B., Kitsara I. Artificial Intelligence Collides with Patent Law [Искусственный интеллект в столкновении с патентным правом]: White Paper / Center for the Fourth Industrial Revolution. – Geneva (Switzerland): World Economic Forum, 2018. – 23 p. – P. 5-6

8. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 27 апреля 2020 г., №17, Ст. 2701.

9. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 14 октября 2019 г., №41. Ст. 5700.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства РФ, 25 декабря 2006 г., №52 (1 ч.). Ст. 5496.

11. Болотова Л.С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: Учебник. – М., 2012. – 664 с. – С. 31.

12. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ (последняя редакция). – СПС: КонсультантПлюс.

13. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы / П.П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 39-45.

14. Мохов А.А. Юридическое лицо как функциональная система // Гражданское право. – 2015. – №4.

15. Мурзаева О. Интеллектуальные права на результаты работы искусственного интеллекта // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Сб. матер. VI Междунар. юридич. форума (IP Форума). – М.: Издат. центр Московского гос. юридич. универс. им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018. – 388 с. – С. 150-152.

16. Наумов В.Б. Научные подходы к классификации видов правовой идентификации в информационных правоотношениях // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 104-115.

17. Наумов В.Б., Незнамов А.В. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте: подходы к идентификации и вопросам безопасности // Динамика институтов информационной безопасности: Правовые проблемы: Сб. науч. трудов / Отв. ред. И.Л. Бачило, Т.А. Полякова, В.Б. Наумов / ИГП РАН. – М.: Канон+, 2018. – С. 123-136.

18. Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91-109.

19. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки». – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91-109.

20. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы / О.А. Ястребов // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 36-55.

PRIVATE LAW DETERMINANTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE APPLICATION

Guzhvina O.P.

As technologies continue to be actively used in all spheres of our lives, the law must not lag behind these changes and developments. The law must regulate not only human relations, but also vital needs, and in this case, it must be involved in a rapid adaptation process. To ensure this, all stakeholders must closely monitor developments and prepare for tomorrow not only taking into account today, but also from a holistic point of view, with a proactive approach. The presented scientific work examines the current topics in the regulation of key aspects of legal support for the existence of artificial intelligence. Many ideas are put forward from the point of view of the legal position of artificial intelligence, which arose due to this need today, is the subject of discussions within the private law field, which is actually considered in the framework of this scientific work. The author examines the theoretical foundations of the role and significance of artificial intelligence in the legal and socio-economic components of society, and analyzes current issues in the intersection of law and socio-ethical aspects of the existence of artificial intelligence. Based on the results of the study, the author presents the possibilities of using artificial intelligence in data processing in the private law aspect.

Keywords: jurisprudence, private law field, artificial intelligence, law, digital technologies, law, legal status.

УДК 347.736.4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ МЕЖДУ КРЕДИТОРОМ И ДОЛЖНИКОМ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

Миронов Андрей Александрович
Аспирант Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина

Научный руководитель: Бакунин Сергей Николаевич,
к.ю.н., профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РГУ им. С.А. Есенина

В статье отмечается высокая актуальность процедуры банкротства среди граждан, что, в свою очередь, вызывает необходимость правоприменителя учитывать интересы обеих сторон с целью соблюдения их законных прав и не допущения злоупотреблений. Сохранение справедливого и равноправного баланса интересов между кредиторами и должниками имеет первостепенное значение в процедурах банкротства, связанных с отчуждением жилой недвижимости. Цель статьи – исследование проблем, связанных с хрупким балансом, и наметить некоторые возможные пути решения. В работе были использованы такие методы, как анализ, сравнение, дедукция и индукция. В статье проведен анализ правоприменительной практики в области банкротства, а также проанализированы несколько важных, на взгляд автора, постановлений Верховного суда Российской Федерации. Полученные выводы, представляют интерес как для практической деятельности, так и для дальнейшего развития поднятой темы в научных исследованиях.

Ключевые слова: Банкротство, баланс интересов, кредитор, должник, реализация имущества, жилые помещения, физическое лицо, единственное жилье, исполнительский иммунитет, задолженность.

Граждане по-прежнему активно прибегают к освобождению от долга через банкротство. Обратившись к статистике, мы увидим, что по данным «Федресурса» в 2023 году российские суды признали несостоятельными 350,8 тыс. граждан. В свою очередь, количество банкротств в первом квартале 2024 года выросло на 18,2%. За период существования процедуры потребительского банкротства, с октября 2015 года по март 2024 года, несостоятельными стали уже более миллиона, а именно 1192,5 тысяч граждан. Данная статистика приводится на едином портале Федресурс. Из них более чем в 35% случаев должники пытались сохранить право на единственное жилье, что привело к конфликтам с кредиторами. Согласно опросам, около 60% граждан, прошедших процедуру банкротства, были не удовлетворены ее результатами, считая, что их права были ущемлены [1]. Следовательно, существует объективная необходимость поиска оптимального баланса, который бы учитывал интересы обеих сторон и не ущемлял их законные права.

Нельзя не отметить, что крупные долги с физических лиц преимущественно взыскиваются в рамках банкротства юридических лиц. Так, в 2023 году было подано 5,2 тысячи заявлений о привлечении руководителей или выгодоприобретателей к субсидиарной ответственности на общую сумму 406,3 миллиарда рублей. В список наиболее часто оспариваемых сделок в рамках банкротства физических лиц входят договоры дарения, договоры купли-продажи, брачные договоры и соглашения о разделе имущества, денежные переводы, а также мировые соглашения. Также отмечается, что процедура банкротства физического лица длится в среднем 1 год и 3 месяца [2].

Законодательство о несостоятельности [3] предусматривает механизм поиска компромисса между правами кредиторов и интересами должников. Практическая реализация данных положений существенно отличается от изначальной концепции. Банки и иные кредиторы стремятся максимизировать возврат задолженности путем реализации имущественных активов неплательщика. Гражданское законодательство гарантирует каждому человеку право на сохранение минимально необходимого для проживания жилого помещения. Вопрос о возможности продажи единственного жилья собственника в ходе банкротных процедур вызывает многочисленные споры среди юристов и практикующих специалистов.

Российское право устанавливает механизмы защиты минимальных жилищных прав граждан при взыскании долгов. Действующее гражданское законодательство запрещает изъятие единственного пригодного для проживания помещения у владельца-должника и проживающих с ним родственников в ходе исполнительных действий [4]. Аналогичные правила сохраняют силу при проведении процедуры несостоятельности физического лица.

Законодательное регулирование конкурсной массы при банкротстве физических лиц охватывает максимально широкий спектр собственности должника. Федеральное законодательство о несостоятельности устанавливает базовый принцип формирования конкурсной массы, включающий активы гражданина на момент начала процедуры, исключая имущество вне гражданского оборота либо защищенное от взыскания. Процедура охватывает значительный объем материальных ценностей, принадлежащих несостоятельному лицу. Квартиры, дома, земельные участки составляют наиболее значимую часть имущественного комплекса должника, подлежащего реализации в ходе банкротства. Материальные активы гражданина, включая транспортные средства, предметы роскоши, финансовые инструменты, банковские вклады, подлежат продаже по требованию финансового управляющего независимо от наличия обременений для погашения задолженности перед кредиторами [5].

Как правило, жилые помещения, являющиеся единственным пригодным для постоянного проживания должника и членов его семьи, не подлежат реализации, однако, такое правило не действует, если жилье было приобретено за счет ипотечного кредита. Вместе с тем, законодательство допускает возможность

реализации единственного жилого помещения должника в процедуре банкротства при определенных условиях, например, если оно не является минимально необходимым для проживания должника и членов его семьи. При этом судам необходимо тщательно исследовать все обстоятельства дела и учитывать интересы как кредиторов, так и должника [6].

Финансовый управляющий выполняет основную функцию по формированию конкурсной массы из собственности должника. Законодательные нормы устанавливают четкий порядок оценки и последующей реализации активов банкрота. Денежные средства, полученные от продажи имущества, распределяются между кредиторами согласно установленной очередности. Комплексность процедуры реализации имущества гражданина-банкрота обеспечивает баланс между максимальным погашением задолженности и защитой прав должника в рамках действующего законодательства [7].

Анализ практики Верховного суда РФ по делам об ипотечном кредитовании выявил значимый прецедент. Рассматривалось дело гражданина, своевременно вносившего платежи по ипотеке при наличии просрочек по иным кредитным обязательствам. Судебная инстанция включила требования ипотечного кредитора в реестр.

Верховный суд РФ сформулировал правовую позицию касательно обращения взыскания на единственное жилье должника-банкрота при ипотечном обременении. Добросовестное исполнение обязательств по ипотечному кредиту создает основания для сохранения жилого помещения за должником, реализуя конституционное право граждан на жилище.

Правоприменительная практика требует предотвращать недобросовестные действия граждан, направленные на уклонение от погашения задолженности при сбережении имущества. Суду надлежит содействовать поиску компромиссного решения, учитывающего законные интересы кредитора и должника. Материалы дела направлены на новое рассмотрение в суд первой инстанции для установления справедливого баланса интересов сторон [8].

По нашему мнению, при отсутствии просрочки по ипотечному обязательству принятие решения об обращении взыскания на жилье может существенно нарушить интересы должника, но в то же время отказ в этом может повлечь невозможность кредитора предъявить аналогичное требование в дальнейшем при просрочке исполнения обязательства. В данной ситуации, по мнению автора, Верховный Суд заложил основу для дальнейшего решения этой проблемы в целях закрепления данной новеллы, позволяющей соблюдать как интересы кредитора, так и добросовестного должника, в законодательстве о банкротстве для массового правоприменения при аналогичных ситуациях.

Наряду с вышерассмотренным примером также Верховным Судом создан прецедент реализации единственного жилья должника, превышающего 400 квадратных метров. Действующее законодательство защищает единственное жилое помещение граждан от взыскания по исполнительным документам. Правоприменительная практика демонстрирует появление значимых исключений из установленного правила. В рассматриваемом деле нижестоящие суды отклонили требование кредиторов о взыскании загородного дома должника площадью более 400 квадратных метров, мотивируя решение статусом единственного пригодного жилья. Высшая судебная инстанция направила дело на новое рассмотрение, после которого жилье должника подверглось реализации. Правовая позиция Верховного Суда основывалась на принципе разумной достаточности площади жилого помещения для реализации конституционного права на жилище. Таким образом, законодательный запрет обращения взыскания на единственное жилье утрачивает абсолютный характер при значительном превышении разумных пределов площади помещения [9].

Правовой анализ нормы показывает допустимость взыскания единственного жилья должника при превышении разумных параметров площади,

необходимой для проживания, но в то же время законодательство учитывает баланс между правом на жилище и требованиями кредиторов.

При банкротстве физических лиц первостепенное значение приобретает соблюдение баланса прав кредиторов и жилищных потребностей должника. Арбитражные суды в каждом конкретном случае должны проводить всесторонний анализ имущественного положения гражданина-банкрота, оценивать наличие дополнительных активов и социальные аспекты дела. Тщательное изучение материалов позволяет принять взвешенное решение, максимально учитывающее законные интересы каждого участника процедуры несостоятельности.

Еще одной из актуальных проблем сохранения баланса интересов является недостаточность механизма защиты кредиторов в основном отражается в двух аспектах: один – это недостаточность системы декларирования прав кредитора, другой – недостаточность системы собраний кредиторов. С точки зрения системы декларирования претензий, эта система является предпосылкой для того, чтобы кредиторы могли стабильно и эффективно защищать свои права и интересы. После заявления требований кредитор определил свой статус самостоятельного субъекта и может более разумно и эффективно распределить имущество должника. Однако, с точки зрения практики, система кредитных деклараций не реализована должным образом. Прежде всего, кредиторы не участвуют в формулировании плана реструктуризации долгов и могут только голосовать за то, будет ли план реструктуризации одобрен. Невозможность участвовать в планировании на ранней стадии и полагаться только на голосующее поведение на более позднем этапе затрудняет соблюдение кредиторами своих прав и интересов.

Другой актуальной проблемой являются переговоры и потенциальные конфликты между должником, кредиторами и другими заинтересованными сторонами. Закон о банкротстве ввел новшество в части уведомления кредиторов, которое до сих пор, учитывая исключительность срока подачи требований, не в полной мере достигало своей цели. А именно, помимо публичного уведомления кредиторов, закон о банкротстве ввел индивидуальное уведомление известных кредиторов конкурсным управляющим. Так, финансовый управляющий обязан письменно уведомить об открытии процедуры реализации имущества всех известных ему кредиторов, указав все данные из решения суда, а также иные сведения, имеющие значение для кредиторов, в т.ч. порядок предъявления требований. Однако, такое уведомление носит лишь информационный характер, поскольку сроки для предъявления требований исчисляются с даты публичного уведомления [10].

Исходя из поставленной проблемы, можно сделать вывод о том, что в современных реалиях законодательство о банкротстве имеет серьезные проблемы, которые уже не раз своими постановлениями пытается устранить Верховный Суд России, иногда в корне изменяя устоявшуюся правоприменительную практику. Но такое устранение возможно лишь на стадии кассационного или надзорного обжалования решений нижестоящих судов. Однако не все должники готовы идти так далеко, в связи с этим возникает потребность в переосмыслении именно учеными-цивиристами банкротных норм и совершенствовании банкротного законодательства.

В целях обеспечения баланса интересов между кредиторами и должниками можно предложить ряд способов. Среди них создание механизмов независимой оценки имущества должника, оказание должникам бесплатной юридической помощи и консультаций, распространение института медиации для разрешения конфликтов, а также своевременное реформирование законодательства с учетом проблем, возникающих при проведении процедур банкротства в отношении жилой недвижимости. На наш взгляд, вышеназванные способы могут помочь повышению эффективности банкротства в современных реалиях.

При рассмотрении проблемы соблюдения баланса интересов стоит отметить, что в роли кредитора могут выступать как профессиональные участники рыночных правоотношений, так и обычные физические лица. Так, в осуществлении

участниками предпринимательской деятельности заложен характер рисков, связанный с возможностью возникновения убытков, связанных с банкротством должника. Совершенно иной случай, когда кредитором является физическое лицо, которое не имеет отношения к предпринимательству.

В первом случае все риски по заключаемым сделкам будут учтены в бизнес-моделях, а возможные убытки будут считаться частью нормальной хозяйственной деятельностью. Во втором случае при конфликте интересов к должнику могут быть предъявлены повышенные требования в части добросовестности. Такие кредиторы не являются профессиональными участниками хозяйственной деятельности и не способны предвидеть все риски и убытки как их коллеги-предприниматели. В таком случае освобождение должника от исполнения обязательств может привести к несправедливому результату, ставя под сомнение основополагающие принципы банкротства.

Подводя итог вышесказанному, для соблюдения баланса между сторонами необходимо учитывать как личность кредитора, так и обстоятельства, связанные с возникновением долга. В процедуре банкротства кредиторы стремятся в большей степени удовлетворить свои требования, в свою очередь, должники надеются освободиться от долгов и сохранить как можно больше имущества. Таким образом происходит конфликт интересов, в котором баланс приходится искать судебным органам. Как мы выяснили, судам первой и апелляционной инстанции не всегда это удается, и восстанавливать справедливость приходится Верховному Суду РФ.

Важно также обеспечить прозрачность и справедливость процедуры реализации жилого помещения, чтобы избежать злоупотреблений и защитить права наиболее уязвимых групп населения. Решение этой проблемы требует взвешенного подхода законодателя, судебной практики и общественного контроля. Только комплексное решение данной задачи позволит обеспечить соблюдение интересов как кредиторов, так и должников в ходе процедуры банкротства физического лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банкротства в России: I квартал 2024 года. Статистический релиз Федресурса URL: <https://fedresurs.ru/news/bdb9dfec-df64-4207-b713-4bd7133f172a> (дата обращения: 26.11.2024)
2. Левочкина Д.А. Проблемные вопросы удовлетворения требований кредиторов с залоговым обеспечением в процедурах несостоятельности (банкротства) граждан // Вопросы российской юстиции. 2020. №7.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "О несостоятельности (банкротстве)"// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/70coa8cdc34b8e2d7e7ef698488d51acc556dc7e/ (дата обращения 13.01.2025).
4. Антипова А.А. Банкротство физических лиц // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2022: сборник. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 163-165.
5. Лунев К.А., Родионов А.О. Порядок обращения взыскания на единственное «роскошное» жилье должника // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XX Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – С. 667-678.
6. Василишин И.И. Проблема соотношения баланса интересов должника и кредиторов при осуществлении процедур банкротства гражданина // Огарёв-Online. 2017. №3 (92).
7. Гузаиров, А. И. Банкротство хозяйствующего субъекта, физического лица и физического лица – должника по алиментам: шкала оценки законодательства / А. И. Гузаиров // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 7-1.

8. <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27042023-n-305-es22-9597-po-delu-n-a41-736442020/>

9. Определение ВС РФ по делу №А73-12816/2019 URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202108/06/A73-12816-2019__20210726_-GF.pdf (дата обращения 26.11.2024)

10. Болотов М.В. Проблемы исполнения обязательств должника – банкрота третьим лицом в рамках процедур банкротства физического лица // Право и политика. 2020. №9.

**ACTUAL PROBLEMS OF MAINTAINING A BALANCE OF INTERESTS BETWEEN
THE CREDITOR AND THE DEBTOR IN THE SALE OF RESIDENTIAL PREMISES IN
THE BANKRUPTCY PROCEDURE OF AN INDIVIDUAL**

Mironov A.A.

The article notes the high relevance of the bankruptcy procedure among citizens, which, in turn, makes it necessary for the law enforcement officer to take into account the interests of both parties in order to respect their legitimate rights and prevent abuse. Maintaining a fair and equitable balance of interests between creditors and debtors is of paramount importance in bankruptcy proceedings related to the alienation of residential real estate. The purpose of this article is to understand the current problems associated with this fragile balance and outline some possible solutions. Methods such as analysis, comparison, deduction and induction were used in the work. The article analyzes the law enforcement practice in the field of bankruptcy, as well as analyzes several important, in the author's opinion, rulings of the Supreme Court of the Russian Federation. The conclusions drawn in this article will be useful both for practical application and for further development of the topic raised in scientific research.

Keywords: Bankruptcy, balance of interests, creditor, debtor, sale of property, residential premises, individual, the only housing, executive immunity, debt.

УДК 34

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ДИСТАНЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ПРЕПАРАТАМИ

Пименов Сергей Александрович

Студент,

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»Научный руководитель: Мырсина Анастасия Анатольевна,
преподаватель Факультета права ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»

В статье представлен анализ трансформации российского фармацевтического рынка в связи с выделением в его структуре сектора онлайн-торговли. Целью исследования является выявление и описание особенностей регулирования в России дистанционной купли-продажи товаров (на примере лекарственных препаратов). Специфика функционирования отечественного фармацевтического рынка в части онлайн-торговли лекарственными препаратами выступает фокусом данного научного исследования. Автором изучена природа правовой категории «дистанционная торговля», выполнен сопоставительный анализ понятий «дистанционная торговля» и «дистанционная купля-продажа». Кроме того, в работе описаны особенности процедуры заключения договора при дистанционном формате торговли, которая во многом определяет то, каким образом происходит верификация договора дистанционной купли-продажи, а также раскрыты правовые режимы дистанционной купли-продажи лекарственных препаратов (рецептурных и безрецептурных), в том числе с учетом исторического и сравнительно-правового контекста научного изучения данного вопроса.

Ключевые слова: фармацевтический рынок; дистанционная торговля; лекарственные препараты; дистанционный способ продажи товара; дистанционная продажа лекарственных препаратов.

Введение. Неотъемлемым компонентом современной экономики, а также предпринимательской активности в целом является онлайн-формат торговли. Статистика говорит о том, что российский рынок электронной торговли растет с каждым годом. Если в 2014 году его объем оценивался в 713 млрд рублей, то на сегодняшний день этот показатель вырос до внушительных 6,359 трлн рублей, причем доля транзакций на внутреннем рынке составляет 97% [1]. Эти данные подтверждают важнейшую роль интернет-торговли в структуре российской экономике, а также отражают заинтересованность наших сограждан в дальнейшей цифровой трансформации экономических отношений.

В этой связи заслуживает внимания инициатива Высшего Евразийского экономического совета (решение от 11.10.2017 №12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [2]), которая определяет основные векторы развития отношений в части торговли на едином рынке Евразийского экономического союза, в ряду которых дистанционный формат занимает лидирующее положение.

Понятие дистанционной торговли. Изучение научного дискурса, связанного с тематикой исследования, демонстрирует различные позиции исследователей на природу и характер эволюции онлайн-торговли. Так, Фролов И.В. указывает, что «европейский подход предполагает заключение в рамках дистанционной торговли как договоров дистанционной продажи товаров, так и договоров дистанционного оказания услуг» [3, с. 31]. В настоящей работе мы сосредоточимся лишь на дистанционной продаже товаров, под которой будем понимать удаленное заключение договора купли-продажи с использованием телекоммуникационных возможностей сети Интернет.

Базовым международным нормативным правовым актом в рассматриваемой сфере является «Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле» [4], который исходит из широкого подхода к трактовке категории «дистанционная торговля». Указанный документ применяется к следующим сделкам: поставка товаров или услуг, мена, дистрибьюторские договоры, представительство и агентирование, услуги, инвестирование, страхование, перевозка и др. С учетом сферы регулирования, на которую распространяется действие данного нормативного акта, можно заключить, что электронная торговля – это производимая с помощью электронного обмена данными торговая операция по передаче товара, выполнению услуг (оказанию работ) – или шире – по обмену благами [4].

Белов В.А. не поддерживает данную позицию и рассматривает дистанционную торговлю как совокупность действий по совершению подготовительных и организационных мероприятий со стороны продавца для товарообменных операций, к которой можно отнести информирование покупателей о потребительских свойствах товара и условиях совершения сделки; заключение договора; исполнение договора; расторжение договора; послепродажное обслуживание [5] и другие действия, которые могут осуществлять как продавец, так и покупатель. В данном случае автор приводит два существенных признака договора купли-продажи – стороны договора (продавец и покупатель) и предмет договора (товар).

На основании приведенных выше рассуждений мы приходим к выводу о том, что понятие «дистанционная торговля» обозначает удаленную форму заключения договора с использованием сети Интернет для выполнения работ, оказания услуг, купли-продажи и других форм обменов благами.

Элементом *дистанционной торговли* является *дистанционная продажа* (или *дистанционная купля-продажа*).

Форма и момент заключения договора дистанционным способом. Экономической основой экономических отношений, в том числе торговли, является право собственности [6]. Право частной собственности в России признается и охраняется наравне с государственной, муниципальной и иными формами собственности, что закреплено в Основном законе страны.

Реализация норм Конституции Российской Федерации обеспечивается соответствующими нормами гражданского законодательства. В частности, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее также – ГК РФ) закрепляет принципы беспрепятственного осуществления гражданских прав, свободы договора, недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела и др. Одновременно допускается ограничение указанных прав в той мере, «в которой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и

безопасности государства», но исключительно на основании федерального законодательства [7].

Статья 161 ГК РФ устанавливает общее правило о применении письменной формы сделки, которая совершается путем составления документа с подписанием его сторонами сделки. Одновременно статья 160 ГК РФ относит к совершению письменной формы сделки [8] также сделки посредством «электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю» (ст. 160 ГК РФ).

Данная норма была введена Федеральным законом от 18.03.2019 №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [9], предусматривавшим также и другие нормы, направленные на развитие цифровых отношений в рамках гражданского оборота. Указанный Закон внес изменения в статью 434 ГК РФ в части регулирования формы договора. В указанной статье закрепляется положение, в соответствии с которым формой договора является, в том числе, и электронный документ, подписанный сторонами путем «обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными».

Следует обратить внимание на момент заключения договора. Известно, что консенсуальные договоры признаются заключенными после согласования всех существенных условий [10, с. 393]. Моментом придания договору юридически обязательной для сторон силы (то есть моментом его заключения) при дистанционном способе заключения договора купли-продажи, по нашему мнению, будет выступать акцепт оферты, размещенной продавцом на странице в сети Интернет. Более того, договор будет считаться заключенным в момент получения акцепта оферентом (п. 1 ст. 433 ГК РФ), если в указанном акцепте имеются все существенные условия. При оформлении заказа на сайте продавца акцепт подразумевает согласие со всеми условиями договора, а значит, обеспечивается заключение договора.

Таким образом, мы делаем вывод, что признание договора заключенным происходит в момент получения акцепта оферты при условии, что согласованы существенные условия сделки. Применительно к дистанционной купле-продаже, моментом заключения договора будет момент получения продавцом заказа от покупателя.

Регулирование дистанционного способа продажи товара. Первоначально данный институт был закреплен в Федеральном законе РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» (ст. 26.1), затем в Гражданском кодексе РФ (п. 2 ст. 497) [11], а также в ряде иных подзаконных актов. В частности, увидело свет Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 №612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» [12], которое затем было отменено в связи с появлением Постановления Правительства РФ от 31.12.2020 №2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи...» [13]. В ныне действующем постановлении регулированию дистанционной торговли посвящен один из разделов (п. 12–27, 41, 45, 51). Стоит отметить, что указанное регулирование применяется к отношениям с участием потребителей и осуществляется в целях их защиты при заключении бытовых сделок в сети Интернет.

Исходя из приведенных соображений считаем, что дистанционную продажу можно понимать в широком и узком смыслах: в широком понимании – это любые отношения, направленные на заключение договора купли-продажи посредством электронного канала передачи данных; в узком смысле – это форма (способ) заключения договора розничной купли-продажи в соответствии с упомянутым выше механизмом регулирования. Прояснив, таким образом, правовое содержание рассматриваемой категории, в дальнейшем мы применим его к изучению порядка дистанционной купли-продажи лекарственных препаратов, в рамках которой

покупателем выступает пациент – физическое лицо, удовлетворяющее всем признакам потребителя. Это означает, что к указанным отношениям применяются нормы о дистанционном способе продажи товара.

Этапы формирования рынка онлайн-торговли лекарственными препаратами. В целях сохранения государственного контроля за реализацией отдельных видов продукции, имеющих особую социальную значимость, в феврале 1992 года Президентом РФ был подписан Указ «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» [14]. Указ устанавливал объекты гражданского права, не допущенные к свободной передаче, в число которых были включены также рецептурные лекарственные средства.

Федеральным законом РФ от 22.06.1998 №86-ФЗ «О лекарственных средствах» [15] было регламентировано совместное регулирование Российской Федерацией и ее субъектами отношений по обращению лекарственных средств. Вместе с тем, поскольку гражданское законодательство всегда находилось в исключительном ведении Российской Федерации (согласно ст. 71 Конституции РФ), то и регулирование торговли лекарственными средствами осуществлялось на уровне Российской Федерации.

Лекарственные средства были отнесены к товарам, свободная реализация которых запрещена, законодатель предусмотрел возможность получения специального права (лицензии) на деятельность по отпуску лекарственных средств как на оптовом, так и на розничном рынках страны. Одновременно Государственная дума РФ приняла Федеральный закон РФ от 25.09.1998 №158-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [16], который в ст. 17 к деятельности, подлежащей лицензированию, отнес фармацевтическую деятельность.

Первое Положение о лицензировании фармацевтической деятельности датировано 1999 годом. Оно регулирует «порядок лицензирования фармацевтической деятельности и оптовой торговли лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения, осуществляемых юридическими лицами, а также лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью без образования юридического лица (индивидуальными предпринимателями)» [17].

Перечисленные выше нормативные правовые акты определяли также и порядок розничной купли-продажи. В частности, ст. 32 Федерального закона РФ от 22.06.1998 №86-ФЗ «О лекарственных средствах» предусматривала, что торговлю могут осуществлять только аптечные учреждения. Лекарственные средства, отпускаемые по рецепту врача, подлежали продаже только через аптеки и аптечные пункты. Лекарственные средства, отпускаемые без рецепта врача, могли продаваться также в аптечных магазинах и аптечных киосках (ст. 32 Федерального закона РФ от 22.06.1998 №86-ФЗ «О лекарственных средствах»). Дистанционный порядок продажи не был предусмотрен Положением ни с самого начала, ни в более поздних его релизах [18].

В 2010 году был принят Федеральный закон РФ от 12.04.2010 №61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [19] (далее – ФЗ №61), который действует и в настоящее время, регулируя отношения по обращению лекарственных средств. Данный закон включил подобный содержащемуся в прошлой версии аналогичного закона подход в части вопроса о допустимости дистанционной торговли лекарственными средствами.

ФЗ №61 содержит отсылочную норму к Порядку отпуска лекарственных средств [20], в котором предусматривается предоставление права на отпуск лекарственных препаратов только аптекам, аптечным пунктам, аптечным киоскам, аптечным магазинам. Согласно пункту 2.1 указанного документа, рецептурные лекарственные препараты отпускаются при предъявлении рецепта, оформленного в установленном законом порядке.

Альтернативным способом реализации лекарственных препаратов до вступления в силу поправок, разрешивших дистанционную продажу лекарственных препаратов, было создание интернет-сайтов, на которых размещалась информация о реализуемой аптечными учреждениями фармацевтической продукции. Аптечные

сети предоставляли возможность «бронирования» лекарственных средств в онлайн-режиме с последующим выкупом их непосредственно в торговом предприятии сети [11].

Каким же образом обеспечивалось соответствие действовавшему на тот момент законодательству? В данном вопросе ключевым фактором является ранее исследованный нами вопрос о том, в какой момент времени происходит заключение договора купли-продажи, а значит, и возникают договорные отношения. Ранее мы установили, что при дистанционной купле-продаже моментом заключения договора является получение продавцом от покупателя акцепта.

Напомним, что существенные условия должны быть согласованы к моменту или в момент получения акцепта от покупателя. Для розничной купли-продажи существенными условиями считаются условия о наименовании и количестве приобретаемого товара (предмет договора), а также цена договора [21].

Дистанционный способ заключения договора предусматривает согласование существенных условий договора вне помещения аптечной организации, поэтому достаточно не согласовывать какое-либо из трех существенных условий, для того чтобы договор не порождал правовых последствий для его сторон.

Иным подходом может быть оформление бронирования, как обязательства аптеки по предварительному подбору лекарственного препарата и согласовании стоимости будущей покупки [22]. Даже сегодня можно видеть, что данным механизмом активно пользуются аптечные сети.

Однако такой своеобразный метод обхода запрета на дистанционную продажу лекарственных средств вызывал судебные споры. В апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 28 сентября 2017 г. №33-19119/2017 по делу №2-292/2017 суд удовлетворил требования прокурора в защиту неопределенного круга лиц о недопустимости распространения информации о купле-продаже лекарственных препаратом дистанционным способом. Судом было установлено, что в действующем на тот момент приказе Минздравсоцразвития РФ от 27.07.2010 года №553н «Об утверждении видов аптечных организаций» интернет-аптеки не предусмотрены, и перечень учреждений-реализаторов является закрытым [23]. Основываясь на установленном запрете дистанционной продажи лекарственных препаратов, а также установленной административной ответственности за данную деятельность, суд пришел к выводу о допустимости удовлетворения заявленных прокурором требований.

По нашему мнению, данный судебный акт вызывает неоднозначные оценки, поскольку аналогичная практика немногочисленна, а в данном деле прокурором избран нехарактерный для этой категории споров способ защиты.

Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 2 декабря 2016 г. №Ф09-10250/16 по делу №А76-5846/2016 принято решение об отмене постановления о привлечении к ответственности по ст. 14.2 КоАП РФ сети аптек «Живика» за реализацию лекарственных средств дистанционным способом в сети Интернет.

Судом, в частности, было установлено, что «выбор товаров, в том числе лекарственных средств, осуществляется следующим образом: поиск лекарственного средства; выбор лекарственного средства; бронирование лекарственного средства в аптеке; оформление заказа <...> Доказательств того, что обществом осуществляется реализация лекарственных средств вне аптечных учреждений, управлением не представлено» [24]. Суд также указал, что договор «будет считаться заключенным в момент, когда покупатель явится в аптеку и купит товар» [24].

Дистанционная продажа безрецептурных лекарственных препаратов. В разгар ограничений, введенных в рамках борьбы с новой коронавирусной инфекцией (Covid-19) Президент РФ подписал Указ №187 от 20 марта 2020 года «О розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения»

в целях обеспечения доступности лекарственных средств населению [25]. Позже Федеральным законом РФ от 03.04.2020 №105-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и Федеральный закон "Об обращении лекарственных средств"» были внесены поправки в ст. 55 ФЗ №61 в части закрепления возможности дистанционной продажи безрецептурных лекарственных препаратов.

Исследователи Чуднов А.А., Умаров С.З. провели анализ рынка дистанционной торговли лекарственными препаратами до внесения изменений в закон (14 марта 2020 г.) и после этого (май 2020 г.) и установили, что изначально аптечные сети «Озерки», «Аптека.ру», «Пилюли», «Монастырев.рф», «Живика», «Вита», «Горздрав», «Мегааптека.ру», «Фиалка», «Столички», «Доктор Столетов» и другие имели возможность бронирования лекарственных препаратов на собственных интернет-площадках. При этом в исследовании отмечается, что аптечные сети не позволяли осуществлять интернет-оплату по сделанным заказам. Также указывается, что на сайтах «Еаптека.ру», «Монастырев.рф» и «Озон», доставка возможна была для всех категорий граждан, что, как отмечают авторы статьи, являлось нарушением законодательства [26].

Второй этап анализа дистанционной продажи безрецептурных лекарственных препаратов показал, что аптечные сети «Вита», «Доктор Столетов», «Озерки» ввели доставку лекарственных препаратов на дом. На сайтах «Озерки» и «Доктор Столетов» появилась возможность онлайн-оплаты заказа [27].

Иными словами, мы можем сделать промежуточный вывод о том, что драйвером введения дистанционной купли-продажи лекарственных препаратов в правовое поле стала именно пандемия Covid-19, хотя и до начала пандемии существовал запрос на реализацию инструментов онлайн-торговли, о чем свидетельствуют многочисленные практики аптечных сетей по бронированию, а иногда и доставке лекарственных средств гражданам на дом (еще до законодательного урегулирования данной услуги).

Дистанционная продажа рецептурных лекарственных препаратов. Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [28] предусмотрел возможности введения особых правовых режимов на отдельных территориях РФ с целью совершенствования общего правового регулирования по результатам экспериментального правового режима. Распространение этой практики, в том числе на рецептурные лекарства, называют очередным этапом в развитии онлайн-торговли лекарственными препаратами в России [29].

Предложения по проведению эксперимента в части дистанционной продажи рецептурных лекарственных препаратов поступали и в адрес компании «Ozon». Так, руководитель GR-проектов «Ozon» Алексей Киселёв-Романов заявлял, что компанией был установлен факт значительного (в несколько раз) превышения запросов на покупку рецептурных лекарственных препаратов, чем безрецептурных [30].

В результате Федеральным законом РФ от 20.10.2022 №405-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об обращении лекарственных средств"» был установлен экспериментальный правовой режим (далее – эксперимент) по «осуществлению розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения, отпускаемыми по рецепту на лекарственный препарат, дистанционным способом» [31].

Данный эксперимент проводится в г. Москве, Московской и Белгородской областях. Для оформления заказа пациент должен располагать электронным рецептом (или бумажным рецептом, внесенным в специальную информационную систему) на лекарственный препарат.

В перечень допущенных для участия в эксперименте были включены около 900 «условно рецептурных» лекарственных препаратов [39], по которым при обычной продаже через аптеку, последняя не обязана представлять контролирующим органам строгую отчетность. Заметим: в случае принятия

решения о приобретении лекарственного препарата дистанционно без электронного рецепта (или реквизитов обычного рецепта), пациент не сможет заключить договор на куплю-продажу такого рецептурного лекарственного препарата.

Средства массовой информации скептически отнеслись к позитивным оценкам итогов данного эксперимента. В годовщину начала эксперимента 1 марта 2024 года издание «Коммерсант» опубликовало материал под названием «Лекарства в сети не зарегистрированы» [32], где указало на основные проблемы в реализации проекта. В частности, издание процитировало владельца аптечной сети «Монастырев» Александра Монастырева обратившего внимание на то, что в структуре аптечных онлайн-продаж электронные рецепты составляют 1%.

Можно указать на целый ряд иных проблем, связанных с реализацией эксперимента. Так, медицинские организации, по сути, не заинтересованы в присоединении к эксперименту. Для них не установлено никаких стимулов по участию в нем, но создаются дополнительные обязанности по взаимодействию с информационной системой. В Москве в эксперименте участвует 391 медицинская организация (с учетом филиалов), однако изучение списка показывает, что все эти организации являются государственными и подчиняются Департаменту здравоохранения г. Москвы [33]. В то же время большое количество торговых площадок аптечных сетей в российских городах (которые удобны для пациентов с точки зрения близости к месту проживания) экспериментом не охвачены, и у них нет стремления подключиться к работе с рецептурными препаратами в онлайн-режиме.

Аптеки не проявляют заметного интереса к участию в эксперименте еще и потому, что их выручка по итогам 2023 года выросла на 7% даже без участия в эксперименте по дистанционной продаже рецептурных препаратов [34]. В целом, на сегодняшний день в списке участников эксперимента в Москве значится лишь 17 аптечных сетей.

По нашему мнению, для стимулирования эксперимента прежде всего следует рассмотреть перспективы материального стимулирования и упрощения процессов учета и характера отчетности как для аптечных организаций, так и медицинских организаций, участвующих в эксперименте. На сегодняшний день участники рынка в один голос жалуются на бюрократизацию процесса торговли рецептурными лекарственными средствами, что значительно снижает объемы онлайн-продаж [35].

Для всестороннего рассмотрения вопроса обратимся также к опыту Европейского союза. Законодательство Европейского союза изначально не ограничивало аптеки в дистанционной торговле лекарственными препаратами. Однако такие ограничения устанавливали государства – члены ЕС. В частности, широкую огласку получило дело аптечной сети «ДокМоррис» (DocMorris), которая в 2000 году приступила к дистанционной торговле лекарственными препаратами [36].

Национальное законодательство Германии запрещало подобную деятельность, однако, несмотря на это лекарственные препараты «ДокМоррис» доставлялись почтой по всей территории страны. Сеть «ДокМоррис» посчитала запрет – инструментом, ограничивающим право на свободное перемещение товаров.

Суд Европейского союза, изучив проблему, принял решение, что установленный в Германии запрет действительно препятствует перемещению товаров [37]. Одновременно произошла либерализация законодательства, разрешившая дистанционную продажу как рецептурных, так и безрецептурных лекарственных препаратов [38].

Сегодня законодательство Европейского союза позволяет приобретать лекарственные препараты, в том числе, в онлайн-режиме. Акцент регулирования в ЕС сделан на снижении риска покупки некачественных или фальсифицированных лекарственных препаратов. Так, существует специальное разрешение (регистрацию

осуществляют национальные органы) для аптечных организаций на онлайн-торговлю лекарственными препаратами на территории Европейского союза [39].

Для удобства определения потребителями уполномоченных на интернет-торговлю лекарствами аптечных интернет-сайтов Европейская комиссия ввела общий логотип, который указывается на веб-сайтах зарегистрированных в установленном порядке розничных продавцов. Причем сам логотип должен быть «кликабельным» (представлять собой гиперссылку) для перехода на сайт регулятора, содержащего всю информацию о порядке дистанционной продаже лекарственных препаратов, а также о продавцах, уполномоченных на дистанционную торговлю ими [40].

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, рассматриваемые отношения имеют отношение к частноправовым институтам: момент заключения договора и согласования его существенных условий непосредственно связан с признанием договора заключенным дистанционно. Основываясь на таком подходе, аптечные сети до официального разрешения дистанционной торговли лекарственными препаратами имели возможность осуществлять бронирование лекарств по заказу потребителей на своих интернет-площадках.

Во-вторых, в рассмотренных правоотношениях ограничением на дистанционную торговлю лекарственными средствами выступал не прямо прописанный запрет, а публично-правовое регулирование в части установления требований к лицензируемому виду деятельности, где не предусматривалась возможность продажи лекарственных средств вне аптечных организаций.

В-третьих, проведенная в 2020 году реформа позволила легализовать продажу безрецептурных лекарственных препаратов дистанционным способом. Эксперимент по дистанционной торговле рецептурными лекарственными препаратами имеет в настоящее время меньший успех ввиду совокупности негативных факторов его организации; его итоги, очевидно, должны будут стать объектом дальнейших исследований в данной сфере: так, по окончании экспериментального периода законодателю предстоит проанализировать соотношение между количеством обязательных требований и запросами потребителей, желающих получить рецептурный лекарственный препарат, не выходя из дома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рынок интернет-торговли в России // АКИТ. – URL: <https://akit.ru/analytics/analyt-data?ysclid=lv0qpgzbpk474683214> (дата обращения: 22.12.2024).
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) в ред. от 25.05.2023 // СПС «Консультант-Плюс».
3. Фролов, И.В. Проблемы определения понятия «дистанционная торговля» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №12-1. – С. 31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-ponyatiya-distantsionnaya-torgovlya> (дата обращения: 23.09.2024).
4. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (принят ЮНСИТРАЛ 12 июня 1996 г.) // Официальное издание ООН. – Нью-Йорк, 1996.
5. Белов, В.А. Смарт-торговля (цифровая торговля): основные положения о цифровизации договорных отношений с участием потребителей // Вестник арбитражной практики. – 2022. – №3. – С. 17–23.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).

8. Тюнин М.В. Основные направления развития правового регулирования цифровой экономики / М.В. Тюнин, О.А. Юрченко // ИС. Промышленная собственность. – 2024. – №2. – С. 37–41.

9. Федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

10. Мейер, Д.И. Русское гражданское право. – Санкт-Петербург, 1897.

11. Маслова, А. Проблема определения предмета дистанционной купли-продажи товаров, или чем можно торговать дистанционно в розницу // Юстиция. – 2019. – №1. – С. 36–45.

12. Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 №612 (ред. от 16.05.2020) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом».

13. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 №2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

14. Указ Президента РФ от 22.02.1992 №179 (ред. от 17.03.2020) «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена».

15. Федеральный закон от 22.06.1998 №86-ФЗ (ред. от 30.12.2008) «О лекарственных средствах».

16. Федеральный закон от 25.09.1998 №158-ФЗ (ред. от 29.12.2000) «О лицензировании отдельных видов деятельности».

17. Постановление Правительства РФ от 05.04.1999 №387 «О лицензировании фармацевтической деятельности и оптовой торговли лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – 19 апреля. – №16. – Ст. 1992.

18. Постановление Правительства РФ от 01.07.2002 №489 (ред. от 03.10.2002, с изм. от 04.02.2003) «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности», Постановление Правительства РФ от 06.07.2006 №416 (ред. от 28.07.2011) «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности».

19. Федеральный закон от 12.04.2010 №61-ФЗ (ред. от 30.01.2024) «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024).

20. Приказ Минздравсоцразвития России от 14.12.2005 №785 (ред. от 06.08.2007) «О Порядке отпуска лекарственных средств» (зарегистрировано в Минюсте России 16.01.2006 №7353).

21. Гладков, Е.Е. Договор розничной купли-продажи: общие положения и способы защиты // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2016. – №3(12). – С. 22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-rozничной-kupli-prodazhi-obschie-polozheniya-i-sposoby-zaschity> (дата обращения: 20.12.2024).

22. Гришина, О.П. Сайт аптечной организации // Аптека: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2018. – №6. – С. 20–28.

23. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 сентября 2017 г. №33-19119/2017 по делу №2-292/2017.

24. Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 2 декабря 2016 г. №Ф09-10250/16 по делу №А76-5846/2016.

25. Указ Президента РФ от 17.03.2020 №187 «О розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения».

26. Чуднов, А.А. Интернет-аптеки в условиях меняющегося законодательства, регулирующего дистанционную торговлю лекарственными препаратами / А.А. Чуднов, С.З. Умаров // Здоровье и образование в XXI веке. – 2020.

- №8. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-apteki-v-usloviyah-menyayuschegosya-zakonodatelstva-reguliruyuschego-distantsionnyu-torgovlyu-lekarstvennymi-preparatami> (дата обращения: 21.11.2024).

27. Постановление Правительства РФ от 31.05.2021 №827 «О внесении изменений в Правила выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам».

28. Онлайн-продажа рецептурных лекарств: что важно знать о стартовавшем эксперименте // Инфотекс Траст. - URL: <https://iitrust.ru/articles/expert/onlayn-prodaja-retsepturnyh-lekarstv-cto-vajno-znat-o-startovavshem-eksperimente/#:~:text=%D0%A1%20%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BF%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D1%83%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%B8%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D1%8B%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BD%D1%8B> (дата обращения: 23.12.2024).

29. Дистанционная продажа лекарств vs традиционные аптеки // Гарант Ру. - URL: <https://www.garant.ru/article/1523324/> (дата обращения: 30.12.2024).

30. Федеральный закон от 20.10.2022 №405-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об обращении лекарственных средств"».

31. Постановление Правительства РФ от 28.12.2022 №2465 «Об утверждении критериев включения лекарственных препаратов и фармакотерапевтических групп лекарственных препаратов в перечень лекарственных препаратов и фармакотерапевтических групп лекарственных препаратов, разрешенных к реализации в рамках эксперимента по осуществлению розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения, отпускаемыми по рецепту на лекарственный препарат, дистанционным способом».

32. Лекарства в сети не зарегистрированы // Коммерсантъ. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6534680?yclid=lwjbp2c9tb242755183> (дата обращения: 22.01.2025).

33. Эксперимент по осуществлению торговли лекарствами, отпускаемыми по рецепту, дистанционным способом // Мосгорздрав.ру. - URL: https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/citizens/experiment_sales_of_drugs_remotely.html (дата обращения: 31.01.2025).

34. AlphaRM: фармацевтический рынок в 2023 году // Фармацевтический вестник. - URL: <https://pharmvestnik.ru/analytics/AlphaRM-farmaceuticheskii-rynok-v-2023-godu.html?ysclid=lwj4001gmr903300153> (дата обращения: 22.12.2024).

35. Гаврилюк, А. Препаратные игры: что не так с онлайн-продажей рецептурных лекарств в Москве // Forbes. - URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/526580-preparatnye-igry-cto-ne-tak-s-onlajn-prodazhej-recepturnyh-lekarstv-v-moskve> (дата обращения: 04.02.2025).

36. Волков, А.К. Влияние права Европейского союза на регулирование национальных рынков фармацевтических средств государства-членов / А.К. Волков, А.А. Рыжков // Право. - URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2014/09/05/1315964565/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2.pdf?ysclid=lwj5f8dn1a286147054> (дата обращения: 04.01.2025).

37. Judgment of the Court of 11 July 1974. Procureur du Roi v Benoit and Gustave Dassonville. Case 8-74 // European Court reports. - 1974. - P. 00837.

38. Gesetz zur Modernisierung der Gesetzlichen Krankenversicherung (GKV-Modernisierungsgesetz) - vom 14. - November 2003 BGBl. IS. 2190 (№ 55). Zuletzt geandert durch Artikel 1 G. v. 15.12.2004 BGBl. IS. 3445.

39. Buying medicines online // European medicines agency. - URL: <https://www.ema.europa.eu/en/human-regulatory-overview/public-health-threats/falsified-medicines-overview/buying-medicines-online> (дата обращения: 10.01.2025).

40. Directive 2001/83/EC of the European Parliament and of the Council of 6 November 2001 on the Community code relating to medicinal products for human use // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32001L0083> (дата обращения: 22.05.2024).

41. Directive 2011/62/EU of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011 amending Directive 2001/83/EC on the Community code relating to medicinal products for human use, as regards the prevention of the entry into the legal supply chain of falsified medicinal products Text with EEA relevance // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32011L0062> (дата обращения: 22.05.2024).

42. Implementing Regulation 699/2014 on 24 June 2014. // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:JOL_2014_184_R_0004&from=EN (дата обращения: 29.01.2025).

LEGAL REGULATION OF THE DISTANCE TRADING MARKET MEDICINAL PRODUCTS

Pimenov S.A.

This article explores the transition of the Russian pharmaceutical market to online commerce. The goal of the study is to identify and describe the peculiarities of regulating activities related to online trading in Russia, using the pharmaceutical market as an example. Online commerce in the pharmaceutical market is comprehensively regulated in the context of the sale and purchase of medicinal products, which justifies the focus of the research. An analysis of legal categories such as the concept of distance trading has been conducted, along with a comparison of online trading and distance buying and selling. The study describes the moment of contract conclusion in distance trading, which affects the qualification of the contract in online trading, and also elucidates the legal regimes of online trading of medicinal products (both prescription and over-the-counter), including in historical and comparative legal contexts.

Keywords: pharmaceutical market; online trading; medicinal products; distance selling; distance selling of medicinal products.

УДК 347.19

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЛЕНА НЕКОММЕРЧЕСКОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Санович Софья Александровна

Аспирант Института права и национальной безопасности
Президентской академии (РАНХиГС),
Москва, Российская Федерация
SPIN-код: 5754-0297

Некоммерческие корпоративные организации долгое время являются объектом для исследования учеными-правоведами. При этом предметные изменения в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) о правовом положении были внесены только в 2014 г. Это важный шаг, требующий дальнейшего осмысления правового положения некоммерческих корпоративных организаций, переосмысления некоторых вопросов, что касается также и правового статуса их членов. Более того, включение в кодифицированное гражданское законодательство отдельного параграфа, посвященного некоммерческим корпоративным организациям, еще не означает, что при этом удалось охватить все значимые вопросы или избежать противоречий, пробелов в правовом регулировании. Таким образом, содержание правового статуса членов некоммерческих корпоративных организаций на современном этапе однозначно характеризуется высокой степенью актуальности.

Ключевые слова: некоммерческая организация, некоммерческая корпоративная организация, член некоммерческой корпоративной организации, правовой статус, права, обязанности.

Реформа гражданского законодательства 2014 года стала отправной точкой в определении правового положения некоммерческих корпоративных организаций. В результате внесенных изменений удалось существенно уточнить и конкретизировать ряд правовых норм, которые ранее вызывали неоднозначное толкование в правоприменительной практике.

Законодательная реформа позволила устранить существующие пробелы и противоречия, связанные с правовым регулированием деятельности некоммерческих корпоративных организаций, что способствовало формированию более четкой и понятной правовой базы для их функционирования.

В частности, были уточнены ключевые положения, касающиеся прав и обязанностей участников таких организаций, их управленческих полномочий и механизмов реализации корпоративных прав, что ранее являлось предметом различных правовых интерпретаций.

В связи с этим целью данного исследования является анализ содержания правового статуса члена некоммерческой корпоративной организации.

Достижение поставленной цели исследования требует решения таких задач:

- выделить характерные черты некоммерческой корпоративной организации;
- обозначить некоторые элементы содержания правового статуса члена некоммерческой корпоративной организации.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается во всестороннем изучении и систематизации ключевых аспектов правового положения участников некоммерческих корпоративных организаций. В ходе работы удалось сформировать обновленную интерпретацию ряда концептуальных положений данной темы.

С практической точки зрения, результаты исследования создают методологическую основу для дальнейшего углубленного изучения проблематики и могут быть использованы при разработке практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования статуса членов некоммерческих корпоративных организаций.

Основная часть

В результате проведенной реформы гражданского законодательства взамен § 5, который был введен в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) с момента принятия этого кодифицированного акта в 1996 г., в 2014 г. был включен § 6, который содержит в себе нормы, посвященные некоммерческим корпоративным организациям [1]. К сожалению, нововведения удовлетворяют вышеупомянутые вопросы лишь отчасти, а некоторые, наоборот, порождают новые коллизии.

С момента появления в законодательства понятия «юридическое лицо» прошло немало лет прежде, чем законодатель уточнил вопросы, которые возникали у правоприменителей для уточнения положений, закрепленных в нормах закона. К таким вопросам можно отнести вопросы о выявлении отличительных черт, которые присущи некоммерческим корпоративным организациям в вопросе реализациями ими предпринимательской деятельности. Кроме этого, законодатель планировал провести ряд изменений, в ходе которых специальное законодательное регулирование будет включать в себя упоминание норм ГК РФ [2]. Именно с этими вопросами и иными вопросами сталкиваются ученые-правоведы и участники гражданско-правового оборота на практике.

Параграф представлен по принципу включения в него общих положений и специальных:

- основные положения о некоммерческих корпоративных организациях, которые являются не просто базисными, а общими для разных видов таких организаций (ст. 123.1 ГК РФ). То есть, это единые положения;
- специальные положения, так как приведены нормы в отношении разных видов некоммерческих корпоративных организаций (ст. 123.2-123-16.3 ГК РФ). В пределах указанных статей раскрываются те или иные вопросы, в зависимости от вида некоммерческой корпоративной организации, о которой идет речь.

Общие основы правового положения некоммерческих корпоративных организаций, как можно понять по сказанному, заложены в ст. 123.1 ГК РФ. Эти положения, безусловно, закладывают основы для построения правового статуса также членов этих организаций, требуя, как представляется первичного внимания по отношению к себе.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 123.1 ГК РФ, что возможно расценивать как определение законодателя, некоммерческие корпоративные организации представляют собой юридические лица, не преследующие в качестве основной цели деятельности извлечение прибыли, не распределяющие полученную прибыль между участниками (ч. 1 ст. 50, ст. 65.1 ГК РФ) и учредители (участники) которых

приобретают право участия (членства) в них, а также формируют их высший орган, согласно ч. 1 ст. 65.3 ГК РФ.

Создание некоммерческих корпоративных организаций происходит исключительно на основании волеизъявления их учредителей. Процедура создания таких организаций инициируется посредством принятия соответствующего решения на высшем управленческом органе – общем учредительском собрании, конференции или съезде (ч. 3 ст. 123.1 ГК РФ).

В компетенции этих органов находится не только принятие основополагающего решения о создании, но и утверждение учредительного документа – устава организации, а также формирование её управленческих структур.

Особого внимания заслуживает предусмотренная законодательством возможность включения в устав специального положения, согласно которому коллегиальный орган управления корпорации получает полномочия принимать стратегические решения о:

- созданию новых юридических лиц
- участию в других организациях
- формировании филиалов
- открытии представительств

Данная норма закреплена в части 5 статьи 123.1 ГК РФ и существенно расширяет управленческие возможности корпорации в вопросах её развития и расширения.

Обращаясь к практике, например, общественные объединения начинают свое существование с момента принятия решения его органами, а с момента регистрации у общественных организаций возникает правоспособность [3]. В отечественной литературе существуют исследования о том, что достаточно большой процент общественных организаций начинают осуществлять свою уставную деятельность до момента государственной регистрации [4]. Также в этих исследованиях показано, что в практике существуют случаи, когда государственная регистрация не проводится и в дальнейшем.

Организации анализируемого вида признаются собственниками своего имущества (ч. 4 ст. 123.1 ГК РФ).

Обратившись к ст. 123.1 ГК РФ, как видно по ее содержанию, не усматривается наличие раскрытия содержания правового статуса членов некоммерческих корпоративных организаций ни в общем, ни тем более в развернутом виде. Логично бы было в отмечаемых условиях приходиться к выводу, что при урегулировании правового положения разных видов некоммерческих корпоративных организаций, законодатель раскрывает правовой статус их членов в этих нормах. Это предположение верно лишь отчасти, потому что в некоторых статьях действительно раскрываются права и обязанности членов некоммерческих корпоративных организаций, как например в ст. 123.6 ГК РФ, где речь идет о содержании правового статуса таких некоммерческих корпоративных организаций как общественные организации.

Из приведенных выше норм следует, что также необходимо обратить внимание на иные новеллы законодательства, поскольку именно в этой реформе было выделено деление юридических лиц на корпоративные и унитарные организации. В данном исследовании эта новелла имеет наибольшее значение поскольку деление юридических лиц на корпоративные и унитарные происходит по наличию или отсутствию членства в этих организациях. Вывод о существовании подобного признака может быть с полной однозначностью сделан по содержанию ст. 65.1 ГК РФ. Отмечаемое деление, как впоследствии неоднократно утверждалось в цивилистической доктрине, было введено для того, чтобы достигнуть единства в части правил о создании, управлении, имущественной самостоятельности разных организационно-правовых форм юридических лиц и т.п. [5, с. 156]

Корпорация представляет собой именно юридическое лицо, которое объединяет учредителей на правах участия (членства), наделяя их правом

формировать высший орган организации. Подвергая оценке положенные в основу этого определения признаки корпорации, характерность которых говорит о том, что речь идет именно о корпорации, имеется возможность утверждать, что корпоративные правомочия вполне едины для коммерческих и некоммерческих организаций (на участие в управлении корпорацией, на получение информации о деятельности корпорации, на защиту корпоративных интересов или интересов всей корпорации) [6, с. 415]. Было бы ошибочно полагать, что сказанное не определяет в том числе содержания правового статуса членов некоммерческих корпоративных организаций. Точнее, в соотношении с определением некоммерческой корпоративной организации по ч. 1 ст. 123.1 ГК РФ, указанное позволяет дать оценку положениям ст. 65.2 ГК РФ о правах и обязанностях участников корпорации, как основных элементах содержания правового статуса, хотя и не единственных, с общей точки зрения. Другие права и обязанности членов некоммерческих корпоративных организаций, безусловно, также имеют место. Их возможно встретить в иных нормах ГК РФ, они отражены в продолжающем свое действие специальном законодательном акте о некоммерческих организациях – Федеральном законе от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», как еще более дифференцируются в уставах некоммерческих корпоративных организаций, уже не на общих основаниях, а в привязке к конкретному субъекту, определенной сфере деятельности, то есть, в условиях специализации [7]. В контексте же единого общего, следует оценивать права и обязанности некоммерческих корпоративных организаций через положения о корпорациях.

Дополнить приведенные выше обоснования следует тем, что априори некоммерческие корпорации не предполагают наличия вещных или обязательственных имущественных прав членов корпорации на ее имущество, помимо того, что они лишены права распределять полученную прибыль среди своих членов [8, с. 195]. Это совершенно очевидное утверждение, потому что, основываясь на положениях Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», некоммерческие организации по общему правилу создаются для определенных целей, а именно социальных, образовательных и иных, которые своей первостепенной задачей ставят достижение общественных благ. Таким образом, цель с которой создается некоммерческая организация предопределяет особенности правового статуса членов, права которых могут быть отражены в специальных законах об отдельных видах некоммерческих корпоративных организациях.

К общим правам членов некоммерческих корпоративных организаций, следует:

- право принимать участие в текущих делах организации;
- право получать информацию о состоянии организации, иметь доступ к документации;
- право обжаловать решения органов управления организации;
- право требовать, возмещения причиненных ей убытков в результате действий от имени организации;
- право оспаривать совершенные организацией сделки по определенным законом основаниям, требовать применения последствий недействительности таковых сделок, последствий недействительности ничтожных сделок.

Иные права могут быть предусмотрены специализированными законами и учредительными документами организации. Например, в законодательстве Российской Федерации, есть специальный закон, касающийся общин коренных малочисленных народов, в котором закреплены общие положения о данной структуре [9]. Но в то же время данный вопрос, а точнее регулирование правового статуса общин, субъекты Российской Федерации имеют право в силу региональных особенностей регулировать самостоятельно. К таким законам можно отнести законы об организации общин народов Севера, Сибири, Дальнего Востока [10], Ханты-Мансийского округа [11] и другие.

Анализ регионального законодательства позволяет нам сделать вывод о том, что закреплённые там нормы не всегда соотносятся с нормами, закреплёнными в ГК РФ.

Что касается обязанностей, возложенных на членов некоммерческой корпоративной организации, то к ним следует отнести:

- обязанность принимать участие в создании имущества организации;
- обязанность не разглашать секретно-конфиденциальную информацию о состоянии организации;
- обязанность участвовать в принятии решений, без принятия которых могут возникнуть негативные последствия для компании, если такое участие является обязательным;
- обязанность не совершать действий, которые были бы заведомо негативно направленными против организации;
- обязанность не совершать действий, препятствующих (делающих в принципе невозможным) достижению целей, ради которых создана организация;
- иные обязанности.

Анализ действующей нормативно-правовой базы позволяет сделать следующий вывод: несмотря на масштабную модернизацию законодательства Российской Федерации в сфере регулирования некоммерческих организаций, правовая система всё ещё содержит значительное количество пробелов и неточностей.

Данные пробелы в законодательстве создают почву для неоднозначной трактовки правовых норм, что может привести к различным интерпретациям в зависимости от конкретной ситуации и правоприменительной практики.

Такая ситуация требует дальнейшего совершенствования законодательной базы для устранения существующих противоречий и обеспечения более чёткого правового регулирования деятельности некоммерческих организаций.

В современной правовой системе все организации классифицируются на две основные категории: унитарные и корпоративные, что определяется наличием или отсутствием членства.

Корпоративные организации представляют собой особый вид юридических лиц, функционирующих на основе членства, что закреплено в действующих нормативно-правовых актах.

Особенность корпоративных организаций заключается в том, что их учредители, обладая правами участия, получают возможность не только формировать высший орган управления, но и принимать стратегические решения относительно дальнейшей деятельности организации.

Таким образом, корпоративная форма организации предполагает активное участие членов в управленческих процессах и определении будущего развития юридического лица.

Подавляющее большинство современных некоммерческих организаций функционирует в форме корпораций, что послужило основанием для введения специального раздела в Гражданский кодекс Российской Федерации, регламентирующего их правовой статус.

В таких корпоративных структурах особую значимость приобретают два ключевых элемента: во-первых, правовой статус участников организации, и во-вторых, их положение в рамках корпоративной структуры.

Это обусловлено тем, что члены корпорации не просто являются составной частью организации, но и наделяются определёнными правами и обязанностями, которые напрямую влияют на функционирование и развитие всей организации в целом.

Корпоративное законодательство устанавливает единый набор прав как для коммерческих структур, так и для некоммерческих организаций. Такая унификация позволяет применять схожие правовые нормы к некоммерческим корпоративным организациям, включая фундаментальные права участников: возможность

участвовать в управленческом процессе, получать доступ к корпоративной информации и защищать свои корпоративные интересы.

Все эти права и обязательства подробно прописаны в статье 65.2 Гражданского кодекса РФ. При этом важно отметить, что правовой статус членов некоммерческих корпоративных организаций определяется не только указанной статьей, но и другими положениями ГК РФ, а также дополнительными федеральными законами и учредительными документами организации.

Такой комплексный подход к регулированию обеспечивает всестороннюю правовую защиту интересов участников корпоративных отношений и устанавливает четкие рамки их взаимодействия с организацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Сойфер Татьяна Владимировна Некоммерческие организации: проблемы гражданской правосубъектности // Журнал российского права. 2018. №1 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskie-organizatsii-problemy-grazhdanskoj-pravosubektnosti>
3. Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об общественных объединениях" (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).
4. Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М., 2007. С. 12.
5. Клюстер Н.Ф. Признаки некоммерческих корпоративных организаций // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. С. 155-158.
6. Андропов В.А., Беляев К.П., Гонгало Б.М. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. Постатейный комментарий. М.: Статут, 2012. 1326 с.
7. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.
8. Умарова М.А. Отношения участия (членства) в некоммерческих организациях // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12. С. 194-196.
9. Федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" от 30.04.1999 N 82-ФЗ.
10. Федеральный закон "Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" от 20.07.2000 N 104-ФЗ (последняя редакция).
11. Закон Ханты-Мансийского автономного округа «Об общинах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» от 19 ноября 2001 года N 73-оз

CONTENT OF THE LEGAL STATUS OF A MEMBER OF A NON-PROFIT CORPORATE ORGANIZATION

Sanovich S.A.

Non-profit corporate organizations have been known to the doctrine for a long period of time. At the same time, substantive changes to the Civil Code of the Russian Federation on their legal status were made only in 2014. This is an important step that requires further understanding of the legal status of non-profit corporate organizations, rethinking some issues, which also concerns the legal status of their members. Moreover, the inclusion of a separate paragraph devoted to non-profit corporate organizations in the codified civil legislation does not mean that it was possible to cover all significant issues or avoid contradictions and gaps in legal regulation. Thus, the content of the legal status

of members of non-profit corporate organizations at the present stage is clearly characterized by a high degree of relevance. Thus, the content of the legal status of members of non-profit corporate organizations at the present stage is clearly characterized by a high degree of relevance.

Keywords: non-profit organization, non-profit corporate organization, member of a non-profit corporate organization, legal status, rights, obligations.

УДК 347.1

МЕРЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Чекунова Ольга Никандровна

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
SPIN-код: 7212-7397

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
SPIN-код: 3553-6855

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры частного права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова;
SPIN-код: 5203-1404

В статье рассматриваются вопросы правовой квалификации недействительности сделок. Подчеркивается, что признание сделки недействительной является одним из самых наиболее эффективных способов защиты гражданских прав от недобросовестных действий участников гражданского оборота. Новации в правилах о недействительности сделок направлены на укрепление основополагающего принципа добросовестности участников гражданского оборота. Установление перечня сделок, при удостоверении которых нотариус обязан применять «антиотмывочные» меры – один из таких механизмов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов добросовестных участников правоотношения. При этом недействительные сделки, в своем большинстве, не порождают никаких законных последствий за исключением причинения ущерба не только стороне сделки, но и государству, и обществу, его ценностям и устоям. Обновление всех отраслей российского законодательства, формирование новых подходов в судебной практике позволит обеспечить стабильность гражданского оборота, надежность защиты интересов государства и общества.

Ключевые слова: недействительность сделок, недействительность договора, «антиотмывочные» меры, ничтожность сделки, защита гражданских

прав, юридический факт, принцип добросовестности, реформа гражданского законодательства, недобросовестные действия участников гражданского оборота.

Признание сделки недействительной – важнейший способ защиты нарушенного или оспариваемого гражданского права [5]. Несмотря на то, что в российском гражданском праве институт недействительности сделок существует давно, закон не выделяет общего понятия недействительности сделок. Новелла гражданского законодательства о недействительности договора также не определяет понятие недействительности, лишь отсылает руководствоваться общими положениями о недействительности сделок (ст. 431.1 ГК РФ) [1].

При определении понятия недействительной сделки необходимо учитывать следующее. В праве встречаются случаи, при которых ожидаемый результат по всем правовым нормам должен был наступить, не наступает. Такие случаи проявляются в дефектных образующих сделку элементах, наличие которых (хотя бы одного порочного элемента), влечет за собой ненаступление ожидаемого для сторон результата, напротив, влечет негативные юридические последствия. К порокам Гражданский кодекс относит пороки содержания, пороки формы, пороки субъектного состава, пороки воли. Кроме того, любая сделка, которая не имеет пороков отдельных элементов, но противоречит действующему законодательству, также как и сделка с пороками, является недействительной [4].

Сделки с пороками содержания являются недействительными при несоответствии условий сделки требованиям закона или иных правовых актов, нарушающие основы правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ). Сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.) нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. Стороны мнимой сделки ее формальное исполнение осуществляют для вида: во избежание обращения взыскания на движимое имущество должника заключают договоры купли-продажи или доверительного управления и составляют акты о передаче данного имущества, при этом сохранив контроль соответственно продавца или учредителя управления за ним. Целью притворной сделки является не тот правовой результат, который должен возникнуть. Данная совершаемая сделка представляет собой две сделки: истинная, ради которой совершалась сделка, и притворная, прикрывающая собой истинную сделку [2].

Так как притворная сделка не имеет основания, то она неизменно недействительна. Притворяемая же сделка будет действительной, если она не противоречит требованиям законодательства, и недействительной, если противоречит. Участник общества с ограниченной ответственностью заключил договор дарения части, принадлежащей ему доли в уставном капитале общества третьему лицу с целью дальнейшей продажи оставшейся части доли в обход правил о преимущественном праве других участников на покупку доли, договор дарения и последующая купля-продажа части доли могут быть квалифицированы как единый договор купли-продажи, совершенный с нарушением названных правил. Соответственно, иной участник общества вправе потребовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя.

Сделки с пороками воли и волеизъявления предполагают, что на формирование воли субъекта оказали влияние определенные факторы, и волеизъявление возможно не отвечает внутренней воле субъекта. К таким сделкам относятся сделки, совершаемые под влиянием угрозы, обмана, насилия. Обман есть намеренное введение лица в заблуждение предоставлением ложного заявления, обещания. Обманом считается не только предоставление информации не соответствующей действительности, но и намеренное умолчание об

обстоятельствах, о которых лицо обязано было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота (п. 2 ст. 179). Угроза есть неправомерное психическое влияние на другую сторону, которое представляет собой предупреждение о нанесении ему или его близким значительный вред в будущем, чтобы это избежать, потерпевшая сторона совершает сделку. Факторами, повлиявшими на формирование волеизъявления, могли быть неспособность лица понимать значения своих действий или руководить ими.

Кабальные сделки так же являются недействительными. Для такой сделки характерно, что потерпевшая сторона вынуждена совершить ее из-за присутствия тяжелых обстоятельств на весьма невыгодных для себя условиях, этим воспользовалась другая сторона. Обязательным условием кабальной сделки является наличие тяжелых обстоятельств, весьма невыгодные условия свершения сделки, осведомленность другой стороны о данных условиях, использование их в своих целях.

Сделка должна быть совершена субъектами, которые наделены конкретными качествами, а именно, волевыми. Волевые действия лица имеют юридический смысл. Ими являются дееспособные лица. Отсюда следует, что для совершения сделки, гражданин обязан обладать дееспособностью. Для юридического лица условиями для признания сделки недействительной являются: сделка совершена с нарушением ограничений, установленных учредительным документом (иными корпоративными документами) или договором с представителем, и противоположная сторона сделки знала или должна была знать об этом. При этом не требуется устанавливать, нарушает ли сделка права и законные интересы истца каким-либо иным образом.

Анализ судебной практики по делам о признании сделок недействительными показал, что недобросовестные участники оборота, опираясь на нормы права, бесосновательно оспаривают договоры по формальным основаниям в качестве инструмента отказа от невыгодных сделок и договоров.

Потому целью реформы института недействительности сделок было: ограничить возможность оспаривания сделок в целях стабильности гражданского оборота и устранения неопределенности применения данной меры в случае ее несоразмерности характеру и последствиям допущенного нарушения при совершении сделки. Было предложено использовать недействительность реже, сделки сохранять, отказывать по искам как можно чаще тем, кто вел себя недобросовестно. При оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействовать ей в том числе в получении необходимой информации.

Таким образом, основная тенденция изменений законодательства направлена на развитие принципа добросовестности, который был закреплен с принятием первого пакета поправок (ФЗ от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ « О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса РФ). Статья 1 дополнена пунктом 4, устанавливающим, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [1].

Сделанное в любой форме заявление о недействительности сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (пункт 5 статьи 166 ГК РФ). Пленум п. 70., иск такого лица не подлежит удовлетворению. В соответствии со статьей 10 ГК РФ суд отказывает в защите права такому лицу [2].

По сложившемуся в доктрине гражданского права подходу, в зависимости, от юридических оснований признания сделки недействительной, выделяют сделки ничтожные и оспоримые.

Ничтожность или абсолютная недействительность сделки указывает на то, что действие, которое было совершено в виде сделки не влечет правовой результат, который ожидали стороны данной сделки. Согласно п. 1 ст. 166 ГК РФ: «Ничтожная сделка является недействительной независимо от признания ее таковой судом», это значит, что решение суда о признании ее недействительной не требуется, независимо от того, оспаривают ее или нет. Так, например, скупка краденого или покупка ценной вещи у недееспособного не порождает право собственности у приобретателя, также как и залог недвижимости, который не был заверен нотариусом, не порождает права залогодержателя.

В отличие от ничтожных сделок, оспоримая сделка признается действительной до тех пор, пока она не будет признана недействительной решением суда. Возможность ее оспаривания принадлежит определенным лицам, указанным в законодательстве. Оспоримость сделки означает необходимость доказывания какого-либо факта, имеющего значение для действительности сделки. Чаще всего доказываются факты, связанные с волеизъявлением лица при заключении сделки, или с наличием согласия на совершение сделки определенных категорий лиц: родителей, опекунов.

Важно отметить, что иск о признании оспоримой сделки недействительной должен быть заявлен в течение установленного законом срока исковой давности.

Таким образом, реформа гражданского законодательства существенно изменила сложившуюся ранее систему регулирования сделок.[6]. Презумпция ничтожности сделки оказалась перевернутой. Сделки, совершенные с нарушением требований закона стали оспоримыми, по общему правилу. Только в случае нарушения публичного интереса такая сделка считается ничтожной. Расширен круг обстоятельств, которые надо доказать для признания сделки недействительной. Сокращен круг лиц, которые вправе оспорить сделку. Наложено запрещение на оспаривание сделок при отсутствии реального нарушения прав и законных интересов истца. Введено ограничение на оспаривание сделки стороной, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделку.

Среди других существенных нововведений необходимо остановиться на возможности признания гражданско-правового договора (сделки) недействительным. Концепция недействительности договора построена на принципе «сохранения один раз заключенного договора». Это лишает недобросовестного должника требовать недействительности договора, если долг он принял, а сам исполнить обязательство отказался. При этом общие положения о недействительности сделок распространяются на случаи признания договора (сделки) недействительным в соответствии с положениями параграфа 2 главы 9 ГК РФ, если иное не установлено правилами об отдельных видах договоров и ст. 431.1. ГК РФ (п. 1 указанной статьи).

Таким образом, договор должен соответствовать императивным нормам, действующим в момент его заключения. Законом могут предусматриваться обязательные требования к порядку заключения договора, ограничения субъектного состава лиц в отношении определенных категорий сделок, устанавливаться ограничения правоспособности и дееспособности для определенных категорий лиц. Кроме того, гражданское законодательство устанавливает принципы и обязательные правила, которым должно соответствовать поведение участников оборота. Несоответствие договора либо поведения его сторон подобным требованиям может повлечь его недействительность.

Мерам защиты гражданских прав добросовестных участников гражданского оборота послужит также вступивший в силу 31 января 2025 года Приказ Росфинмониторинга от 23.12.2024 N 333 "Об определении удостоверяемых нотариусом сделок, предусмотренных подпунктом 2 пункта 1 статьи 7.1 Федерального закона от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" (Зарегистрировано в Минюсте России 17.01.2025

№ 80953). В частности, установлена обязанность нотариуса по применению предусмотренных пунктом 1 данной статьи "антиотмывочных" мер при удостоверении сделок, определенных Росфинмониторингом по согласованию с Федеральной нотариальной палатой (см. подп. 2 п. 1 ст. 7.1 Закона № 115-ФЗ). В перечень вошли: договоры возмездного отчуждения недвижимости, долей в уставном капитале ООО, медиативное соглашение, предметом которого является урегулирование спора имущественного характера, некоторые виды доверенностей, в отношении которых нотариус вправе отказать в удостоверении сделки в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Все это и многие другие нововведения позволят более широко применять меры гражданско-правовой защиты от недобросовестных действий участников гражданского оборота и будут способствовать сохранению в силе совершенных сделок.

В то же время решение поставленных вопросов требует существенного обновления других отраслей действующего законодательства и сложившейся судебной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 08.08.2024 с изм. от 31.10.2024 г.) [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=m4nonzk9lb755611115 (дата обращения 12.12.2024).

2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма"

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ"

4. Белов, В.А. Юридические факты в гражданском праве: учебник для вузов/В.О. Белов – Москва; издательство Юрайт, – 2025 год, 450 с.

5. Груздев, В.В. Способы защиты гражданских прав: учебник для вузов, 2-е изд. Москва, Издательство Юрайт, 2025. 350 с.

6. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги, 2-е изд. испр. и доп. М: Статут, 2018 г. 528 с.

MEASURES OF CIVIL PROTECTION AGAINST UNFAIR ACTIONS OF PARTICIPANTS IN CIVIL TURNOVER: PROBLEMATIC ISSUES

Chekunova O.N., Rubtsov S.N., Zuev A.V.

The article discusses the issues of legal qualification of the invalidity of transactions. It is emphasized that invalidation of the transaction is one of the most effective ways to protect civil rights from unfair actions of participants in civil turnover. The innovations in the rules on the invalidity of transactions are aimed at strengthening the fundamental principle of good faith of participants in civil turnover. Establishing a list of transactions for which a notary is required to apply "anti-money laundering" measures is one such mechanism that protects the rights and legitimate interests of bona fide participants in a legal relationship. At the same time, invalid transactions, for the most part, do not generate any legitimate consequences, except for causing damage not only to the party to the transaction, but also to the state and society, its values and foundations. Updating of all branches of Russian legislation and the formation of new approaches in judicial practice will ensure the stability of citizens.

Keywords: invalidity of transactions, invalidity of the contract, "anti-laundering" measures, nullity of the transaction, protection of civil rights, legal fact, principle of good faith, reform of civil legislation, unfair actions of participants in civil turnover.

УДК 347.1

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Чекунова Ольга Никандровна

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
SPIN-код: 7212-7397

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
SPIN-код: 3553-6855

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры частного права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
SPIN-код: 5203-1404

В статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием действенной системы юридических средств, образующих механизм осуществления корпоративных прав участниками гражданского оборота. Корпоративные права учредителя (участника) во многом определяются видом и типом корпорации, особенностями правового положения корпорации. В статье подчеркивается, что реформа юридических лиц не только усилила имущественную ответственность корпораций, усилена ответственность их учредителей и участников. В рамках антикризисных мероприятий предусмотрена ликвидация устаревших конструкций юридических лиц, в частности, планируется ликвидация унитарных предприятий. На место устаревших конструкций должны прийти, прежде всего, корпорации. Юридические лица – корпорации являются собственниками обособленного имущества и рискуют потерять его в отличие от унитарных предприятий, которые управляют публичной собственностью и ничем не рискуют. В статье подчеркивается, что право на получение ликвидационной квоты является неотъемлемым квалифицирующим признаком корпорации наряду с двумя уже существующими в законе признаками, а именно: учредители (участники) обладают правом членства и правом формирования высшего органа управления. Нормы Гражданского кодекса о корпоративном управлении, представляющие собой громоздкую, сложную систему управления требуют серьезного реформирования.

Ключевые слова: корпорация, правовое положение корпорации, юридическое лицо, гражданско-правовое сообщество, право на участие в распределении прибыли, ликвидационная квота, преимущественное право члена корпорации на приобретение доли участника, корпоративные права, учредитель (участник) корпорации, обособленное имущество корпорации.

Гарантированное законом осуществление корпоративных прав является актуальным направлением политики правового государства. Формирование действенной системы юридических средств, образующих механизм осуществления корпоративных прав определяется многими факторами: видом, типом корпорации, особенностями ее правового положения. Для понимания сущности корпоративных прав основополагающее значение имеет понятие корпорации.

В Гражданском кодексе понятие корпоративных отношений появилось в 2013 году в связи с проведением реформы гражданского законодательства [1]. Корпоративные правовые отношения наряду с вещными, обязательственными, неимущественными отношениями стали предметом гражданского права (ст. 2 ГК). В отличие от обязательственных правоотношений (договорных), построенных на принципе свободы договора, корпоративные отношения предполагают жесткое императивное регулирование. Корпоративные отношения предполагают два типа отношений: внутренние (отношения участников с корпорацией, между участниками корпорации) и внешние отношения (между корпорациями, материнскими и дочерними компаниями). Основополагающий признак корпорации – наличие обособленного имущества для ведения совместной деятельности. Создание корпорации – это объединение учредителями (участниками) корпорации имущества для осуществления совместной деятельности и для достижения, поставленных перед корпорацией задач [7].

Корпорации могут быть облечены в форму юридического лица или осуществлять субъективные гражданские права, не создавая юридического лица. Положения Гражданского кодекса Российской Федерации применяются к отношениям между участниками гражданско-правовых сообществ: кредиторов при банкротстве, сосособственников, сонаследников, участников собраний, которым сообщения (извещения) о проведении собраний были направлены, в соответствии с законом (п. 2 ст. 181.1 ГК). Корпорациями могут выступать гражданско-правовые сообщества, не наделенные правами юридического лица.

Реформа юридических лиц повысила требования к созданию, реорганизации и ликвидации юридических лиц, усилила их имущественную ответственность, а также усилила ответственность их учредителей и участников. Предусмотрена ликвидация устаревших конструкций юридического лица. Прежде всего, ликвидация унитарных предприятий. На место устаревших конструкций должны прийти, прежде всего, корпорации. Корпорации являются собственниками обособленного имущества и рискуют потерять его в отличие от таких унитарных предприятий, как государственные и муниципальные унитарные предприятия, которые управляют публичной собственностью и ничем не рискуют.

Корпорации – юридические лица могут создаваться в качестве коммерческих и некоммерческих организаций [4, с. 75]. Коммерческие корпорации – хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы (артели) [8]. Некоммерческие корпорации – потребительские кооперативы, общественные организации, товарищества собственников недвижимости и др. При этом необходимо подчеркнуть, что некоммерческие корпорации как форма некоммерческой организации известны только российскому праву, в зарубежном законодательстве такая форма отсутствует.

Исследование организационно-правовых форм корпоративных коммерческих и некоммерческих организаций показало, что правовое положение отдельных юридических лиц определяется не только Гражданским кодексом,

специальными федеральными законами, но также подзаконными нормативно-правовыми актами гражданского законодательства: указами Президента, постановлениями правительства, актами других федеральных органов исполнительной власти государства [9]. Зачастую это законодательство является коллизионным, что ведет к неопределенности правового статуса юридических лиц, искажению информации о них, многочисленным злоупотреблениям, нестабильности гражданского оборота [10].

Неопределенность статуса влечет серьезные проблемы осуществления и защиты корпоративных прав. В целом, корпоративные права, необходимо анализировать в нескольких аспектах. В первую очередь, корпоративное право, как позитивное право – это система норм, регулирующих корпоративные отношения. Субъективное корпоративное право – это право лица, вступившего в корпорацию. Субъективные корпоративные права, их характер и состав определяются видом корпорации, зависят от принципов, на которых построена корпорация.

В Гражданском кодексе под корпоративными правами понимаются права корпоративного управления. Это право участия (членства) в корпорации и право участника на формирование высшего органа управления корпорации.

Участники корпорации (участники, члены, акционеры и т.п.) вправе: участвовать в управлении делами корпорации (ст. 65 п.2 ГК). Право на участие в управлении делами корпорации, как установленная законом юридическая возможность члена корпорации участвовать в формировании ее высшего органа. Участие в управлении делами корпорации включает следующие правомочия: правомочие на участие в подготовке к проведению общего собрания участников, правомочие субъектов рассматриваемого права принимать участие в общем собрании участников корпорации.

В соответствии с законом именно участники корпорации образуют ее высший орган управления. Также в состав правомочий входят правомочие голосовать по вопросам, возникающим в корпорации, правомочие требовать проведения внеочередного общего собрания членов корпорации и правомочие созыва внеочередного общего собрания.

Таким образом, законом понятие корпорации определено как организации, обладающей двумя признаками: учредители (участники) обладают правом членства и правом формирования высшего органа управления. В отличие от них, юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами. В понятии корпорации не оказалось ее главного признака: права учредителя на получение ликвидационной квоты.

К числу важнейших корпоративных прав следует относить: право на участие в распределении прибыли, получение дивиденда и ликвидационной квоты. Под ликвидационной квотой понимается получение участником в случае ликвидации товарищества или общества части имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимости.

Право на участие в распределении прибыли обусловлено целью создания коммерческих корпораций – получение прибыли. Это право возникает в момент возникновения юридического лица и существует до его прекращения. Анализ судебной практики показал, что эти права имеют приоритетное значение, наибольшее количество судебных споров касается именно этой категории. Как субъективное право, установленная законом возможность участия в процедуре, направленной на распределение прибыли [3]. Важно иметь в виду, что между членами коммерческих организаций распределяется чистая прибыль. Это та часть прибыли, которая остается после вычета всех налогов, отчислений, сборов и т.д. Так, в обществах с ограниченной ответственностью решение о распределении прибыли принимается общим собранием его членов. Из этого следует, что указанные полномочия есть прежде всего у самой корпорации и у участников коммерческой корпорации, а также у иных заинтересованных лиц. В частности, в хозяйственных обществах и товариществах размер прибыли отдельного члена

корпорации зависит от величины его доли в уставном капитале корпорации [п.1 ст. 66 ГК]. Прибыль полных товарищей таким же образом распределяется между его членами пропорционально их долям в складочном капитале [п. 1 ст. 74 ГК].

Кроме того, законодательством допускается распределение прибыли на основании заключенного соглашения. Так, при заключении соглашения об управлении партнерством прибыль может распределяться между членами корпорации, а также третьими лицами, не являющимися членами товарищества. Прибыль производственного кооператива [п. 3 ст. 106.3 ГК] предусматривает, что прибыль производственного кооператива распределяется между его членами в соответствии с их трудовым участием, если иной порядок не предусмотрен законом о производственных кооперативах и уставом кооператива.

Права на дивиденд и на ликвидационную квоту являются корпоративными, а решение общего собрания о выплате дивиденда или ликвидационной квоты является условием реализации указанных прав [6]

Важнейшим является преимущественное право члена корпорации (участника общества с ограниченной ответственностью, хозяйственного партнерства, производственного кооператива) на приобретение доли выбывающего из корпорации участника. Содержание преимущественного права следующее. Доля может быть предметом различных гражданско-правовых сделок: купли-продажи, мены, дарения, залога. Владелец доли в уставном капитале вправе ее продать или осуществить отчуждение иным образом одному или нескольким участникам общества (членам корпорации). По общему правилу, согласия общества или других его участников на совершение такой сделки не требуется.

Что же касается продажи (уступки иным образом) участником общества своей доли третьему лицу (не участнику корпорации), то это возможно, если не запрещено законом или уставом общества. При этом другие участники общества имеют преимущественное право покупки доли участника, продающего ее по цене предложения третьему лицу.

Уставом общества могут быть предусмотрены и иные условия реализации права на отчуждение доли участником корпорации. Например, при отчуждении доли (либо ее части одному или нескольким участникам данного общества) требуется получение согласия общества или других его участников на совершение сделки по продаже или иной уступки доли в уставном капитале общества. Иное регулирование осуществляется в отношении уступки доли (ее части) третьим лицам. Участник вправе уступить свою долю (часть доли) третьим лицам только в случае, если это не запрещено уставом общества. Уставом общества может быть также предусмотрена необходимость получить согласие общества или остальных его участников на уступку доли (части доли) участника общества третьим лицам иным образом, чем продажа.

Установление усложненных правил уступки доли (части доли) третьим лицам обусловлено особым характером общества с ограниченной ответственностью, в котором личностные отношения участников имеют определяющее значение [7].

В первом чтении приняты поправки к Закону об обществах с ограниченной ответственностью о возможности ограничения уставом общества преимущественного права его участников на покупку доли. Проектом федерального закона № 788656-8 от 21 января 2025 года Госдума приняла в первом чтении проект поправок к закону об обществах с ограниченной ответственностью, согласно которому по решению общего собрания участников, принятому единогласно, в устав общества можно будет включать положения о неприменении правил о преимущественном праве покупки доли в отношении всех или отдельных участников либо их применении при условии наступления (не наступления) определенных обстоятельств или срока. Указанные положения могут быть предусмотрены уставом общества при его учреждении или при внесении изменений в устав.

Исключить из устава данные положения можно будет по решению общего собрания участников общества, принятому большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов участников общества, если необходимость большего числа голосов для принятия такого решения не предусмотрена уставом общества. Предполагается, что в случае перехода к другим лицам доли участника, в отношении которого установлены подобные ограничения, не применяются к новому владельцу доли, если только он, в свою очередь, сам не подпадает под критерии, которыми обусловлено их применение. Одновременно с этим законопроектом правительство РФ внесло в Госдуму проект поправок к ГК РФ, предусматривающим корректировку положений Кодекса, посвященных общим вопросам реализации преимущественного права.

Многие вопросы корпоративного права остаются неурегулированными, что оставляет простор для нормотворчества и формирования новых подходов в судебной практике.

Нормы об органах управления корпорацией представляют собой сложную, громоздкую систему, включающую многочисленные коллизионные нормы, которые требуют совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).
2. Федеральный закон от 26.12.2024 N 494-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".
3. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав: сборник научных трудов / В. П. Грибанов. – 2-е изд. – Москва: Статут, 2020. – С. 22 – (Классика российской цивилистики).
4. Зуев, А. В. Система гражданско-правовых средств защиты права собственности: проблемные аспекты / А. В. Зуев, К. Е. Кордобовская // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 20 ноября 2019 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2019. – С. 75-78.
5. Корпоративное право: учебный курс: в 2-х т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. М.: Статут, –2017. – 231 с.
6. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие// Статут, – 2020. – 146 с.
7. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, –2014. – 456 с.
8. Толстова, А. Е. Толкование гражданско-правовых норм: учебное пособие / А. Е. Толстова, А. В. Зуев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2024. – 60 с.
9. Чекунова О.Н. Идеи становления и развития корпоративного права в научном наследии И.А. Ильина //Ильинские чтения. Материалы VI международной научно-практической конференции/ Ответственный редактор О.А. Чулков. –2019. – С. 98-105.
10. Чекунова О.Н. Проблема классификации юридических лиц в российском законодательстве. // В сборнике: Сборник научных статей национальной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава ФГБОУ ВО "ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова". – 2018. –С. 261-265.

**PROBLEMS OF EXERCISING CORPORATE RIGHTS
BY PARTICIPANTS IN CIVIL TURNOVER**

Chekunova O.N., Rubtsov S.N., Zuev A.V.

The article discusses the problems associated with the formation of an effective system of legal means that form a mechanism for the exercise of corporate rights by participants in civil turnover. The corporate rights of the founder (participant) are largely determined by the type and type of corporation, and the specifics of the corporation's legal status. The article emphasizes that the reform of legal entities has not only increased the property responsibility of corporations, but also the responsibility of their founders and participants. As part of anti-crisis measures, it has provided for the elimination of outdated structures of legal entities, in particular, the liquidation of unitary enterprises is planned. Corporations should replace outdated structures, first of all. Corporate legal entities are owners of separate property and risk losing it, unlike unitary enterprises that manage public property and risk nothing. The article emphasizes that the right to receive a liquidation quota is an integral qualifying feature of a corporation along with two features already existing in the law, namely: the founders (participants) have the right of membership and the right to form a supreme governing body. The norms of the Civil Code on Corporate Governance, which represent a cumbersome, complex management system, require serious reform.

Keywords: corporation, legal status of a corporation, legal entity, civil society, right to participate in profit distribution, liquidation quota, preferential right of a corporation member to acquire a participant's share, corporate rights, founder (participant) of a corporation, separate property of a corporation.

УДК: 347.77.04

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОГО ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Шипков Никита Антонович

Юрист Межрегиональной коллегии адвокатов города Москвы,
аспирант Московского финансово-промышленного
университета «СИНЕРГИЯ»

Статья посвящена гражданско-правовому регулированию коммерческих отношений в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации: коммерческий лицензионный договор (коммерческая лицензия). Раскрыта социально-правовая сущность коммерческого лицензионного договора, его отличия от иных возмездных договоров, проблематика последовательности соблюдения прав субъектов коммерческой и предпринимательской деятельности в сфере интеллектуальной собственности, возникающие в связи с предоставлением интеллектуальных прав по коммерческому лицензионному договору (коммерческой лицензии). Освещены вопросы защиты прав потребителей. Раскрывается проблематика недопущения безвозмездного предоставления права использования результата интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации в отношениях между коммерческими организациями на условиях неисключительной лицензии. Предлагается скорректировать, в части коммерческих отношений, положение, определенное п. 5 ст. 1233 ГК РФ, где правообладатель вправе публично сообщить неопределенному кругу лиц о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему результаты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: Коммерческий лицензионный договор, лицензиар, лицензиат, коммерческая концессия, правообладатель, пользователь в сфере коммерческого использования интеллектуальной собственности, коммерческие сделки, защита прав потребителей, исключительные права и законные интересы потребителей и экономических субъектов в сфере коммерческой интеллектуальной собственности.

Согласно ст. 423 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в гражданских правоотношениях имеют место возмездные и безвозмездные договоры. Коммерческий лицензионный договор является разновидностью возмездного договора. Особенностью коммерческого лицензионного договора является то, что правообладатель должен получить плату или иное встречное предоставление за предоставленные на срок исключительные права, которые (плата или встречное предоставление), во-первых, характеризуются ликвидностью, во-вторых, в конечном итоге образуют экономическую добавленную стоимость. В этом критерии – социально-правовое отличие коммерческой сделки от других возмездных сделок. В обычных возмездных сделках нет коммерческой целевой составляющей (например, вознаграждение может покрывать лишь расходы правообладателя). Ученые, разрабатывающие понятие «ликвидность», выделяют следующие термины «ликвидность активов организации», «ликвидные активы организации» и «степень ликвидности активов организации» [1, С. 11]. Данные понятия в полной мере характеризуют и экономическую сущность коммерческих сделок, в том числе и коммерческих лицензионных договоров. Ликвидность активов организации предполагает «способность активов принять денежную форму для погашения обязательств организации» [1, С. 11]. Ликвидные активы организации – «активы, принимающие денежную форму для погашения обязательств организации при условии сохранения непрерывности ее деятельности» [1, С. 11]. Степень ликвидности активов организации «определяется способностью активов принять денежную форму в сроки соответствующие срокам погашения обязательств и в сумме достаточной для погашения обязательств организации при условии сохранения непрерывности ее деятельности» [1, С. 11]. Коммерческие сделки, в том числе и коммерческий лицензионный договор, как отдельно взятые, так и их совокупность, направлены на приобретения экономической добавленной стоимости. Данный показатель рассчитывается как разница между чистой операционной прибылью и всеми расходами «на ведение бизнеса: фактические (явные) и альтернативные (неявные) издержки» [2, С. 105]. Такой учет «дает возможность корректно оценивать фундаментальную стоимость компании, рост которой и является итоговой целью любой корпоративной стратегии» [2, С. 106]. Другие сделки следует рассматривать либо как безвозмездные, либо как возмездные, но не направленные на рентабельность коммерческой организации. Понятие «вознаграждение» в коммерческом лицензионном договоре и коммерческой концессии, которые преследуют извлечение прибыли, в большей степени соотносится с понятием «коммерческая стоимость предоставляемого в пользование результата интеллектуальной деятельности, а также деловой репутации и коммерческого опыта (в коммерческой концессии)», чем с вознаграждением автора за его интеллектуальный, творческий труд. Такие выплаты (вознаграждение автора, другого создателя результата интеллектуальной собственности) – лишь некоторая расходная часть коммерческих отношений.

Раскрывая социально-правовую характеристику коммерческого лицензионного договора, важно выделить положения норм, которые регулируют именно коммерческие сделки. Рассматривая данные положения, необходимо сделать вывод об их достаточности для регулирования коммерческих отношений в сфере интеллектуальной собственности.

Одно из положений закона, регулирующих коммерческие отношения в сфере интеллектуальной собственности, сформулировано в п. 5.1 статьи 1235 ГК РФ (недопущение безвозмездного предоставления права использования результата интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации в отношениях между коммерческими организациями на условиях исключительной лицензии). Данное положение обеспечивает защиту инвестиций (вложений), направлено на создание равных условий на рынке интеллектуальной собственности, его следует распространить на любые другие виды коммерческих сделок в сфере интеллектуальной собственности, не только на исключительную лицензию.

Во-первых, безвозмездное предоставление ликвидного актива влияет на предложение, в частности, на количество выпускаемого и продаваемого продукта, желание производителя и продавца произвести и реализовать его по приемлемой для них цене в определенный период времени. Изменение цен приводит к изменению величины предложения. Имеет место и действие неценовых факторов, которые приводят к изменению в предложении, к таковым относят рост числа продавцов [3, С. 7]. Во-вторых, возможность безвозмездной реализации в коммерческих целях неисключительных лицензий другим коммерческим организациям формирует нерыночные условия коммерческой деятельности, что может являться инструментом устранения конкуренции в сфере интеллектуальной собственности (демпинг). Предложение в полной мере соответствует Федеральному закону от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В соответствии со ст. 11 Закона запрещается ограничение конкуренции соглашениями хозяйствующих субъектов, которые приводят или могут привести, например, к отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками). Данное положение соотносится и со статьей 10 ГК РФ, которая не допускает использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции (абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ). Запрет ограничения конкуренции установлен и Конституцией Российской Федерации. Согласно статье 34 Конституции, каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности (ч. 1). Экономическая деятельность, направленная на недобросовестную конкуренцию, не допускается (ч. 2). Таким образом, представляется целесообразным изменить п. 5.1 ст. 1235 ГК РФ, установить недопущение безвозмездного предоставления права использования результата интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации в коммерческих отношениях, а также между коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями. Необходимо отметить, что такого рода ограничения, отчасти, имеют место лишь в статье 575 ГК РФ, где устанавливается запрет на дарение в отношениях между коммерческими организациями. В других случаях запрета на подобные сделки между коммерческими организациями не имеется.

В соответствии с п. 5 ст. 1233 ГК РФ правообладатель может сделать публично, то есть путем сообщения неопределенному кругу лиц, заявление о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему произведения науки, литературы или искусства либо объект смежных прав на определенных правообладателем условиях и в течение указанного им срока. В течение указанного срока любое лицо вправе использовать данное произведение или данный объект смежных прав на определенных правообладателем условиях. Данное положение также не должно относиться к объектам исключительных прав, которые используются организацией, индивидуальным предпринимателем в коммерческом гражданском обороте результатов интеллектуальной собственности. К сожалению, такое ограничение касается лишь исключительной лицензии на использование произведения или объекта смежных прав. Норма не учитывает законные интересы коммерсантов, которые приобретают исключительные права в коммерческих целях на условиях неисключительной лицензии.

Требует коррекции, в части коммерческих отношений, и положение, определенное п. 5 ст. 1233 ГК РФ. Правообладатель вправе публично сообщить неопределенному кругу лиц о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему результаты интеллектуальной собственности. Заявление может быть сделано в сети «Интернет» и не может быть отозвано (в установленный правообладателем период использования). Не подлежат отзыву и ограничению условия использования. Заявление правообладатель не вправе осуществлять лишь при наличии действующего лицензионного договора, по которому предоставляется исключительная лицензия на использование произведения или объекта смежных прав в тех же пределах. Закон не содержит

уточнений о безвозмездности лицензии. Если правообладатель осуществляет такие действия при наличии действующей неисключительной лицензии (не имеет значение возмездная она или нет) – договор прекращается. Положения нормы указывают на механизм защиты своих прав и законных интересов лицензиата, в частности право, при наличии действующего лицензионного договора, потребовать от правообладателя в добровольном или в судебном порядке возместить причиненные ему убытки. Право на такое заявление ограничивается лишь в отношении открытых лицензий, которые являются безвозмездными, если ею не предусмотрено иное (ст. 1286.1 ГК РФ «Открытая лицензия на использование произведения науки, литературы или искусства»). Насколько данное положение отвечает основам предпринимательской деятельности? Гражданское законодательство должно регулировать отношения между предпринимателями, а не пресекать их в интересах правообладателей исключительного права. Деятельность предпринимателей (физических и юридических лиц) осуществляется на свой риск и направлена на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (абз. 3 п. 1 ст. 3 ГК РФ). В сфере интеллектуальной собственности активом экономических субъектов являются приобретенные по лицензии исключительные права. Коммерческие отношения в сфере интеллектуальной собственности – явление масштабное и развивающееся. Только за 2023 год зарегистрировано 13 157 распоряжений правом по лицензионному договору и договору коммерческой концессии, в которых правообладателем (или стороной) выступают российские лица. Динамика коммерческого гражданского оборота растет, указанная цифра на 400 распоряжений (на 3,1%) больше показателя 2022 года, на 424 распоряжения (на 3,3%) больше показателя 2021 года. На 3267 распоряжений (на 33%) больше показателя за 2020 г [4, С 38]. Динамика распоряжения исключительным правом стабильно увеличивается, статистика относится к отношениям, проходящим государственную регистрацию, однако важно принимать во внимание и сделки, которые предприниматели не регистрируют.

Учитывая данное положение закона возникает вопрос, в связи с чем «в угоду» правообладателей исключительного права коммерческий лицензионный договор должен прекращать свое действие? Данным положением закон вводит отдельное основание прекращения обязательства в сфере коммерческого использования интеллектуальной собственности, ограничивая, тем самым, права и законные интересы коммерсантов, в частности право получить прибыль и реализовать свое конституционное право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции России). Данное положение не может распространяться на коммерческие отношения и сделки, так как создает неблагоприятные условия для осуществления предпринимательской деятельности, не обеспечивает, не гарантирует стабильность, предсказуемость экономических, коммерческих договорных отношений, не охраняет их, а, напротив, устанавливает основания одностороннего отказа от обязательств без каких-либо экономически и социально значимых причин. Положение не должно распространяться на коммерческие лицензионные договоры, заключаемые в целях извлечения прибыли. Заявительный порядок отказа от договорных обязательств возможен только в том случае, если предприниматель, коммерческая организация самостоятельно приняли решение о переходе с коммерческой версии на некоммерческий лицензионный договор, что может иметь место при использовании лицензии во внутренней хозяйственной деятельности. В Интернете распространяется бесплатное программное обеспечение, например Linux-libre, операционные системы на базе Linux, GNU Compiler Collection и библиотека C; реляционная база данных MySQL; веб-сервер Apache, система графического отображения X Window System, офисный пакет LibreOffice и другие.

В норме обнаруживается неопределенность и в части реализации прав предпринимателей. Согласно абз. 8 п. 5 ст. 1233 ГК РФ автор или иной

правообладатель в случае, если исключительное право на произведение или на объект смежных прав нарушено неправомерным размещением заявления, вправе требовать применения к нарушителю мер защиты исключительного права в соответствии со статьей 1252 ГК России. Неопределенность заключается в том, что, с одной стороны, закон наделяет автора и иного правообладателя правом отказаться в одностороннем порядке от договорных обязательств, с другой – их же наделяет правом, если их исключительные права нарушены заявлением, требовать применения к нарушителю мер защиты исключительного права (ст. 1252 ГК России). Защита исключительных прав предполагает, в частности, предъявление требования о признании права, а также о пресечении действий его нарушающих, создающих угрозу его нарушения. Требования предъявляются к тем, кто, соответственно, отрицает право авторов и иных правообладателей и (или) совершают действия, направленные на нарушения права. Закон, к сожалению, не уточняет, наделяется ли данным правом лицо, которое в связи с заявлением, то есть на законных основаниях, было лишено права использовать результат интеллектуальной деятельности. Как можно признать право, которое было прекращено на законных основаниях? Как можно пресечь право правообладателя заявительным и односторонним порядком, без объяснений, отказаться от договорных обязательств. Закон не разъясняет, кто является иным правообладателем. Относит ли он к таковым лицам лицензиатов, в частности, использующих в предпринимательской деятельности, предоставленные ему по договору исключительные права на произведение, к которым относят и программное обеспечение? Представляется, что данные положения требуют либо законодательного урегулирования, либо отдельных разъяснений Верховным Судом Российской Федерации. К сожалению, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23 апреля 2019 г. «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» каких-либо толкований закона не дается. В п. 46 Постановления, отмечается, что ст. 358.18 и 1233 ГК РФ допускают распоряжение исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации путем залога (кроме исключительного права на фирменное наименование и на наименование места происхождения товара). В частности, указывается, что в договоре могут быть установлены ограничения по самостоятельному использованию залогодателем результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. К таковым Пленум Верховного Суда Российской Федерации отнес и ограничения залогодателя по самостоятельному распоряжению исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Например, может быть установлен запрет на публичное заявление, предусмотренное п. 5 ст. 1233 ГК РФ, а также на заключение лицензионных договоров, в том числе по правилам статьи 1286.1 ГК РФ.

Правовая сущность залоговых отношений предполагает возможность запрета на распоряжение имуществом (статья 174.1 ГК РФ). Правомерно ли данное правило распространить и на другие договорные отношения? Представляется, что нет. Данное право не может пресекаться, запрещаться в договорном порядке, так как соответствующего указания в законе не имеется. Более того, согласно абз. 5 ст. 1233 ГК России в течение срока действия заявления оно не может быть отозвано, не могут быть ограничены и условия использования. Право на такое заявление не распространяется только на действующий лицензионный договор, по которому предоставляется исключительная лицензия.

Надлежащее исполнение договоренностей, с учетом равенства сторон и соблюдения императивных норм закона, можно обеспечить следующим образом. В договоре декларативно норму о праве на такое заявление и разработать отдельные положения, предусматривающие условия его прекращения в связи с заявлением о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему произведение науки, литературы или искусства либо объект смежных прав на определенных правообладателем условиях и в течение указанного

им срока. Данные условия должны исходить из критерия рентабельности сделки, то есть предусматривать формулу расчета упущенной выгоды и расходов, которые понес лицензиат в процессе исполнения данной сделки (калькуляция). Данное условие позволит соблюсти, как соответствующее право правообладателя, так и законные интересы субъекта экономических отношений.

Другой важной особенностью в отношении лицензирования является их экономическое и правовое содержание. Представляется необходимым исключить из положений закона возможность предоставления товарных знаков по лицензионным соглашениям, которые по своей экономической и правовой природе не предусматривают передачу коммерческого опыта и деловой репутации. Согласно п. 6 ст. 1235 ГК РФ («Лицензионный договор») предмет лицензии должен предусматривать лишь указание на предоставляемое в пользование средство индивидуализации и способы его использования. Отсутствие передачи по договору коммерческого опыта и деловой репутации исключает контроль качества и условий реализации продукта, соблюдение прав и законных интересов потребителя. Закон, таким образом, позволяет свободный оборот товарных знаков, без каких-либо оговорок, что, кроме прочего, создает неопределенность в применении положений закона о коммерческой концессии. В силу п. 2 ст. 1489 ГК РФ, качество производимых или реализуемых товаров пользователем устанавливается лицензиаром и лишь в этом случае, то есть при наличии таких условий, лицензиар несет солидарную ответственность. Кроме того, установление соответствующих требований в лицензионном договоре предполагает, в итоге, иную гражданско-правовую квалификацию возникших правоотношений, в частности, как коммерческую концессию, однако без требований предоставления соответствующего коммерческого опыта и деловой репутации. В конечном итоге, гарантия качества продукции не обеспечивается надлежащим правовым регулированием. При такой правовой неопределенности, предпринимателям и коммерческим организациям легче заключать лицензионные соглашения, чем коммерческие концессии. При том, что коммерческая концессия данные вопросы регулирует. В частности, положения статьи 1032 ГК РФ вменяют в обязанности пользователя обеспечивать соответствие качества производимых им на основе договора товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг качеству аналогичных товаров, работ или услуг, производимых, выполняемых или оказываемых непосредственно правообладателем. Товар, работы и услуги, предоставляемые пользователем, должны соответствовать продукту (товарам, работам и услугам) правообладателя, в том числе их «подача» – оформление коммерческих помещений и др. Таким образом, подобный способ отчуждения средств индивидуализации никак не гарантирует преемственность качества продукции. Такая же проблематика имеет место и при реорганизации юридического лица, продажи предприятия. В отношении фирменного наименования, коммерческого обозначения, в силу связи с корпоративным и имущественным правом, никакой преемственности, которая могла бы предполагать сохранение качества продукции, не предусмотрена. Представляется, что исключительные права, в частности, на товарный знак может предоставляться только в составе обязательных требований к качеству соответствующего товара и знака обслуживания, что обеспечивается только коммерческой концессией. Такой подход является обоснованным и предполагает возможность учитывать интересы потребителя, создать условия для добросовестного осуществления гражданских прав и предупредить злоупотребление правом (статья 10 ГК РФ). Целесообразно, таким образом, предусмотреть абз. 2 п. 1.1. ст.1489 ГК РФ, где указать, что в случае возложения правообладателем обязанностей на лицензиата соблюдать качество к производимой им продукции, применяются только те нормы о лицензионном договоре, которые не противоречат положениям о коммерческой концессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. С.А. Макаренко. Анализ ликвидности активов организации: теоретические и методические аспекты : автореферат дис. кандидата экономических наук: 08.00.12 / Макаренко Светлана Александровна. –Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2007. – 22 с.
2. И.В. Ивашковская И.В., Е.Б. Кукина, И.В. Пенкина. Экономическая добавленная стоимость. Концепции. Подходы. Инструменты / Ивашковская И.В., Кукина Е.Б., Пенкина И.В. // Электронный журнал «Корпоративные финансы». – 2010. – № 2 (14).
3. А.Р. Тумашев, С.Н. Котенкова, М.В. Тумашева. Экономическая теория в двух частях. Часть I. Введение в экономическую теорию. Микроэкономика. / Тумашев А.Р., Котенкова С.Н., Тумашева М.В. // Учебное пособие для студентов неэкономических специальностей. Казань: Казанский Университет, 2011. – 204 с.
4. Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2023 год / Под редакцией Зубова Ю.С., Неретина О.П. // Текст: непосредственный. Москва: ФИПС, 2023. – 180 с.
5. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (дополненная в Париже 4 мая 1896 года, пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 года, дополненная в Берне 20 марта 1914 года и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 года, в Брюсселе 26 июня 1948 года, в Стокгольме 14 июля 1967 года и в Париже 24 июля 1971 года, измененная 28 сентября 1979 года). Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900493> (дата обращения: 12.03.2025)
6. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года, изменена 2 октября 1979 года). Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1968 года № 3104-VII. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900270> (дата обращения: 14.03.2025).
7. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года (пересмотрена в Брюсселе 14 декабря 1900 года, в Вашингтоне 2 июня 1911 года, в Гааге 6 ноября 1925 года, в Лондоне 2 июня 1934 года, в Лиссабоне 31 октября 1958 года и в Стокгольме 14 июля 1967 года, изменена 2 октября 1979 года). Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900359> (дата обращения: 14.03.2025).
8. Ю.П. Егоров. Правовой режим сделок как средств индивидуального гражданско-правового регулирования : дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Егоров Юрий Петрович. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2004 г. – 426 с.
9. В.А. Канашевский. Международные сделки : правовое регулирование / Канашевский В.А. // М.: Издательство «Международные отношения», 2016. – 664 с.
10. Андреева Л. В. Теоретические проблемы коммерческого права России : дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03 : защищена 01.07.2004 : утв. 15.10.2004 / Андреева Любовь Васильевна. – Москва: Моск. гос. юрид. акад., 2004. – 539 с.

**THE SOCIO-LEGAL NATURE OF A COMMERCIAL LICENSE AGREEMENT
IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY:
WAYS TO IMPROVE CIVIL LAW REGULATION**

Shipkov N.A.

The article is devoted to the civil-legal regulation of commercial relations in the field of intellectual property in the Russian Federation: a commercial license agreement

(commercial license). The social and legal essence of a commercial license agreement, its differences from other paid contracts, the problems of the sequence of compliance with the rights of subjects of commercial and entrepreneurial activity in the field of intellectual property, arising in connection with the granting of intellectual rights under a commercial license agreement (commercial license) are disclosed. The issues of consumer protection are covered. The article reveals the problem of preventing the gratuitous provision of the right to use the result of intellectual activity, means of individualization in relations between commercial organizations under the terms of a non-exclusive license. It is proposed to adjust, in terms of commercial relations, the provision determined by paragraph 5 of Article 1233 of the Civil Code of the Russian Federation, where the copyright holder has the right to publicly inform an indefinite number of persons about the provision to any persons of the opportunity to use the results of intellectual property belonging to him free of charge.

Keywords: Commercial licensing agreement, licensor, licensee, commercial concession, copyright holder, user in the sphere of commercial use of intellectual property, commercial transactions, consumer protection, exclusive rights and legitimate interests of consumers and economic entities in the sphere of commercial intellectual property.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.721

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ДОПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО- ПРАВОВЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ

Далоев Артур Торунович

Преподаватель Ростовского института
(филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции» (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Россия
SPIN-код: 8412-8204

Москалева Елена Николаевна

Старший преподаватель Ростовского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени
В.М. Лебедева», г. Ростов-на-Дону, Россия
SPIN-код: 5620-7703

Современные тенденции масштабирования преступлений против собственности требуют постоянного мониторинга эффективности уголовно-правовых мер противодействия мошенничеству. Специфика механизма мошенничества отличается многообразием форм обмана и злоупотребления доверием, широкой вариативностью психологических манипуляций, реализуемых преступниками на предпреступной стадии и в ситуации преступления. Злоумышленники используют цифровые методы совершения хищения. Действия мошенников детально продуманы, имеют логическую последовательность и целеустремленность.

Исследование криминологических особенностей мошенничества позволяет рассматривать жертву преступления как значимый фактор, влияющий на механизм совершения преступления, в связи с чем авторы разработали концепцию регламентации повышенной уголовной ответственности за совершение

мошенничества в отношении беспомощной жертвы. В статье аргументирована позиция авторов о необходимости усиления уголовной ответственности за мошенничество, совершенное с использованием форменной одежды или документов представителя власти.

Ключевые слова: беспомощное состояние жертвы, доверие, мошенничество, механизм преступления, обман, психологические манипуляции.

Современное понятие мошенничества является результатом длительной эволюции. Наиболее ранние упоминания преступления, схожего признаками с ним содержались еще в древних источниках отечественного права, таких как Русская правда, Новгородская и Псковская судные грамоты. Изначально мошенничество было включено в общий термин «татьба». Мошенничество в существующем на сегодняшний день понимании появилось в законе относительно недавно. Советское уголовное законодательство было ориентировано на охрану государственной и общественной собственности, поэтому ответственность за мошенничество и иные преступления против собственности определялась в зависимости от формы собственности.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. существенно видоизменил подход к охране отношений собственности. В действующем уголовном законе все формы собственности имеют равный правовой статус. Впервые в законодательстве обозначено понятие хищения, его признаки, определено понятие мошенничества. Законодатель до сих пор находится в поиске эффективной модели противодействия мошенничеству. Это обусловлено большой распространенностью мошенничества и его потенциалом к масштабированию.

Представляется, что причин такого положения дел несколько. Одна из основных, это постоянное реформирование общества, начиная с распада СССР. Трансформация государства – это всегда не простое время для народа и плодотворное время для всех, кто намерен злоупотребить нестабильным положением граждан. Вторая объективная причина – это прогрессирующая компьютеризация и информатизация общества. Компьютеры, сотовая связь, интернет предполагают обширные вариации для обмана, создания финансовых пирамид, внедрения компьютерных вирусов, выманивая пин-кодов электронных карт и так далее. Проблема распространения мошенничества продолжает масштабироваться.

Исторический опыт и текущая ситуация свидетельствует о необходимости разработки гибких методов противодействия мошенничеству, быстро реагирующих на постоянно появляющиеся новые его виды. С учетом масштаба преступной деятельности, уровня организованности и степени вовлечения в нее населения, следует говорить о высоком уровне общественной опасности мошенничества, который выражается не только в числе участников, но и качественном потенциале мошеннических разработок.

«Развитие телекоммуникационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, привело к новым формам мошенничества, которые регулярно трансформируются и адаптируются к изменениям в правовой сфере, что требует постоянного обновления уголовно-правовых средств борьбы с этим видом преступлений» [1, С. 106]. Онлайн-мошенничество отличается высоким уровнем латентности, что обусловлено его цифровым способом реализации, а также максимальной вариативностью и изощренностью. Для хищения злоумышленники продолжают активно использовать методы социальной инженерии, почти каждый день появляются новые способы мошенничества. Если попытаться спрогнозировать развитие мошенничества, то в ближайшем будущем тенденции в онлайн и телефонных мошенничествах могут включать методы, основанные на новых ИТ-технологиях, таких как «искусственный интеллект», позволяющий генерировать звук, фото и видео, имитирующие голос и внешность реальных людей [2].

Распространены случаи, когда онлайн-мошенничества совершаются лицами, находящимися вне пределов России. Последствия мошеннических действий негативно отражаются на экономической ситуации в стране. Государством предпринимаются все необходимые меры для защиты граждан от подобных посягательств, в частности, 28 февраля 2024 г. Президент России В.В. Путин утвердил новую Стратегию научно-технологического развития РФ [3].

Следует отметить, что «продуктивность» мошенничества во многом зависит от личности потерпевшего. Для реализации преступного умысла мошенник тщательно определяет потенциальную жертву, анализируя психоэмоциональные особенности лица, указывающие на его уязвимость и склонность к чрезмерной доверчивости. Так, например, индикаторами для мошенников служат следующие характеристики: тревожность, стеснительность и неуверенность, мешающие обратиться за помощью, сложная жизненная ситуация, пожилой возраст и неприспособленность к современным условиям, ритму жизни и технологиям, тяжелое материальное положение, или же, например, ярко выраженная азартность. Вычисляя слабое место или наиболее острую потребность человека в текущий момент, мошенники умело играют на страхах или комплексах людей. Жертвами обмана становятся пожилые и молодые, очно и заочно, по телефону и при личных коммуникациях. Потерпевшие лишаются денег, недвижимости, теряют доверие к окружающим и к государству в целом.

Среди правоведов возникают дискуссии по поводу необходимости включения в диспозицию исследуемой уголовно-правовой нормы характеристики потерпевшего, что имело бы практическое значение. Дискуссии ориентированы на возраст потерпевшего, его состояние (дееспособность, вменяемость). С учетом того, что в уголовном законодательстве фигурирует термин «беспомощный потерпевший», было бы целесообразно дифференцировать уголовно-правовой подход к ответственности за мошенничество через призму общественной опасности деяния в данном ракурсе.

Согласно толкованию Верховного Суда Российской Федерации, к беспомощным жертвам при посягательстве на жизнь, относятся лица, которые в механизме преступления не смогли дать отпор в силу своего нестабильного физического или психического состояния. Высшая судебная инстанция приводит примеры беспомощных лиц, в частности, это тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее [4]. Такое разъяснение свидетельствует о том, что при оценке физиологических и психологических особенностей потерпевшего речь идет об особой беспомощности [5, С. 383]. Применительно к мошенничеству, считаем, когда потерпевший в силу возраста, отсутствия социального опыта не способен критически мыслить совершение мошеннических действий существенно облегчается. Мошенник выбирает заведомо беспомощную жертву и рассчитывает на беспроблемную реализацию преступного замысла. В таких случаях мошеннику нет необходимости применять ораторское мастерство, использовать мнимую аргументацию и совершать лингвистические манипуляции. Жертва изначально находится в полной власти преступника. Соответственно, такое деяние обладает повышенным уровнем общественной опасности, что должно усиливать меры уголовно-правового воздействия.

Специфика мошенничества проявляется в способе. В общеуголовном понимании способ совершения преступления – это совокупность приемов и методов, позволяющих преступнику достигнуть желаемого результата. Говоря о мошенничестве, использование преступником всех известных приемов и методов как правило означает достижение им противоправного результата в виде хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество. Посредством обмана мошенник создает у собственника иллюзию законности изъятия имущества или перехода прав в отношении него к виновному лицу. Иными словами, внешняя сторона сделки по передаче имущества или имущественных прав выглядит законной, обоснованной и совершается добровольно, однако передача имущества

или прав на имущество потерпевшим происходит под влиянием обмана или злоупотребления доверием.

Суть мошенничества состоит в том, что виновный фальсифицирует добросовестность своих намерений, создавая у жертвы ложное впечатление законности совершаемых преступных действий и тем самым достигается «добровольность» передачи собственником имущества (имущественных прав) без насильственного изъятия. В механизме мошенничества практически собственник не имел волеизъявления о передаче вещи или прав на вещь, и не рассчитывал лишиться прав собственности, однако под влиянием обмана или злоупотребления доверием совершил передачу в пользу преступника. Важно отметить, что в результате мошенничества преступник получает не только саму вещь или имущественное право, но и полномочия по владению, пользованию и распоряжению. Это ключевая характеристика мошенничества.

Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. «Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям» [6, С. 311].

В теории выделяются два типа обмана, используемого при мошенничестве: активный и пассивный. Активный обман предполагает сознательное искажение истины, введение в заблуждение и преднамеренную фальсификацию (например, сообщение о срочном сборе средств на лечение ребенка; обещание высокодоходных инвестиций в различных финансовых пирамидах; заявление о несуществующем страховом случае и др.). Для осуществления данного вида обманных действий преступник намеренно выдает ложную информацию или подложные документы. Пассивный обман заключается в сознательном умолчании об истине (например, о фактических последствиях заключаемой сделки). Важно, что такую информацию виновное лицо обязано было предоставить и намеренно этого не сделало.

Мошеннический обман характеризуется содержанием и формой. В содержание обмана включены те обстоятельства, по поводу которых потерпевшее лицо вводится в заблуждение или же факты, которые не озвучиваются виновным, но существенно влияют на волю потерпевшего. Обман может быть реализован в следующих формах: словесно, в том числе, по телефону [2]; совершение обманных действий; путем модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Обман и злоупотребление доверием могут являться самостоятельными формами мошенничества или использоваться в качестве единого механизма. Например, когда мошенник приходит к пенсионеру в полицейской форме, это автоматически вызывает доверие. Далее, жертва следует его инструкциям, полагая, что выполняет законные требования представителя власти. Фактически, это оказывается обманом с использованием злоупотребления доверием.

Правильность и полноценность квалификации преступного деяния обеспечивается в ходе установления причинно-следственной связи между действиями виновного лица и наступившим общественно опасным результатом. Наступившие неблагоприятные и общественно опасные последствия в результате преступления выражаются в причинении ущерба собственнику имущества или правообладателю, и определяются в размере прямого действительного ущерба, то есть уменьшение объема имевшегося в собственности потерпевшего имущества или имущественных прав. Размер ущерба рассчитывается исходя из рыночной оценки стоимости похищенного имущества.

Для обеспечения правильной уголовно-правовой оценки мошеннических действий необходимо особое внимание уделять исследованию внутреннего побуждения преступника, в том числе его интеллектуальных, волевых и психоэмоциональных качеств и состояний, которые послужили стимулом для нарушения закона.

На практике наравне с понятием «субъект преступления» применяется криминологический термин «личность преступника». В это понятие включаются такие характеристики как пол, социальное положение, наличие заболеваний, общественные связи и тому подобные факты, которые позволяют провести фундаментальную и всестороннюю оценку совершенного деяния, учитывая индивидуальные свойства лица. В криминологической литературе сформировалось мнение, что личность является центральным звеном в цепи действия причин и условий, способствующих совершению преступления, потому изучение устойчивых связей формирования личности преступника остается одним из важнейших элементов криминологических исследований [7, С. 366].

Из всех форм хищения мошенничество наиболее нетипично, ввиду характеристики свойств личности преступника. Как правило, мошенникам свойственна коммуникабельность и красноречие, убедительность в словах, способность к перевоплощению. Подобно театральной постановке мошенническое преступление готовится детально и тщательно, сценарий при этом нередко предполагает группу действующих лиц со строго определенными ролями, где никто не проявляет инициативу непредсказуемо, а строго выполняет заранее отрепетированный алгоритм. Среди выраженных черт мошеннику также присущи конспиративность, закрытость, артистичность. Благодаря своим свойствам личности, мошенник располагает потенциальную жертву, склоняет ее к доверчивости, нейтрализует попытки проявления бдительности. Мошенник пренебрежительно относится к праву собственности потенциальных жертв.

Субъективная сторона мошенничества указывает на природу происхождения в сознании преступника умысла, его мотивы, цель и эмоции. В процессе уголовно-правовой оценки действий подозреваемого в мошенничестве лица необходимо установить, что он осознавал общественную опасность совершаемых действий и предвидел наступление последствий в виде ущерба для потерпевшего, и руководствуясь корыстной целью желал их наступления для собственной выгоды.

Говоря об умысле следует рассмотреть так называемый волевой аспект, который характеризуется желанием преступника совершить обман или злоупотребить доверием. По условиям формирования умысел разделяют на внезапно возникший и заранее обдуманый. Последний является наиболее характерным для мошенничества, учитывая необходимость тщательной предварительной подготовки для достижения желаемого преступного результата, а также тот факт, что мошенник, как правило, не идет до конца, если в полной мере не уверен в осуществлении задуманного. Однако случается, что преступный умысел на мошенничество возникает внезапно и сразу же приводится в исполнение виновным.

В некоторых случаях, злоумышленники стремятся завуалировать преступные действия под видом сделки. Чтобы квалифицировать такие действия как мошеннические, необходимо установить наличие умысла на неисполнение условий сделки еще до момента ее совершения. В случае, если лицо заблуждалось относительно принадлежности имущества или имущественных прав, то квалификация производится с учетом правил об ошибке в объекте. Представляется, что вероятность такой ошибки невелика, ввиду того что при мошенничестве преступник обычно взаимодействует непосредственно с собственником, правообладателем или уполномоченным лицом, которые в результате его умелого манипулирования добровольно передают свое имущество. Действия мошенника детально продуманы, имеют логическую последовательность и целеустремленность.

Главным побуждением для использования мошенником обмана и злоупотребления доверием является желание личной материальной выгоды, или, другими словами, корысть. Корыстная цель мошенника достигается благодаря созданию доверительных отношений с использованием обмана. Как правило, доверие исходит из сложившихся дружеских, служебных, трудовых или родственных отношений с потерпевшим. Преступником движет желание обогатиться – владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом жертвы как своим собственным. Такое стремление основано на внутреннем побуждении лица к совершению общественно опасного деяния, мотивации к совершению преступления. Характер мотива может зависеть от конкретных обстоятельств, личности и мировоззрения виновного. Личная выгода является очевидной и преобладающей мотивацией мошенников. В субъективной стороне данного преступления границы между мотивацией и целеполаганием размыты, т.к. характер направленности действий имеет общие черты. При этом, цель указывает куда направлено действие преступника, а мотив определяет, что им движет.

При уголовно-правовой оценке мошенничества фокус внимания должен быть направлен на обнаружение корыстной цели, т.к. это обязательный признак субъективной стороны данного состава преступления. Однако стоит учитывать, что в некоторых случаях человеком движет чувство мести, страх расправы, а иногда и личная заинтересованность [8, С. 23]. Данные обстоятельства не должны существенно влиять на квалификацию, если при квалификации субъективной стороны будет обнаружена корыстная цель. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «длительность положительных последствий лжи для мошенника создает у него иллюзию безнаказанности и мотивирует на продолжение мошенничества» [9, С. 21].

Согласно уголовному закону, ответственность усиливается за мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, ведь преступник не просто похищает какое-либо имущество с помощью обмана или злоупотребления доверием, а использует возможности, которые были ему предоставлены в связи с его профессиональной принадлежностью, действует вопреки интересам службы в личных корыстных интересах. Распространены ситуации, когда лицо, обладая статусом представителя власти, вводит жертву в заблуждение относительно сущности своих действий и возможностей.

Однако распространены ситуации, когда мошенник представляется определенным служащим, хотя фактически им не является. Одним из вариантов обмана в механизме мошенничества является стремление преступника вызвать у жертвы смежную реальному положению дел ассоциацию. Например, «чиновник из организации» обещает уладить интересующий вопрос за определенную сумму. Потерпевший приходит в здание организации, к нему спускается этот человек, забирает деньги и поднимается обратно. На самом деле это мошенник. Он даже не является сотрудником этой организации. Но из-за ошибочной ассоциации жертва мошенника приходит к выводу, что факт нахождения в одном и том же здании означает, что человек здесь работает. В уголовно-правовой доктрине выработался подход, что, если одно лицо выдает себя за другое и этот факт представляется значимым для реализации обмана в механизме хищения, действия квалифицируются как мошенничество. Однако, это деяние не подлежит квалификации по квалифицированному составу в соответствии с ч. 3 ст. 159 УК РФ как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, ведь лицо реально не обладает специальными служебными полномочиями. При этом, на практике распространены случаи совершения мошенничества с использованием форменной одежды или документов представителя власти. Например, аферисты приходят в квартиры к пенсионерам и представляются полицейскими, которые ловят почтальона-мошенника. По их сведениям, вручая пенсию, он подменяет настоящие купюры фальшивыми. Чтобы выяснить, так ли это, подставные полицейские просят показать деньги, которые жильцы получили в последний раз, – и, конечно же, находят поддельные купюры.

Мошенники «изымают» их, а пенсионеры закономерно лишаются денег [10]. Перечислить все способы мошенников невозможно. Мошенники могут одевать форменную одежду не только сотрудников правоохранительных органов, но и иных служб (коммунальных, почтовых, медицинских, социальных и др.).

Таким образом, обман и злоупотребление доверием могут выступать как самостоятельными способами мошенничества, так и использоваться в качестве его единого механизма. В содержание способа мошенничества включены те обстоятельства, по поводу которых потерпевшее лицо вводится в заблуждение или же факты, которые не озвучиваются виновным, но существенно влияют на волю потерпевшего.

Распространены ситуации, когда мошенник выбирает заведомо беспомощную жертву и рассчитывает на беспроблемную реализацию преступного замысла. В такой ситуации преступнику нет необходимости применять ораторское мастерство, использовать мнимую аргументацию и совершать лингвистические манипуляции. Жертва изначально находится в полной власти мошенника. Такое деяние обладает повышенным уровнем общественной опасности, что требует усиления мер уголовно-правового воздействия.

Учитывая необходимость тщательной предварительной подготовки для достижения желаемого преступного результата, наиболее характерным для мошенничества является заранее обдуманый умысел. Обман или злоупотребление доверием в механизме совершения мошенничества выступают инструментальным способом достижения корыстной цели. В конкретных случаях при оценке субъективной стороны данного преступления границы между мотивом и целью могут быть размыты, т.к. характер направленности действий имеет общие черты. Важно учитывать, что цель указывает на какой преступный результат направлено действие преступника, а мотив определяет, что им движет. При уголовно-правовой оценке мошенничества фокус внимания должен быть направлен на обнаружение корыстной цели, т.к. это обязательный признак субъективной стороны данного состава преступления.

Благодаря своим свойствам личности, мошенник располагает потенциальную жертву, склоняет ее к доверчивости, нейтрализует попытки проявления бдительности. Мошенникам свойственны конспиративность, коммуникабельность, артистичность, красноречие и убедительность в словах, способность к перевоплощению. Действия мошенника детально продуманы, имеют логическую последовательность и целеустремленность.

В квалифицированном составе мошенничества, предусмотренном ч. 3 ст. 159 УК РФ, законодателем закреплён специальный субъект преступления – лицо, использующее свое служебное положение. В этом случае преступник должен обладать специальными признаками – занимать одну из управленческих должностей, дающих ему определённые полномочия, которые были использованы для совершения преступления. Рассматриваемый квалифицирующий признак применяется в строго ограниченных законом пределах. При этом на практике распространены случаи совершения мошенничества с использованием форменной одежды или документов представителя власти. Расчет при этом делается на доверие и подчинение представителям власти, что существенно облегчает совершение мошенничества, исключает вмешательство в происходящее случайных очевидцев.

Совершая преступление, под прикрытием государственных символов и атрибутов, мошенники не только посягают на отношения собственности, охраняемые государством, но и нарушают общественный порядок по использованию символов государственной власти, тем самым порождают недоверие к представителям государственной власти. В связи с этим, считаем необходимым усилить уголовную ответственность за мошенничество, совершенное с использованием форменной одежды или документов представителя власти путем введения в ч. 3 ст. 159 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгиева, М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека / М. М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – N 11. – С. 106-113.
2. Долгополов, П. С. Телефонное мошенничество / П. С. Долгополов // СПС КонсультантПлюс. 2024.
3. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145) // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.
5. Москалева, Е. Н. Уголовно-правовые критерии оценки беспомощного состояния потерпевшего / Е. Н. Москалева // Правоприменительная деятельность: история и современность: сборник научных статей Международной научно-практической конференции 3 апреля 2019 г. – Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2019. – С. 380-387.
6. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ / Агешкина, Н. А., Беляев, М. А., Белянинова, Ю. В. и др. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. – 848 с.
7. Криминология: учебник для академического бакалавриата / В. В. Лунеев. – М.: Юрайт, 2022. – 686 с.
8. Омельченко, О. В. Мошеннические и другие неправомерные действия / О. В. Омельченко // Российский следователь. – 2014. – № 8. – С. 21-26.
9. Психология корпоративного мошенничества: учебник и практикум для вузов / А. Н. Тарасов. – М.: Юрайт, 2025. – 320 с.
10. Способы вычислить аферистов, которые представляются сотрудниками. – URL: https://www.mentoday.ru/life/experience/kak-moshenniki-prikidyvayutsya-policeyskimi-i-aign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 10.02.2025).

**ON THE QUESTION OF THE NEED
TO SUPPLEMENT CRIMINAL LAW MEASURES TO COUNTER FRAUD**

Daloev A.T., Moskaleva E.N.

Modern trends in the scaling of crimes against property require constant monitoring of the effectiveness of criminal law measures to combat fraud. The specifics of the fraud mechanism are distinguished by a variety of forms of deception and abuse of trust, a wide variability of psychological manipulations implemented by criminals at the pre-criminal stage and in the crime situation. Attackers use digital methods of committing theft. The actions of fraudsters are thought out in detail, have a logical sequence and purposefulness.

The study of criminological features of fraud allows us to consider the victim of a crime as a significant factor influencing the mechanism of committing a crime, in connection with which the authors developed a concept for regulating increased criminal liability for committing fraud against a helpless victim. The article substantiates the position of the authors on the need to strengthen criminal liability for fraud committed using the uniform or documents of a government official.

Keywords: helplessness of the victim, trust, fraud, mechanism of crime, deception, psychological manipulation.

УДК: 343.42

ВЫРАЖЕНИЕ ЯВНОГО НЕУВАЖЕНИЯ К ОБЩЕСТВУ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ХУЛИГАНСТВО И НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Иванова Татьяна Евгеньевна

Адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В настоящей статье рассмотрена актуальная проблема, связанная с толкованием одного из основных объективных признаков, присущих преступлениям, предусмотренным статьями 148 и 213 Уголовного кодекса Российской Федерации, заключающегося в выражении явного неуважения к обществу при совершении соответствующих общественно опасных деяний. В ходе исследования использованы всеобщий диалектический метод научного познания, а также общенаучные и частнонаучные методы научного познания, включая системно-структурный метод и метод правового моделирования. Автором проанализированы положения действующего уголовного законодательства, доктринальные позиции относительно понимания сущности данного объективного признака, а также особенности и проблемы его толкования в правоприменительной практике, сформулированы выводы, предложения и рекомендации по совершенствованию указанных уголовно-правовых норм и практики их применения.

Ключевые слова: выражение явного неуважения к обществу; нарушение права на свободу совести и вероисповедания; объективные признаки состава преступления; толкование уголовного закона; хулиганство.

Объективный признак, заключающийся в выражении явного неуважения к обществу, сближает два состава преступления в виде нарушения права на свободу совести и вероисповедания (ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ) и хулиганства (ст. 213 УК РФ). Изначально этот признак относился именно к хулиганству, являясь, образно говоря, его «визитной карточкой», поскольку действия хулиганов как в уголовном законе, так и в общественном сознании прочно ассоциируются с очевидным для самого

виновного лица и окружающих его людей проявлением неуважения к социуму, существующим в нем правилам поведения. Этот же признак закреплен в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Согласно ч. 2 ст. 148 УК РФ, ответственность за такие действия повышается при условии, если они совершены в местах, которые специально отведены для проведения богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний. В последнем случае противоправные действия также осуществляются публично, при этом явное неуважение к обществу выражается в отношении людей, присутствующих в соответствующих местах, например, в отношении прихожан и иных лиц, находящихся в это время в храме.

Применительно к хулиганству признак явного неуважения к обществу формально и фактически соединен с другим неотъемлемым объективным признаком этого преступления, заключающимся в грубом нарушении общественного порядка, тогда как в составе преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ, он характеризует публичные действия, направленные на оскорбление религиозных чувств верующих. Эти преступления сближает их открытый (публичный) характер, а также то, что при совершении присущих каждому из них общественно опасных действий виновные лица умышленно проявляют пренебрежительное отношение, неуважение к обществу, существующим в нем правилам поведения, тем самым противопоставляя себя широкому (неограниченному) кругу лиц, а в преступлении, наказуемом по ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ, – еще и оскорбляя религиозные чувства верующих.

Пленум Верховного Суда РФ по поводу содержания рассматриваемого объективного признака хулиганства разъяснил, что явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, которое вызвано желанием виновного лица противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Поскольку выражение явного неуважения к обществу при хулиганстве сопровождается грубым нарушением общественного порядка, Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание на то, что эти признаки устанавливаются в сочетании друг с другом, при этом учитываются способ, время, место, интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства совершения соответствующих противоправных действий, а также то, что они могут быть осуществлены в отношении определенного человека, либо широкого, неопределенного круга лиц[1].

Анализ данных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также опубликованной практики по уголовным делам о хулиганстве подтверждает устоявшуюся доктринальную позицию, согласно которой совершение хулиганства неотделимо от общественных мест, поскольку именно в них имеются условия как для грубого нарушения общественного порядка, так и для выражения явного неуважения к обществу в лице окружающих людей, в том числе прохожих, пассажиров транспорта общего пользования, жителей многоквартирных домов, прихожан и иных посетителей мест проведения богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний[2, с. 31-35; 3, с. 25-27]. При этом, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, в приговоре по делу о хулиганстве должны быть указаны конкретные обстоятельства, свидетельствующие о выражении явного неуважения к обществу[4].

В связи с тем, что хулиганские действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, потенциально могут воспринимать и люди, находящиеся в местах проведения богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, это обстоятельство также сближает хулиганство с публичными действиями, оскорбляющими религиозные чувства верующих. Вместе с тем выбор таких мест в большей степени характеризует последнее преступление и обуславливает квалификацию содеянного по ч. 2 ст. 148 УК РФ.

Еще одним обстоятельством, указывающим на определенное сходство и необходимость разграничения на практике преступлений, предусмотренных статьями 148 и 213 УК РФ, является близкое содержание цели и мотива соответствующих деяний. При этом цель, состоящая в оскорблении религиозных чувств верующих, присущая преступным действиям, предусмотренным ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ, и мотив, заключающийся в религиозной ненависти либо вражде, с которым может быть совершено хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), определяют многие объективные обстоятельства совершения соответствующего преступления, в том числе выбор круга потенциальных потерпевших, а равно места, времени, обстановки, способа и средства осуществления посягательства, выражающего явное неуважение к обществу. Если для хулиганства такой выбор преимущественно является спонтанным, а умысел – возникшим непосредственно перед началом грубого нарушения общественного порядка, то для публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и направленных на оскорбление религиозных чувств верующих, данный выбор опирается на заранее обдуманый, конкретизированный умысел.

Для вывода о том, что лицо грубо нарушило общественный порядок и выразило явное неуважение к обществу, действуя при этом по мотиву религиозной ненависти либо вражды, на практике обращают внимание на то, насколько длительным было это нарушение, были ли при этом проигнорированы замечания окружающих, спокойствие какого числа граждан было нарушено в результате противоправного деяния, а также другие обстоятельства, совокупность которых подтверждает не только грубость нарушения общественного порядка и явность выражения виновным своего неуважения к обществу, а также побуждения этого лица, но еще и позволяет отличить уголовно наказуемое хулиганство от сходных преступлений и административных правонарушений, включая мелкое хулиганство[5, с. 50-52].

В рамках отграничения хулиганства, совершенного по мотиву религиозной ненависти либо вражды, от мелкого хулиганства, если деяние не содержит другие криминообразующие признаки, предусмотренные пунктами «а» и (или) «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, на практике особенно важно установить конкретные обстоятельства, подтверждающие наличие как грубого нарушения общественного порядка, так и выраженного при этом явного неуважения к обществу. Помимо указанных выше продолжительности нарушения общественного порядка и игнорирования замечаний окружающих, а равно преимущественно значительного количества последних, в конкретных случаях также учитываются свойственные уголовно наказуемому хулиганству множественность действий, образующих комплексное, единое нарушение общественного порядка, а также агрессивное реагирование на замечания и попытки пресечь хулиганские действия со стороны граждан[6, с. 78-82].

Преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ, характеризуются сочетанием выражения явного неуважения к обществу с публичностью оскорбительных действий. Последний из этих признаков преимущественно связан со способом, средствами, с местом, и обстановкой совершения деяния, которые используются виновным для достижения желаемого результата, заключающегося в оскорблении религиозных чувств верующих. Как показало изучение материалов уголовных дел о таких преступлениях, вывод органов предварительного расследования и судов о публичности совершения инкриминируемых действий, наказуемых по ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ, преимущественно обосновывается использованием для совершения преступления сети «Интернет», где размещаются видеофайлы, изображения или текстовые материалы, содержащие элементы, оскорбляющие религиозные чувства верующих и открытые для широкого, неограниченного круга лиц. Кроме того, социальные сети, мессенджеры и другие информационно-коммуникационные технологии используются виновными и в тех случаях, когда они желают придать публичность оскорбительным для верующих действиям, совершенным ими вблизи храмов или других объектов, имеющих

религиозное значение, при отсутствии окружающих. При этом выражение явного неуважения к обществу, как правило, презюмируется органами предварительного расследования и судами исходя из содержания оскорбительных действий и их публичного характера, когда воспринимать такие действия может любой человек, присутствовавший в месте их непосредственного совершения или открывший сайт, личную страницу в социальной сети или иной ресурс в сети «Интернет». То есть на практике при применении ч. 1 или по ч. 2 ст. 148 УК РФ в качестве основных, отличительных признаков соответствующего преступления рассматривают публичность совершенных действий и их направленность на оскорбление религиозных чувств верующих. Между тем, на наш взгляд, именно выражение явного неуважения к обществу отличает это преступление от публичных действий, направленных на унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии, наказуемых по ст. 282 УК РФ, в которой основной состав преступления включает административную преюдицию.

Принимая во внимание распространенную практику совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ, с использованием сети «Интернет» или иных информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих публичный характер таких противоправных действий, возникает вопрос о том, насколько обоснованно при этом утверждать, что такие действия одновременно способны выражать явное неуважение к обществу. Представляется, что при юридической оценке подобных деяний важно обращать внимание на следующие два обстоятельства: во-первых, механизм совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ, может включать два взаимосвязанных комплекса действий, первый из которых связан с непосредственным оскорблением религиозных чувств верующих, присутствующих в том месте, где было осуществлено соответствующее посягательство (например, около церкви, где виновные выкрикивали оскорбительные для верующих слова, сжигали священные для них религиозные тексты и т.п.), а второй комплекс – с подготовкой видеозаписи, отображающей указанные оскорбительные действия, и ее размещением в сети «Интернет» в открытом доступе; во-вторых, особенности подачи и размещения такой информации с позиции широты охвата аудитории, включая дополнительные усилия для расширения пользовательской аудитории, использование оскорбительных надписей, символов, изображений, комментариев, выражающих пренебрежение нормам поведения, существующим в обществе и очевидное неуважение к широкому, неограниченному кругу пользователей, представляющих общество. Специфика объективных обстоятельств совершения подобных деяний сближает их с преступлениями, относящимися к так называемому информационному экстремизму[7, с. 51-55; 8, с.44-45; 9, с. 10].

В отличие от хулиганства, деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ, не связаны с грубым нарушением общественного порядка, поэтому при наличии такого нарушения не исключена квалификация содеянного по совокупности данных преступлений, которая может быть как идеальной, так и реальной, когда, например, виновные лица снимают на камеру свои хулиганские действия, совершенные по мотиву религиозной ненависти либо вражды, и при этом ведут трансляцию происходящего в реальном времени и (или) размещают полученное видео в сети «Интернет», делая его доступным для широкого круга лиц. Так, А. был осужден по ч. 1 ст. 148 и п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. По уголовному делу установлено, что А., действуя по мотиву религиозной ненависти и вражды, грубо нарушил общественный порядок в общественном месте, и выразил явное неуважение к обществу, противопоставив себя окружающим и продемонстрировав пренебрежение к ним, в том числе облил алкоголем религиозную книгу, растоптал ее и бросил в реку. Видеозапись, на которой были изображены данные противоправные действия, А. разместил в сети «Интернет», не ограничив доступ к просмотру соответствующего файла[10].

Таким образом, обобщая изложенное, отметим, что выражение явного неуважения к обществу, будучи объективным признаком двух составов

преступлений – публичных действий, оскорбляющих религиозные чувства верующих (ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ), и хулиганства (ст. 213 УК РФ), указывает как на их сходство, так и на необходимость разграничения таковых на практике, при этом данные преступления не поглощают друг друга, поскольку первое из них не связано с грубым нарушением общественного порядка, а второе не направлено на оскорбление верующих, что предопределяет различия в других объективных и субъективных признаках этих составов. Полагаем, что для обеспечения единообразной практики применения данных уголовно-правовых норм целесообразно раскрыть различия предусмотренных в них преступлений на уровне разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (п.1) // Сайт Верховного Суда РФ: URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 04.03.2025)
2. Яни П.С. Проблемы квалификации хулиганства // Законность. 2024. № 11. С. 31-35.
3. Белов М.Н. Состав «хулиганство» в Уголовном кодексе РФ: временная трансформация // Российский судья. 2021. № 10. С. 25-28.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Шалумов М.С., Борисов С.В. Новые позиции Пленума ВС РФ по вопросам уголовной ответственности за хулиганство и о назначении вида исправительного учреждения // Уголовный процесс. 2025. № 2. С. 50-57.
6. Борисов С.В. Квалификация хулиганства: теория и практика: учебное пособие / под ред. Л.Д. Гаухмана. – М.: Московский университет МВД России, 2007. – 87 с.
7. Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 50-57.
8. Иванцов С.В. Институциональные основы формирования уголовно-правовых запретов о нарушении права на свободу совести и вероисповеданий // Российский следователь. 2024. № 1. С. 43-46.
9. Шаруха И.А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на религиозные отношения: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 5.1.4. – М., 2024. – 26 с.
10. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24 сентября 2024 г. № 77-2990/2024 (УИД 73RS0002-01-2023-005898-83) // СПС «КонсультантПлюс».

THE EXPRESSION OF OBVIOUS DISRESPECT FOR SOCIETY AS AN OBJECTIVE SIGN OF THE ELEMENTS OF CRIMES CHARACTERIZING HOOLIGANISM AND VIOLATION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION

Ivanova T.E.

This article examines an urgent problem related to the interpretation of one of the main objective signs inherent in crimes provided for in Articles 148 and 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is the expression of obvious disrespect for society when committing relevant socially dangerous acts. The research uses the universal dialectical method of scientific cognition, as well as general scientific and private scientific methods of scientific cognition, including the system-structural method

and the method of legal modeling. The author analyzes the provisions of the current criminal legislation, doctrinal positions regarding the understanding of the essence of this objective feature, as well as the features and problems of its interpretation in law enforcement practice, and formulates conclusions, suggestions and recommendations for improving these criminal law norms and the practice of their application.

Keywords: expression of obvious disrespect for society; violation of the right to freedom of conscience and religion; objective signs of a crime; interpretation of criminal law; hooliganism.

УДК 343.2/.7

К ВОПРОСУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Романенко Елена Александровна

Доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Воронеж, Россия

Бокова Алёна Олеговна

Студент юридического факультета,
Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Воронеж, Россия

В статье рассматриваются различные проблемы предупреждения преступлений коррупционной направленности, исследуются методы противодействия преступлениям коррупционной направленности. Авторами проанализированы существующие методологические подходы к предупреждению коррупционных преступлений, выделены общие ключевые направления:

- системное выявление и устранение факторов, способствующих коррупционной преступности;
- совершенствование антикоррупционного законодательства;
- акцентирование внимания на виктимологическом аспекте, связанном с поведением субъектов, вовлеченных в коррупционные отношения в рамках предупреждения коррупционных преступлений.

Авторами предложены перспективные меры по предупреждению совершения коррупционных преступлений. Инструментарий которых весьма разнообразен, в то же время авторы отмечают, что в настоящий момент эффективность предупреждения преступлений коррупционной направленности остаётся низкой, что и определяют актуальность исследования.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, коррупция, коррупционная направленность, коррупционные преступления, совершенствование антикоррупционного законодательства, технологическая модернизация оперативно-розыскной деятельности.

Постоянное сдерживание роста преступности относится к числу актуальных задач для органов внутренних дел и всей правоохранительной системы нашего государства, в рамках реализации данной задачи в настоящее время правоприменителем предполагается в первую очередь использовать тактику

масштабного раннего государственного вмешательства в социальную сферу криминально-ориентированных организаций и отдельных граждан в целях предупреждения преступной деятельности и охраны общества и государства от преступных посягательств. Предупреждение преступлений коррупционной направленности играет значительную роль, такая значимость объясняется повышенной общественной опасностью совершения таких преступлений, и следующим из него повышенным вниманием государства к данной области. Как справедливо замечает Синчури О.В.: «Противодействие коррупции, борьба с ней – постоянная государственная функция» [1]. Также в данной связи считаем целесообразным привести высказывание Темирова А.Р., который отмечает: «Одним из приоритетных направлений государственной политики является противодействие и предупреждение коррупции» [2].

Предупреждение преступлений коррупционной направленности представляет собой комплексную систему мер, направленных на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, способствующих возникновению коррупционных деяний, ввиду того, что в условиях современного общества коррупция представляет собой одну из наиболее значимых угроз стабильной реализации интересов личности, общества и государства, что требует системного и научно обоснованного подхода к ее предупреждению.

В исторической ретроспективе практика предупреждения преступлений развивалась параллельно с формированием первых уголовно-правовых запретов, направленных на обеспечение общественного порядка и защиты интересов государства, т.е. с появлением первых запретов коррупционных практик. С течением времени профилактические меры становились все более дифференцированными, охватывая не только уголовно-правовые и процессуальные инструменты предупреждения данного явления, но и позволяя правоприменителю реализовывать различные экономико-организационные, административные и социокультурные механизмы для противодействия коррупции.

В юридической науке предупреждение преступлений рассматривается как один из важнейших механизмов социального регулирования, направленного на устранение причин и условий их совершения, а также на формирование антикоррупционного правосознания в обществе. По мнению Н.Ф. Кузнецовой и Г.М. Миньковского, терминологическое различие между понятиями «предупреждение», «предотвращение» и «профилактика» не имеет принципиального значения, поскольку все они отражают единую сущность воздействия на преступность в целях ее сдерживания и сокращения [3].

В целом, при анализе существующих методологических подходов к предупреждению коррупционных преступлений, следует выделить общие ключевые направления:

- системное выявление и устранение факторов, способствующих коррупционной преступности, что предполагает проведение экономических, организационных и правовых реформ. В данной связи деятельность государства должна быть направлена на минимизацию возможностей для коррупционного поведения за счёт повышения прозрачности различных процедур, усиления общественного контроля за деятельностью органов власти и внедрения современных технологий управления;

- совершенствование антикоррупционного законодательства, которое по своей природе должно формировать строгие правовые рамки для деятельности должностных лиц, создание которых, на наш взгляд, возможно реализовать путём усиления уголовной и административной ответственности за совершение коррупционных преступлений, внедрение эффективных механизмов декларирования доходов и контроля за расходами государственных служащих, совершенствование институтов общественного контроля и защиты прав информаторов о коррупционных преступлениях;

- акцентирование внимания на виктимологическом аспекте, связанном с поведением субъектов, вовлеченных в коррупционные отношения в рамках

предупреждения коррупционных преступлений. В данной связи государство должно создавать условия, при которых дача взятки будет сопряжена с высокими правовыми рисками, а участие в коррупционных схемах повлечет за собой неизбежные негативные последствия как для должностных лиц, так и для их контрагентов.

Инструментарий предупреждения преступлений коррупционной направленности весьма разнообразен, в то же время следует отметить, что в настоящий момент эффективность предупреждения преступлений коррупционной направленности остаётся низкой. Как отмечает в своём исследовании Абушахмин А.Ф.: «Изучение материалов практики свидетельствует о том, что удельный вес преступлений коррупционной направленности, пресеченных на стадии приготовления и покушения, до сих пор крайне низким. Одной из причин следует признать недостатки в работе оперативно-розыскных подразделений» [4]. Не оспаривая данное утверждение, добавим, что помимо данной причины, также существует комплекс других факторов, способствующих формированию вышеописанной проблемы. Среди основных из них стоит выделить слабую координацию между различными подразделениями правоохранительных органов, недостаточное использование современных цифровых технологий и иных других аналитических инструментов, а также ограниченные кадровые и материальные ресурсы оперативно-розыскных подразделений.

Кроме того, не менее важной проблемой в данной связи остаётся вопрос о профессиональной подготовке сотрудников оперативных подразделений, поскольку в условиях сложной и изменчивой криминогенной обстановки, характеризующейся высокой латентностью коррупционных преступлений, требуется не только углубленная теоретическая подготовка, но и овладение практическими навыками работы с оперативной информацией, методами конспиративного наблюдения, внедрения и документирования преступной деятельности.

Стоит отметить, что особого внимания заслуживает вопрос о влиянии коррупции внутри самих правоохранительных органов, что создаёт значительные препятствия для эффективного предупреждения преступлений в данной сфере, так как коррупционные связи среди должностных лиц не только затрудняют процесс выявления и пресечения противоправной деятельности, но и формируют атмосферу вседозволенности, подрывая доверие общества к правоохранительной системе в целом.

Полагаем, что для повышения эффективности предупреждения преступлений коррупционной направленности необходимо внедрение целого комплекса мер, направленных на совершенствование правового регулирования предупреждения преступлений коррупционной направленности, развитие функционирования определенных институциональных механизмов, отвечающих за данное предупреждение, и так далее. Данные меры должны носить системный характер и базироваться на детальном анализе причин и условий, способствующих распространению коррупции.

Требует существенной корректировки нормативная правовая база, регламентирующая оперативно-розыскную деятельность в сфере противодействия коррупции. Современное законодательство, в числе которого ключевые нормативные акты: Федеральный закон «О противодействии коррупции» и Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», содержит ряд пробелов, препятствующих эффективному выявлению и предупреждению коррупционных преступлений. В частности, на наш взгляд, необходимо более чёткое определение правового статуса и процессуального значения информации, полученной в ходе оперативно-розыскных мероприятий, в том числе посредством внедрения специальных цифровых инструментов мониторинга коррупционных рисков. Остаётся неурегулированным ряд вопросов, касающихся механизмов взаимодействия оперативных подразделений с другими государственными органами, а также правовых оснований для использования информации, полученной в ходе

оперативно-розыскной деятельности, в качестве доказательственной базы в судебном разбирательстве.

Следующим важным направлением реформирования является институциональное укрепление правоохранительных органов, задействованных в борьбе с коррупцией. Проблема координации между оперативными подразделениями различных ведомств остается актуальной и требует разработки единого алгоритма взаимодействия, исключающего дублирование функций и ведомственного эгоизма. В этой связи, по нашему мнению, наиболее эффективной мерой противодействия видится создание межведомственных аналитических центров по выявлению коррупционных преступлений, наделенных широкими полномочиями по сбору, обработке и анализу оперативной информации. Данные центры должны функционировать в режиме оперативного мониторинга и обеспечивать проактивное выявление коррупционных схем на основе комплексного анализа информационных потоков данных, предоставляемых правоохранительными органами.

Наряду с совершенствованием институционального механизма, необходимо уделить внимание развитию кадрового потенциала оперативных подразделений. Современная криминогенная ситуация, характеризующаяся высокой латентностью коррупционных преступлений, предъявляет повышенные требования к профессионализму сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, вследствие чего представляется возможным отметить, что основным звеном реформирования в данной связи должно являться первичное подразделение по предупреждению преступлений коррупционной направленности, а именно – органы внутренних дел.

Предупреждение преступлений, выявление и последующее устранение причин преступности (профилактика преступлений и преступности) – приоритетные задачи полиции, закрепленные в соответствующем федеральном законе [5]. В данной связи считаем целесообразным обратиться к работе Фарахиева Д.М.: «для повышения результативности противодействия коррупционным преступлениям среди сотрудников ОВД следует устранить факторы, способствующие их совершению, к основным из которых следует отнести ошибки в выборе и размещении личного состава ОВД, низкую эффективность правового воспитания и формирования правосознания некоторых сотрудников ОВД, недостаточный профессионализм при обнаружении и фиксации незаконных действий сотрудников ОВД, подозреваемых в коррупционных преступлениях, взаимодействие некоторых сотрудников ОВД с криминальными группировками, а также объективные обстоятельства, в которых может оказаться сотрудник ОВД в безысходной ситуации» [6].

Не менее значимым направлением работы является технологическая модернизация оперативно-розыскной деятельности, поскольку в современных условиях эффективное предупреждение преступлений коррупционной направленности невозможно без использования передовых цифровых инструментов, обеспечивающих сбор и анализ данных в режиме реального времени. В данной связи считаем целесообразным упомянуть, что развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) и технологий машинного обучения позволяет автоматизировать выявление подозрительных финансовых операций, анализировать цифровые следы коррупционной деятельности, прогнозировать риски возникновения коррупционных правонарушений.

В настоящий момент вопрос определения понятия «искусственный интеллект» в современной правовой науке является дискуссионным. Как замечает Спицин И.Н.: «юридизировать понятие ИИ означает расширить его содержание, определив юридически значимые характеристики и свойства. Результатом юридизации понятия ИИ должен стать набор неизменных (инвариативных) правовых характеристик, в то время как конкретные варианты определений этого термина в нормативных актах могут различаться в зависимости от потребностей практики правового регулирования» [7].

Как показывает анализ научной литературы, определения понятия ИИ, формулируемые учеными, весьма разнообразны. На основании проведённого

анализа, отметим, что по нашему мнению, искусственный интеллект – это сложная автономная когнитивно-интеллектуальная система, созданная человеком на основе информационных технологий, обладающая способностью к самообучению, имитирующая деятельность нейронных сетей человеческого мозга и способная реализовывать различные когнитивные функции человека путем интеллектуальной, мыслительной, познавательной, творческой деятельности, а также обладающая возможностью самостоятельно вырабатывать варианты возможного поведения, в том числе и в ситуациях, не предусмотренных создателем.

В рамках исследования, считаем наиболее целесообразным выделить ключевые составляющие ИИ, возможные к применению в рамках противодействия преступлениям коррупционной направленности. Так, основным преимуществом ИИ является тот факт, что данная система реализует интеллектуальную, мыслительную, познавательную и творческую деятельность посредством анализа и обобщения большие массивы данных, самостоятельно вырабатывает решения, в том числе в ситуациях, ранее не знакомых ему. Обобщая данный тезис, отметим, что ИИ способен проявлять признаки разумного поведения, такие как осуществление осознанно-волевой деятельности, постановка и достижение целей и другие, что позволяет ему решать различные, как алгоритмически заданные, так и творческие задачи, традиционно относимые к сфере человеческого интеллекта, без привлечения к процессу решения различных (материальных, моральных, и т.п.) естественных ресурсов, то есть ресурсов человека.

Вследствие данных обстоятельств, а также в связи с активным развитием систем ИИ, полагаем, что необходимой мерой по повышению эффективности предупреждения преступлений коррупционной направленности представляется активное внедрение в оперативно-розыскную практику интеллектуальных аналитических платформ, способных интегрировать информацию из различных источников – банковских систем, государственных реестров, корпоративных баз данных, средств массовой информации и социальных сетей. Кроме того, следует внедрить в оперативно-розыскную деятельность основанные на алгоритмах ИИ технологии автоматизированного распознавания аномалий в финансовых транзакциях, что позволит значительно повысить эффективность выявления схем незаконного обогащения и вывода определенных цифровых активов. На наш взгляд, реализовать данное предложение возможно посредством создания единой ведомственной централизованной платформы, деятельность которой базируется на алгоритмах искусственного интеллекта.

Однако, нельзя не отметить, что, несмотря на очевидные преимущества, внедрение ИИ в данной сфере требует разработки всестороннего нормативного регулирования, поскольку его применение неизбежно затрагивает широкий спектр конституционных прав и свобод граждан, таких как право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, обеспечение защиты персональных данных, и так далее.

Отдельно стоит выделить, что особенно актуальной становится проблема правового обеспечения применения ИИ в целях предупреждения преступлений коррупционной направленности, поскольку автоматизированные системы способны эффективно выявлять скрытые связи между субъектами коррупционных правонарушений, анализировать финансовые потоки и иные косвенные признаки коррупционной деятельности.

Необходимо признать, что действующая нормативная база не содержит достаточных механизмов для регламентации использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности, поскольку законодательство об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации изначально разрабатывалось с учетом традиционных методов работы правоохранительных органов и не учитывает современные технологические реалии, связанные с использованием автономных аналитических систем, машинного обучения и иных нейросетевых алгоритмов. В результате отсутствует правовая определенность в вопросах пределов допустимости применения ИИ, объема собираемых данных,

степени автономности принимаемых решений, а также ответственности за возможные ошибки автоматизированных систем.

ИИ способен существенно повысить эффективность противодействия коррупции за счет автоматизированного анализа контрактов, сделок и иных финансовых операций, а также выявления аномальных закономерностей в деятельности государственных органов, однако применение таких технологий требует четкого нормативного закрепления, поскольку их использование неизбежно будет затрагивать персональные данные большого числа граждан, а также будет способно приводить к возможным случаям неправомерного обвинения на основе вероятностных вычислений, что недопустимо с точки зрения принципов правового государства.

В связи с этим, представляется необходимым принятие специального Федерального закона «О применении технологий искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности», который должен закрепить правовые основы использования ИИ в данной сфере. На наш взгляд, в рамках данного правового акта потребуется детализировать основные принципы применения ИИ, предусмотреть строгие критерии допустимости использования автоматизированных аналитических систем, а также определить механизмы защиты прав граждан в случае принятия такими системами ошибочных решений. Также, помимо вышеперечисленного, представляется возможным отметить, что в данном законе необходимо установить четкие процедуры контроля за функционированием ИИ в правоохранительной деятельности и установить надзор за его применением со стороны компетентных органов и институтов гражданского общества, с целью предотвращения злоупотребления использованием данной технологии, в том числе и в вероятных преступных целях.

Кроме того, нельзя не отметить, что необходимым шагом в данной связи также является разработка и внедрение обязательных стандартов безопасности, которые должны регулировать технические и организационные требования к системам ИИ, применяемым в оперативно-розыскной деятельности. Такие стандарты должны:

- включать в себя требования к защите обрабатываемых данных с целью минимизации риска утечки информации,
- способствовать исключению возможности неправомерного использования технологий ИИ в целях нарушения прав граждан.
- носить обязательный характер, их соблюдение должно находиться под надзором специализированных государственных органов, ответственных за вопросы цифровой безопасности.

Полагаем целесообразным внесение изменений в федеральный закон «О персональных данных» [8] для введения технологий ИИ в оперативно-розыскную деятельность, поскольку использование технологий ИИ в правоохранительной сфере неизбежно сопряжено с обработкой персональных данных граждан. По нашему мнению, в данной связи законодатель обязан четко определить, какие именно персональные данные могут использоваться в рамках применения ИИ в оперативно-розыскной деятельности, установить жесткие ограничения на их сбор, хранение и передачу третьим лицам, а также предусмотреть механизмы обжалования в случае неправомерного использования таких данных. Кроме того, нельзя не отметить, что крайне важно предусмотреть правовые механизмы предотвращения дискриминации и иных нарушений прав человека, связанных с принятием ошибочного или предвзятого алгоритмического решения.

Важным аспектом предупреждения коррупционных преступлений является развитие механизмов общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов, поскольку в условиях высокой латентности преступлений коррупционной направленности традиционные методы борьбы с данным явлением зачастую оказываются недостаточными, что делает необходимым привлечение гражданского общества к мониторингу антикоррупционной политики. По нашему мнению, перспективной мерой в данной

связи является создание независимых экспертных советов при правоохранительных органах, наделенных полномочиями по анализу эффективности оперативно-розыскных мероприятий, что может способствовать повышению общественного доверия к антикоррупционной деятельности государства.

Также стоит сказать, что отдельное внимание следует уделить вопросам устранения коррупции внутри правоохранительных органов, поскольку внутриведомственная коррупция представляет собой серьезную угрозу эффективности борьбы с преступлениями коррупционной направленности, поскольку создает условия для укрывательства преступных схем и подрывает доверие общества к правоохранительной деятельности. В данной связи, по нашему мнению, целесообразно разработать и внедрить систему автоматизированного мониторинга деятельности сотрудников оперативных подразделений, включающую контроль за их финансовыми операциями, служебными контактами, участием в коммерческих структурах и владением различными цифровыми активами.

В целом же, подводя итог, можно заключить, что с точки зрения правоприменительной практики ключевую роль в предупреждении коррупционных преступлений играют оперативно-розыскные подразделения органов внутренних дел, в первую очередь подразделения органов управления экономической безопасности и противодействия коррупции, наделенные широкими полномочиями в сфере выявления, предотвращения и пресечения коррупционных преступлений, включая проведение оперативно-розыскных мероприятий, аналитическую деятельность и взаимодействие с иными государственными структурами.

Важным аспектом предупреждения коррупции является использование оперативно-розыскных возможностей правоохранительных органов для раннего выявления преступных намерений и коррупционных схем. Однако, несмотря на наличие нормативных основ для такой деятельности, на практике потенциал оперативно-розыскного предупреждения коррупционных преступлений реализуется недостаточно эффективно. Полагаем, что одной из причин является отсутствие специализированных подразделений и сотрудников, занимающихся исключительно профилактической работой, а также недостаточное использование современных аналитических и цифровых инструментов для выявления коррупционных связей и нелегальных финансовых потоков.

Особенностью предупредительной деятельности в сфере борьбы с коррупцией является её комплексный характер, предполагающий сочетание правоприменительных, административных и общественно-просветительских мер. В этой связи особое внимание следует уделять повышению антикоррупционной культуры среди населения, особенно посредством использования воспитательных методов. Как справедливо замечают в своем исследовании Хачидогов Р.А. и Мартыненко О.Р.: «Лишь посредством воспитания устойчивого отрицания коррупционных действий можно эффективно предупредить совершения правонарушений и преступлений анализируемой направленности. Важно отметить, что в настоящее время указанная деятельность осуществляется в основном по отношению к несовершеннолетним и представителям молодежи, что объективно обусловлено их значением для будущего государства, однако представляется необходимым вести предупредительную деятельность в данном направлении в отношении всего населения. В данном контексте принципиальное значение имеет информирование населения об объемах и формах правовых последствий, предусмотренных российским законодательством за совершение правонарушений и преступлений коррупционной направленности» [9].

Также по нашему мнению, значительное влияние на предупреждение коррупции способно оказывать активное внедрение цифровых технологий в деятельность различных подразделений правоохранительных органов, и осуществление определённой автоматизации различных государственных процессов. Применение технологий ИИ в правоохранительной деятельности позволит

минимизировать коррупционные риски, связанные с человеческим фактором, и повысить прозрачность работы правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синчури́н О.В. Предупреждение преступлений коррупционной направленности в сфере государственных закупок средствами прокурорского надзора // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 128.
2. Темиров А. Р. Международный опыт противодействия преступлениям коррупционной направленности // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 26. – С. 757.
3. Криминология : Учебник для вузов по направлению и спец. «Юриспруденция» / Г.М. Миньковский и др. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – С. 156.
4. Абушахмин А.Ф. Понятие и роль конфидентов в предупреждении и раскрытии преступлений коррупционной направленности // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2018. – № 37. – С. 109–110.
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 4.03.2025).
6. Фарахиев Д.М. Предупреждение преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел / Д.М. Фарахиев // Научный потенциал. – 2022. – № 1(36). – С. 30.
7. Спицин И.Н. Юридизация понятия «искусственный интеллект» и пределы использования технологии искусственного интеллекта... в судебном процессе // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 10(179). – С. 144.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 21.02.2025).
9. Хачидогов Р.А. К вопросу о разработке комплексной системы социальных и экономических мер по предупреждению преступлений коррупционной направленности / Р.А. Хачидогов, О.В. Мартыненко // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 258.
10. Игнатов А.Н. Преступления коррупционной направленности, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел: определение категории / И.Н. Игнатов, А.З. Хун // Вестник экономической безопасности. – 2019. № 2. – с. 97-105.

ON THE ISSUE OF PREVENTING CORRUPTION-RELATED CRIMES

Romanenko E.A., Bokova A.O.

The article discusses various problems of preventing corruption-related crimes, examines methods of countering corruption-related crimes. The authors analyzed the existing methodological approaches to the prevention of corruption crimes, identified common key areas:

- systematic identification and elimination of factors contributing to corruption crime;
- improvement of anti-corruption legislation;
- focusing on the victimological aspect related to the behavior of subjects involved in corrupt relations in the framework of the prevention of corruption crimes.

The authors propose promising measures to prevent the commission of corruption crimes. The tools of which are very diverse, at the same time, the authors note that at the moment the effectiveness of preventing corruption-related crimes remains low, which will determine the relevance of the study.

Keywords: crime prevention, corruption, corruption orientation, corruption crimes, improvement of anti-corruption legislation, technological modernization of operational investigative activities.

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОН ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Соловьева Светлана Витальевна

Студент магистратуры,

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

Научный руководитель: Босхолов Сергей Семенович

Доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации ятрогенных преступлений, обусловленные сложностью установления объективной и субъективной сторон деяния. Анализируются особенности объективной стороны ятрогенных преступлений, в частности, причинно-следственная связь между действиями (бездействием) медицинского работника и наступившими последствиями для здоровья пациента, а также нарушение медицинских стандартов и правил. Особое внимание уделяется трудностям выявления субъективной стороны, включающей установление вины (умысла или неосторожности) медицинского работника. Автором исследуются различные подходы к определению вины в контексте специфики медицинской деятельности, учитывающие факторы риска, сложность диагноза и лечения, а также допустимый уровень врачебной ошибки. Предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики в сфере ятрогенных преступлений, направленные на обеспечение баланса между защитой прав пациентов и необходимостью защиты медицинских работников от необоснованного уголовного преследования.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, объективная сторона, субъективная сторона, медицинская деятельность, врачебная ошибка, вина, причинно-следственная связь.

Анализ уголовной статистики свидетельствует о сохраняющейся стабильности показателей, характеризующих преступность в сфере профессиональной медицинской деятельности. В частности, данные Следственного комитета Российской Федерации демонстрируют отсутствие тенденции к снижению числа уголовных дел, направленных в суд в отношении медицинских работников, чьи действия повлекли за собой тяжкие последствия для пациентов. Так, в 2022 году в суд было передано 178 уголовных дел, в 2023 году – 175 дел данной категории. Учитывая роль Следственного комитета РФ в применении норм Уголовного кодекса РФ и квалификации преступных деяний, данный орган одним из первых обозначил потребность в законодательном закреплении в УК РФ статей, устанавливающих ответственность за преступления, совершаемые медицинскими работниками, в

целях повышения точности квалификации подобных деяний и минимизации вероятности ошибок [11].

Выявление и исследование проблем, возникающих при доказывании объективной и субъективной сторон составов ятрогенных преступлений, позволяет понять их природу и причины, и, следовательно, определить возможные механизмы влияния на разрешение указанных проблем, а также способы их устранения, если таковые возможны.

На сегодняшний день медицинский сотрудник может быть привлечен к уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту УК РФ)), причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности (ч. 2 и 4 ст. 118 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ).

Обычно уголовные дела по данной категории преступлений возбуждаются по заявлению потерпевшего, его родных или знакомых.

«Приговором Сосновоборского городского суда акушер-гинеколог М. Т. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ. Врач М. Т. не приняла своевременного решения об операции во время родов потерпевшей М. А. Назначенная пациентке родостимуляция была вредной для плода, возникла срочная необходимость проведения операции «кесарево сечение», операция проведена с большим запозданием, в результате чего ребенок родился в тяжелом состоянии, что было вызвано неправильной тактикой ведения родов, избранной врачом М. Т. В кассационном суде адвокат заявил, что М. Т. оказывала при осуществлении родовспоможения медицинскую помощь, а не услугу» [5].

Судебная коллегия указала, что, заключая договор со страховой компанией, медицинская организация берет на себя обязанность оказания медицинских услуг надлежащего качества, поэтому коллегия не может согласиться с доводами кассационной жалобы о том, что М. Т., выполняя работу по трудовому договору, не может являться субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ» [5].

Таким образом, дело акушера-гинеколога М. Т. наглядно демонстрирует сложность квалификации действий медицинских работников в рамках уголовного законодательства. Ключевым моментом становится разграничение медицинской помощи и медицинской услуги, что напрямую влияет на определение субъекта преступления по статье 238 УК РФ.

Данный случай подчеркивает, что даже работая по трудовому договору, врач несет ответственность за качество оказываемых медицинских услуг. Страховой договор, заключенный медицинской организацией, накладывает обязательства по предоставлению услуг, соответствующих стандартам и требованиям.

Стоит отметить, что судебная практика в подобных делах формируется непросто и требует тщательного анализа каждого конкретного случая. Определение правильной тактики ведения родов, своевременность принятия решений и квалификация действий врача играют решающую роль при вынесении приговора [9].

При этом в научной литературе неоднократно акцентировалось внимание на проблеме дифференциации понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь». Медицинская помощь, как более широкая категория, охватывает как действия, осуществляемые в рамках оказания медицинской услуги на основании волеизъявления пациента, так и действия, предпринимаемые при отсутствии такового волеизъявления или даже вопреки ему. При этом, следует отметить, что «действия медицинских сотрудников, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих свои профессиональные обязанности вследствие недобросовестного или небрежного отношения к своим обязанностям, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия, не могут квалифицироваться по ст. 238 УК РФ. В подобных случаях деяние должно квалифицироваться по статьям,

предусматривающим ответственность за преступления против жизни и здоровья» [6, с. 106].

Рассмотрим две ситуации. В первом случае, имевшем место в Раменском городском суде, действия врача-пульмонолога Е.С. Ширяевой, выразившиеся в ненадлежащем обследовании пациента с подозрением на тромбоэмболию легочной артерии (ТЭЛА), ошибочной тактике лечения (назначение аминокaproновой кислоты, противопоказанной при ТЭЛА) и, как следствие, несвоевременной диагностике и смерти пациента, квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшее по неосторожности смерть человека).

Во втором случае, рассмотренном Чернышевским районным судом Волгоградской области, аналогичные дефекты, допущенные врачом-терапевтом Р.М. Сущенко (недиагностированное желудочно-кишечное кровотечение, назначение препарата Тромбо-Асс, усугубившего кровотечение и приведшего к смерти пациента), квалифицированы по ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей).

Несмотря на идентичность характера причинно-следственной связи (прямая причинная связь) между действиями (бездействием) медицинских работников и наступлением смерти пациентов, наблюдается дивергенция в подходах к уголовно-правовой оценке содеянного. В первом случае акцент сделан на оказании небезопасной медицинской услуги, во втором – на ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей. Данное обстоятельство может свидетельствовать о неоднозначности критериев квалификации подобных деяний и необходимости унификации подходов в судебно-следственной практике.

Анализ двух клинических случаев демонстрирует вариативность квалификации дефектов оказания медицинской помощи, повлекших летальный исход, в рамках уголовного законодательства.

Примером, иллюстрирующим коллизии в квалификации медицинских правонарушений, служит апелляционное постановление Краснодарского краевого суда по делу врача-кардиолога А. Пациент Б. был госпитализирован 6 июня 2014 года с предварительным диагнозом «острый коронарный синдром». В ходе разбирательства было установлено, что врач А., проявив ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, подтвердил ошибочный диагноз и передал пациента, находившегося в тяжелом состоянии, под наблюдение дежурного врача-терапевта, не обеспечив непрерывный мониторинг кардиолога.

В суде первой инстанции государственный обвинитель инициировал переквалификацию действий врача А. с ч. 2 ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшее по неосторожности смерть человека) на ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей). Адвокат, в свою очередь, ходатайствовала о возвращении дела прокурору, аргументируя это отказом обвинителя от первоначальной квалификации. Тихорецкий городской суд удовлетворил ходатайство адвоката, вернув дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ. Однако, апелляционная инстанция отменила постановление Тихорецкого городского суда, указав, что изменение квалификации деяния не влечет ухудшения положения обвиняемого, и направила дело на новое рассмотрение в тот же суд. Данный случай демонстрирует сложность определения объективной стороны и причинно-следственной связи в медицинских делах, а также вариативность подходов к квалификации действий медицинских работников, приводящих к неблагоприятным исходам для пациентов [7].

Согласно материалам предварительного следствия, в апреле 2017 года в городскую больницу поступила пациентка Т. с травмами, полученными в результате падения в общественном транспорте. Обвинение вменяло А.Н. Старостину ненадлежащее оказание медицинской помощи, выразившееся в игнорировании жалоб пациентки, недостаточном изучении результатов

исследований, свидетельствующих о разрыве селезенки, и, как следствие, необоснованном отказе от госпитализации и оперативного лечения. Исход дела – смерть пациентки Т. от кровопотери, вызванной разрывом селезенки. Обвинение квалифицировало действия А.Н. Старостина как умышленное неисполнение должностных обязанностей, повлекшее смерть пациента [8].

В соответствии с постановлением суда, уголовное дело было прекращено на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением сторон и заглаживанием причиненного вреда. Суд сослался на ст. 76 УК РФ, предусматривающую возможность прекращения уголовного дела в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести. Однако, на момент совершения преступления (апрель 2017 г.), п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ предусматривал наказание в виде лишения свободы до десяти лет, что относило данное преступление к категории тяжких.

В соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, суд вправе изменить категорию преступления, но не более чем на одну категорию. Однако, в постановлении суда отсутствует информация об изменении категории преступления, равно как и ссылка на ч. 6 ст. 15 УК РФ. Данное обстоятельство вызывает сомнения в законности принятого решения о прекращении уголовного дела.

Анализ данного дела демонстрирует сложность разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 238 и ст. 109 УК РФ, в контексте оказания медицинской помощи. Ключевым фактором является установление умысла виновного. Если установлено, что медицинский работник осознанно оказывал некачественную медицинскую помощь, не отвечающую требованиям безопасности, с целью получения выгоды или по другим мотивам, его действия подлежат квалификации по ст. 238 УК РФ. В случае, если смерть пациента наступила в результате небрежности, невнимательности или неправильной оценки клинической ситуации, содеянное подлежит квалификации по ст. 109 УК РФ.

Рассмотренное постановление суда выявляет ряд правовых проблем, связанных с квалификацией действий медицинских работников, повлекших смерть пациента. В данном случае, представляется более обоснованной квалификация действий врача по ч. 2 ст. 109 УК РФ, а законность прекращения уголовного дела вызывает сомнения в связи с отсутствием информации об изменении категории преступления. Данный анализ подчеркивает необходимость более четкого разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 238 и ст. 109 УК РФ, в контексте оказания медицинской помощи, с учетом конкретных обстоятельств дела и установления умысла виновного.

Таким образом, проведенный уголовно-правовой анализ ятрогенных преступлений, позволил выделить ряд проблем и предложить следующие варианты их разрешения.

В настоящее время в научной доктрине отсутствует унифицированный подход к дефиниции термина «ятрогенные преступления», что обуславливает отсутствие его законодательного закрепления. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении критериев идентификации субъекта ятрогенного преступления. Неопределенность в определении круга лиц, относимых к категории медицинских работников, создает затруднения в процессе привлечения виновных лиц к ответственности.

Отдельного внимания заслуживает проблема, связанная с распространенностью ошибок, допускаемых следственными органами при организации и проведении судебно-медицинских экспертиз. Зачастую следственные действия носят формальный характер, а вопросы, адресуемые экспертам, не направлены на установление причинно-следственной связи между действиями медицинского работника и возникновением неблагоприятных последствий для пациента.

Разрешение указанных проблем представляется возможным посредством введения квалифицирующего признака в составы преступлений ятрогенного характера, предусмотренные ч. 1 ст. 105, п. «м» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 109, ч. 1 ст. 111, п.

«ж» ч. 2 ст. 111, ч. 4 ст. 111, ст. 112, ч. 1 ст. 115, ст. 120, ч. 1 ст. 123, ч. 3 ст. 123, ч. 4 ст. 128, ст. 124, ч. 2 ст. 125 УК РФ. Данный признак должен быть связан с осуществлением медицинским работником его профессиональной деятельности. Предлагаемое изменение законодательства позволит избежать дублирования норм, будет соответствовать требованиям юридической техники и устранил часть пробелов, возникающих при квалификации преступных деяний ятрогенного характера.

С целью минимизации ошибок в квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками, и исключения коллизий в УК РФ, целесообразно введение главы 16.1 «Ятрогенные преступления», устанавливающей ответственность медицинских работников. Кроме того, рекомендуется закрепить на федеральном уровне определение понятия «ятрогенные преступления» [9].

При этом, внесение изменений в УК РФ должно быть обосновано и осуществляться после широкого обсуждения среди представителей медицинской и юридической общественности, с целью предотвращения возможных негативных последствий и обеспечения сбалансированности законодательства в рассматриваемой сфере.

Таким образом, предотвращение преступлений, связанных со здравоохранением (в частности, ятрогенных преступлений), является важной задачей современной медицины и правоохранительных органов. Качество медицинской помощи и безопасность пациентов должны быть на первом месте при оказании медицинских услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 8 февраля 2017 г. по делу № 22-782/2017 // URL://<https://sudact.ru> (дата обращения 12.12.2024).
2. Живулина Т. С. Защита по уголовному делу: пособие для адвокатов / Т. С. Живулина. – М. : Юрист, 2020. – 256 с
3. Иванкина А. В. Адвокат как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве России // А. В. Иванкина // Аллея науки. – 2023. – № 1 (76). – С. 695.
4. Нагорная И. И. Оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности: трудности квалификации (ст. 238 УК РФ) / И. И. Нагорная // Уголовное право. – 2021 – № 5. – С. 33–39.
5. Постановление Сосновоборского городского суда Ленинградской области № 1-174/2018 1-3 5/2019 от 25 июля 2019 г. по делу № 1-174/2018. URL://-<https://sudact.ru> (дата обращения 12.12.2024).
6. Поцелуев Е. Л. «Медицинская услуга» и «Медицинская помощь» по законодательству Российской Федерации: тождественные или различные понятия? / Е. Л. Поцелуев, А. Е. Горбунов // Наука. Общество. Государство. – 2016. – № 3 (15). – С. 106–110.
7. Приговор Раменского городского суда Московской области от 19 декабря 2017 г. по делу № 1635/2017 // URL://<https://sudact.ru> (дата обращения 12.01.2024).
8. Приговор Чернышевского районного суда Волгоградской области от 24 июня 2019 г. по делу № 1-32/2019 // URL://<https://sudact.ru> (дата обращения 12.01.2024).
9. Тихонова Е. И. Ответственность медицинских работников, связанная с их профессиональной деятельностью / Е. И. Тихонова // Аллея науки. – 2022. – № 1 (64). – С. 990–994.
10. Трегубова Е. С. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений / Е. С. Трегубова // Приднепровский научный вестник. – 2023. – № 1. – С. 93–97.
11. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. – URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>(дата обращения 12.03.2025).

12. Ходусов А. А. Особенности уголовной ответственности медицинских работников за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей в сфере оказания медицинских услуг / А. А. Ходусов // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2022. – № 2. – С. 39–44.

13. Черных Е. Е. Техничко-юридические особенности изменений законодательства об уголовной ответственности за профессиональную преступность медицинских работников / Е.Е. Черных // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 591–593.

14. Шатанкова Е. Н. Дифференциация уголовной ответственности в отношении медицинских работников / Е. Н. Шатанкова, Е. Р. Захарова // Современное общество и право. – 2023. – № 5 (66). – С. 130–137.

PROBLEMS OF DETERMINING THE OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASPECTS OF IATROGENIC CRIMES

Solovieva S.V.

The article considers current problems of qualification of iatrogenic crimes caused by the complexity of establishing the objective and subjective aspects of the act. The article analyzes the features of the objective side of iatrogenic crimes, in particular, the cause-and-effect relationship between the actions (inaction) of a health worker and the consequences for the patient's health, as well as the violation of medical standards and rules. Particular attention is paid to the difficulties of identifying the subjective side, including establishing the guilt (intent or negligence) of a health worker. The author examines various approaches to determining guilt in the context of the specifics of medical activity, taking into account risk factors, the complexity of diagnosis and treatment, as well as the permissible level of medical error. The author suggests ways to improve law enforcement practice in the field of iatrogenic crimes, aimed at ensuring a balance between the protection of patients' rights and the need to protect health workers from unjustified criminal prosecution.

Keywords: iatrogenic crimes, objective side, subjective side, medical activity, medical error, guilt, cause and effect relationship.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 342.4

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РОССИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Томилова Инга Игоревна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданско-правовых и государственно-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института,

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,

г. Новокузнецк, Россия

SPIN-код: 4344-1519

В статье проанализированы положения Конституции РФ, касающиеся места и юридической силы общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России в национальной правовой системе. Изложение конституционных норм, затрагивающих данную сферу, отличается неопределенностью и в течение тридцати лет с момента вступления в силу Основного закона порождает дискуссии, став предметом доктринального толкования и критического анализа. Автор исследует теоретические подходы к понятиям «общепризнанные принципы и нормы международного права», «императивные принципы международного права», «международные договоры», «правовая система», а также конвенционные и национальные нормы, правовые позиции Пленума Верховного Суда по идентификации данных понятий. В статье

актуализируется вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров России, в случае, если в истолковании Конституционного Суда РФ, они противоречат Конституции.

Ключевые слова: международное право, общепризнанные нормы, общепризнанные принципы, императивные принципы, международные договоры, правовая система, Российская Федерация, Конституция, Конституционный Суд, Верховный Суд, доктрина, коллизия.

Категория юридической науки «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ» стала имманентной частью российского правоведения и практики правоприменения в связи с принятием Конституции 1993 года, концептуальный подход которой предполагает необходимость взаимодействия и гармоничного развития международной и национальных правовых систем. Как справедливо отмечал советский и российский ученый-правовед в области международного права И. И. Лукашук: «От взаимодействия этих двух систем права зависит эффективность обеих» [1, С.32].

Основы механизма взаимодействия и согласованности международного и внутригосударственного права, проявляющиеся, как в структуре отечественного правопорядка, в конституционно-правовых и иных отраслевых правоотношениях, так и в правоприменительной практике, отражены в норме ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» [2]. Будучи императивной и составляя одну из основ конституционного строя РФ, данная норма может быть изменена только путем пересмотра – принятия нового проекта Основного закона. Рассматриваемая категория содержится и в ряде иных конституционных положений (ст. 17, 63, 69), при этом легальное толкование содержания самого понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права», как правовой категории, в российском законодательстве отсутствует.

В научном дискурсе в целом признано, что общепризнанные нормы и принципы международного права, представляющие собой основополагающие правила межгосударственной коммуникации, ее руководящие начала и идеологическую составляющую, являются «*jus cogens*» (императивными или когентными) и «*erga omnes*» (обязательными для всего мирового сообщества и каждого отдельного государства) правовыми стандартами.

Согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 г. «императивной нормой общего международного права является норма, принимаемая и признаваемая международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» [3].

Данный терминологический подход к идентификации императивной нормы общепринят в академической науке, при этом содержание дефиниции «общее международное право» не раскрывается ни в одном международном документе. Наибольшее распространение среди правоведов получила позиция, согласно которой общее международное право сформировалось правилами международных правовых обычаев, основанных на всеобщей практике и признанных в качестве юридически обязательных. При этом очевиден факт того, что, являясь фундаментом, ориентиром для поведения государств в мировом сообществе, общепризнанные императивные нормы международного права являются основой для разработки и реализации межгосударственных договоров, учредительных актов международных организаций, на них базируются решения международных судебных органов.

Существующий в российском законодательстве нормативный пробел в дефинитивном определении общепризнанных принципов и норм международного права был, в свою очередь, восполнен Верховным Судом РФ в своем постановлении «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ»: «Общепризнанные принципы международного права – это основополагающие нормы международного права, которые принимаются и признаются международным сообществом государств в целом и отклонение от которых не допускается. Общепризнанной нормой международного права является правило поведения, которое принимается и признается в качестве юридически обязательного международным сообществом государств в целом» [4]. Таким образом, в качестве общепризнанных принципов всегда выступают нормы международного права, однако не все они являются принципами.

Отечественные и зарубежные исследователи вопроса, какие именно принципы международного права следует отнести к «основополагающим», едины во мнении, что таковыми являются впервые сформулированные в Уставе ООН от 26.06.1945 г., а позже дополненные и закрепленные в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24.10.1970 г. № 2625 (XXV) и Заключительном (Хельсинкском) акте СБСЕ от 01.08.1975 г. десять универсальных общепризнанных принципов международного права. К ним относятся, в частности, принципы неприменения силы и угрозы её применения, мирного разрешения международных споров, невмешательства во внутренние дела государств, сотрудничества и суверенного равенства государств, равноправия и самоопределения народов и наций, добросовестного выполнения международных обязательств, уважения прав и свобод человека, территориальной целостности и нерушимости государственных границ. Являясь фундаментом мирового правопорядка и критерием международной легитимности, данные принципы постулируются в качестве императивных, при этом их перечень нельзя считать исчерпывающим.

На основе решений Международного суда ООН, материалов Комиссии по кодификации международного права ООН, межгосударственной договорной практики, наряду с вышеупомянутыми, к общепризнанным принципам представляется возможным отнести: недопустимость геноцида и апартеида, запрещение использования химического и бактериологического оружия, принцип свободы судоходства в открытом море и запрета пиратства, дипломатической неприкосновенности и иные. Вопрос о целесообразности принятия единого кодифицированного акта, закрепляющего все базовые принципы международного права, перечень которых был бы исчерпывающим, не единожды обсуждался в рамках различных органов и комитетов ООН, но так и не был принят. Для приобретения качества общепризнанного принципа-нормы международного права необходим консенсус – принятие их международным сообществом на основе согласования воли государств, в первую очередь, государств – постоянных членом Совета Безопасности ООН, к которым относится Россия [5, С. 32].

Все вышеперечисленные договорно закрепленные принципы являются составной частью национальной правовой системы РФ, при этом несмотря на широкое употребление в доктринальном дискурсе, само понятие «правовая система» нормативно не урегулировано. Российский правовед, профессор Г.В. Игнатенко придерживался мнения, что «авторы Конституции исходили из широкой трактовки термина «правовая система», не ограничивая ее совокупностью юридических норм, то есть правом. Не случайно использовавшаяся в нескольких проектах Конституции формула, согласно которой принципы и нормы международного права, международные договоры рассматривались как «часть права» Российской Федерации, была заменена при отработке окончательного текста» [6, С. 13]. По его мнению, термин «правовая система» не тождественен «праву»; являясь комплексной многоаспектной категорией, он включает

национальные юридические нормы, международно-правовые обязательства РФ, правовую культуру российского общества, а также действующие в государстве механизмы правотворчества, правоприменения и государственного принуждения, направленные на обеспечение надлежащего функционирования и совершенствования существующих правовых норм.

При этом, именно нормы, как справедливо отмечал профессор С. В. Черниченко, «должны, прежде всего, определять правовую систему; без них правовая система существовать не может» [7, С. 21].

Таким образом, исходя из формального подхода, распространенного в российской юридической науке, в отношении процитированного конституционного положения ч. 4 ст. 15, следует отметить, что иерархия международных норм, принципов и договоров РФ в национальной правовой системе не установлена.

Ч. 1 ст. 15 Основного закона РФ содержит однозначное указание на высшую юридическую силу Конституции, что свидетельствует о том, что общепризнанные международные принципы и нормы, а также международные договоры РФ не могут превалировать над ней и нормативно противоречить.

Позиция по вопросу толкования данной конституционной нормы была сформулирована в п. 2.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П: «Вместе с тем, как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4, 15 и 79, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор РФ, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ» [8].

Прекращение членства в Совете Европы, а также последующая денонсация Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и других региональных соглашений, формально не влияют на смысловое содержание высказанной Конституционным Судом позиции. Подход к решению данного вопроса можно толковать расширительно: Конституция РФ имеет верховенство в отношении всех международных договоров, участницей которых является РФ.

Правовые позиции Конституционного Суда, чьи решения обязательны для всех органов публичной власти, предприятий, учреждений, организаций, граждан и их объединений, можно рассматривать как неотъемлемую часть самой Конституции; они подлежат непосредственному применению, как любой закон, и вносить изменения в текст Конституции при этом не требуется.

Согласно п. «г» ч. 2 и ч. 6 ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ по запросам уполномоченных субъектов проверяет на конституционность не вступившие в силу международные договоры РФ, и в случае установленного несоответствия они не подлежат введению в действие и применению.

Из формулировки ч. 4 ст. 15 «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [2], следует, что правила международного договора имеют преимущественную силу перед национальными нормами в случае конфликта между ними. Исходя из нормы о предварительном конституционном контроле международных договоров, осуществляемом Конституционным Судом РФ, можно констатировать, что изначально все международные договоры, согласие на обязательность которых было выражено, соответствуют Конституции и иным внутригосударственным актам, которые, в свою очередь, также не должны противоречить Основному закону страны.

Международный договор, не совместимый с Конституцией РФ, еще до его вступления в силу признается неконституционным, и в этой связи не может быть имплементирован во внутреннее законодательство и исполняться. Таким образом, коллизия между международными договорными и национальными нормами может возникнуть исключительно в случае внесения изменений во внутригосударственное законодательство.

Кроме того, конституционная лексема ч. 4 ст. 15 порождает теоретические и практические вопросы относительно терминологии, в частности, использования понятия «закон». В отечественной доктрине до сих пор продолжается дискуссия о том, какие именно виды законов попадают под действие данной статьи. Учитывая существующие точки зрения, можно резюмировать, что в данном контексте речь идет о корреляции международных договоров и федеральных законов. При этом Конституция РФ устанавливает не общий приоритет международного договора, а его преимущество в применении, что не лишает национальный закон юридической силы и действия в остальных случаях.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5, правила действующего международного договора РФ имеют приоритет в применении в отношении законов РФ в случае, если согласие на обязательность такого договора выражено в форме федерального закона, то есть ратификации [4].

Обязательной ратификации подлежат международные договоры РФ по наиболее важным вопросам международного сотрудничества, предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина, территориальное межгосударственное разграничение РФ, обороноспособность, международная безопасность, а также исполнение которых требует внесения изменений в действующее законодательство или принятия новых законов. Заключаемые органами исполнительной власти межправительственные и межведомственные соглашения не требуют осуществления соответствующей процедуры и после официального опубликования действуют напрямую и непосредственно.

Очевидно, что правовые коллизии международных и национальных норм негативно сказываются на процессе правоприменения и заслуживают повышенного внимания законодателя. Гармонизация законодательства является необходимым шагом на пути исключения существующих противоречий, способствующим согласованию международной и российской правовых систем, от которого зависит эффективность практической реализации права.

Конституционный подход ч. 4 ст. 15 распространяется на международные договоры РФ и не определяет место общепризнанных норм и принципов, договорно не закрепленных, в иерархии правовых предписаний. Таким образом, нормы и принципы международного права, являясь частью российской правовой системы, обладают общеобязательностью, но в случае правовой коллизии возникает неопределенность относительно того, какую именно норму – международную или национальную следует применять. [9, С. 321].

В соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции в России «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией». Очевидно, что принципы и нормы, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, могут и не иметь договорного закрепления; ключевым является их «общепризнанность» и, соответственно, «общеобязательность», что по сути ставит их выше внутреннего законодательства. Таким образом, исходя из смысла данной статьи, нормы и принципы, устанавливающие правовой статус человека и гражданина, обладают той же юридической силой, что и договоры РФ, то есть стоят выше национальных законов [10, С. 31].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что сама Конституция не может ограничивать общепризнанные нормы и принципы, главным источником которых является международное право. Их признание на международном уровне продуцирует соответствующие изменения в национальном законодательстве без необходимости принятия новых законов.

Согласно п. «б» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ, введенному Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ, Конституционный Суд РФ «разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащим Конституции Российской Федерации» [2]. В силу ст. 79 действующей редакции Конституции РФ: «Решения

межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [2].

Таким образом, в результате конституционной реформы 2020 г. полномочия Конституционного Суда РФ были расширены: фактическое исполнение международного договора зависит от его легального толкования, осуществляемого постфактум [10, С. 34].

Определяя место общепризнанных норм и принципов международного права и международных договоров РФ в российской правовой системе, можно сделать следующие выводы:

- в правовой системе РФ высшую юридическую силу имеет Конституция РФ, которой должно соответствовать как текущее национальное законодательство, так и международные договоры, согласие на обязательность которых было выражено;

- приоритет применения правил международного договора над правилами федерального закона, основан на добровольности его подписания и соответствия Конституции РФ;

- общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры РФ являются неотъемлемой частью правовой системы России, при этом юридическая сила норм и принципов, договорно не зафиксированных, законодательно не определена;

- являясь неотъемлемой частью правовой системы, общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры РФ должны быть имплементированы в национальное законодательство путем принятия новых или изменения действующих законов и подзаконных актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашук И. И. Конституция России и международное право / И. И. Лукашук // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2. – С. 29 – 41.
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; 2020. – 4 июл.; 2022. – 5 окт.
3. Венская Конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» // Рос газ. – 2003. – 10 окт.; 2013. – 12 мар.
5. Кремнев П. П. Общепризнанные принципы общего международного права в системе российского права / П. П. Кремнев // Вестник Московского университета. – 2018. – № 6. – С. 19 – 33.
6. Игнатенко Г. В. Международное право: учеб. для ВУЗов / Г. В. Игнатенко. – М.: Норма, 2023. – 752 с.
7. Черниченко С. В. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации / С. В. Черниченко // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8. – С. 21 – 27.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Рос. газ. – 2015. – 27 июля.

9. Корконосова Т. А. Международный договор и правовая система РФ / Корконосова Т. А., Долгополова Т. А. // Неделя науки СПбПУ : сб. ст. / под ред. М. С. Коган. – СПб.: Изд-во СПбПУ, 2018. – С. 321 – 322.

10. Карпушкин А. В. Нормы международного права в правовой системе России и пределы их исполнения / А. В. Карпушкин // Наука. Общество. Государство. – 2020. – № 3. – С. 28 – 36.

**ON THE ISSUE OF THE PLACE OF GENERALLY RECOGNIZED PRINCIPLES
AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL TREATIES
OF RUSSIA IN THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIAN FEDERATION:
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS**

Tomilova I. I.

The article analyses the provisions of the Russian Constitution concerning the place and legal force of universally recognized principles and norms of international law and international treaties of Russia in the national legal system. The presentation of constitutional norms affecting this area is uncertain and has been uncertain for thirty years since the entry into force of the Basic Law has generated discussions, becoming the subject of doctrinal interpretation and critical analysis. The author explores theoretical approaches to the concepts of «universally recognized principles and norms of international law», «peremptory principles of international law», «international treaties», «legal system», as well as conventional and national norms, the legal positions of the Supreme Court on the identification of these concepts. The article updates the question of the possibility of enforcement of decisions of interstate bodies adopted on the basis of the provisions of international treaties of Russia in the event that they are contrary to the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: international law, generally recognized norms, generally recognized principles, peremptory principles, international treaties, legal system, Russian Federation, Constitution, Constitution Court, Supreme Court, doctrine, conflict.

Учредитель журнала: Тихонова Жанна Сергеевна, Ростовская область, Аксайский район, пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10,
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в СМИ: серия ПИ № ФС77-85701 от 21 июля 2023г.
Регистрирующий орган: ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
Издательство: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН: 615108078357
Адрес редакции: РОССИЯ, обл. РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10
Печатается в типографии: Издательство профессиональной прессы и литературы «Профпресслит», ИП Нефедов Д.В.
Адрес типографии: 344019 г. Ростов-на-Дону Мясникова ул, д 52/32,
E-mail: Nauka-pravo77@yandex.ru Сайт редакции: <https://academsfera.ru/>
Подписано в печать. 07.04.2025г., 18,16 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 04-07/07. Цена свободная